

Интерна Ярцева

Все, что было, все, что было...

Москва, 2012

«Я прожил 100 лет. Пока живешь, столетие кажется вечностью, но потом, обернувшись назад, видишь, как оно сжимается в один краткий миг, в котором - рождение мысли и зрелость ума, вдохновенная мечта и ее крушение – все это сливается в одно неизбежное воспоминание, без начала и конца».

М.Рио.

Вместо предисловия.

Когда-то в юности мне казалось, что конец всяческой жизни наступает в 25 лет, в молодости - жизнь оканчивалась в 45 лет, а в свои 45 - я считала, что уж 60- лет – это предел мечтаний. Теперь, когда меня двинуло на девятый десяток, мне уже ничего не кажется.

Я просто живу.

И вдруг образовалось очень много свободного времени.

И пока меня не посетил герр Альцгеймер или милейший месье Склероз, хочу выложить всё, что помнится.

Родословная наших семей.

Семьи Ярцевых (моего отца) и Шахиных (моей матери) жили в Москве очень давно, с середины XIX века, а может быть и раньше. Все, что я о них пишу, знаю из рассказов тети Зины, (Зинаиды Тихоновны Шахиной), моей тетки по матери, и мамы - Нины Тихоновны. Давно и сильно жалею, что не записывала раньше и не смогла переупрямить их самих записать или хотя бы поддиктовать мне.

ЯРЦЕВЫ.

Дед - Владимир Васильевич Ярцев, бабушка Екатерина Борисовна. Известно, что жили на Тишинской площади в казармах Прохоровской мануфактуры. Видимо, дед работал на фабрике, был маляром (так написано в деле отца), но в семье говорили, что он писал иконы, был очень набожным человеком и в конце жизни носил вериги. Умер в 42 года от пеллагры, проще – от голода.

Бабушка сгорела в 1905 г при пожаре во время восстания на Пресне. Их дети: Алексей, Елизавета, Мария, Виктор, Дмитрий. Сестры получили медицинское образование. Старшая была фельдшером на фронте во время войны 1914-18г, была замужем за Вольдемаром Юрьевичем Вихертом, немцем, инженером-путейцем. В семье о нем как-то не говорили, он пропал в тридцатых годах, видимо, был арестован. Елизавета была членом партии с незапамятного года. Два раза была арестована. После второго ареста и лагеря её нашли сыновья в Казанской тюремной больнице. Как они говорили, вся спина была в рубцах от побоев. С помощью врачей, работавших когда-то с ней и ставших медицинскими светилами, её перевели в какую-то клинику в Москве, отходили, подлечили. Был запрет на газеты, но каким-то образом они к ней попали. После этого она сказала: жить не хочу, перестала принимать пищу, умерла в 1952г. Её сыновья: Анатолий и Александр Вихерты: Толя-художник, Саша-геолог, окончил МГУ с красным дипломом, но один из всего курса был направлен в Якутию – анкета! Долго работал там, затем преподавал в МГУ, доктор минералогических наук, профессор. Мария была за-

мужем за Круглушиным Павлом Тимофеевичем, жили во Фрянове Московской области, работала акушеркой в больнице, муж – старший лесничий. Их дети: Борис, Евгений, Елена. Борис и Женя воевали, оба были ранены. Алексей - знаю только, что был членом РСДРП задолго до революции; в 1926г покончил жизнь самоубийством, оставил записку: с новым курсом партии не согласен, без партии жить не могу (это в моей интерпретации со слов Вихертов). О Дмитрие практически ничего не знаю, был женат, работал где-то на периферии, был директором Гурьевской ТЭЦ на Каспии. Дочь его, Вера, одно время жила с нами в Москве.

Мой отец вместе с младшим братом воспитывался в приюте после смерти матери. Знаю, что кончил он 7 классов (где - не знаю). В 1919 году он уже воевал в Конной Армии, в 1920г. вступил в партию. Воевал, видимо, хорошо, дома хранились именная сабля и кожаные наградные штаны. Мама говорила, что был политруком эскадрона. Дома долго хранили длинную кавалерийскую шинель, кожаные галифе и шлем-буденновку. После гражданской войны кончил рабфак и энергетический факультет Бауманского училища. Работал в Моссельпроме. В 1930 году по партийному призыву был направлен на работу в ВЧК ОГПУ, где работал до 1938 года. В мае 1937 года награжден орденом Ленина. Как было опубликовано в газете «Правда» - «За отличное выполнение правительственного задания». Был избран депутатом Верховного Совета первого созыва, с 1938 - кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1938 году был послан Сталиным на Сахалин

1920 год, Польский фронт. 1937-38год. 1939год, последний снимок

в ранге правительственного комиссара. При возвращении самолет потерпел аварию над Амуром в районе Хабаровска. Отца спасли, но при падении в воду получил тяжелые ранения, долго лежал в госпитале в Хабаровске, потом долечивался в Барвихе. Остались шрамы на лице и спине. Как выяснилось много позднее, у него был перелом основания черепа. После возвращения в Москву отца перевели в Наркомат связи на должность первого замнаркома. Летом 1939 был арестован, ровно через полгода - расстрелян. Многого я не знаю, архивы для меня закрыты: ведомство своих тайн не вы-

даёт, а что известно из официальных бумаг, то противоречит всему, что мне говорили его уцелевшие сослуживцы и друзья.

Вот и все, что я знаю о старших Ярцевых.

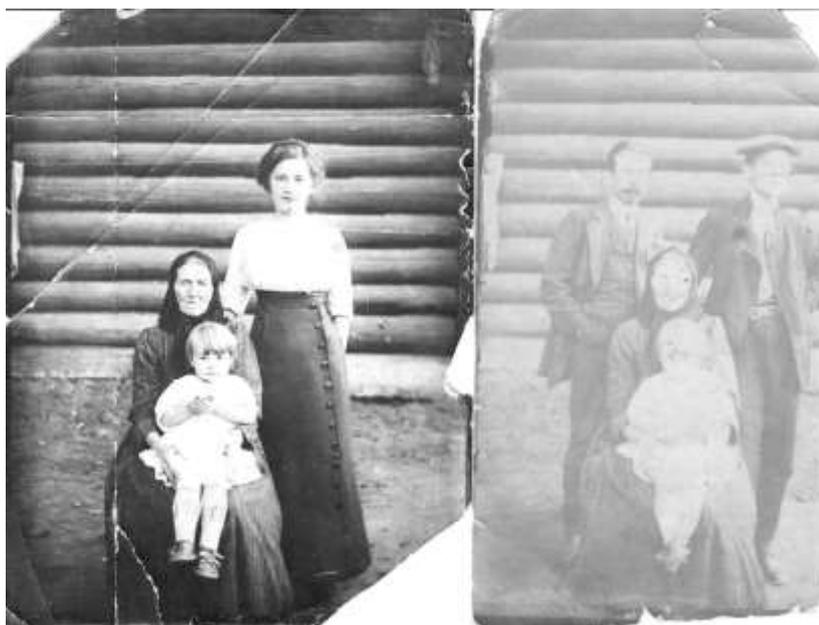
ШАХИНЫ.

В семье говорили, что предки жили в Задонске и были когда-то донскими казаками. Когда появились в Москве, мне неизвестно, но фотография прадеда Шахина Федота (отчество мне неизвестно) определяется 1865-70 годами. По рассказам, странная фамилия имеет корни от семейной легенды: у какого-то нашего предка в женах была персиянка-шахиня. Пленная, украденная или добровольная – неизвестно, но доля правды есть – порода отличалась горбатыми носами, темными глазами и немного буйными нравами. Примером может служить моя тетушка Зинаида – темноволосая, нос с горбинкой, гневливая. Недовольные или получившие хорошую стучушку присвоили ей прозвище «Фата Моргана».

Прадед Федот (отчество ?) Шахин

Дед Тихон Федотович и бабушка-Екатерина Семеновна Шахины. Жили в Москве, дома своего не имели, квартиры снимали. Дед работал старшим приказчиком в пассаже Солодовникова на Петровке, умер в 1916 году, его ударили по голове шашкой во время разгона каких-то беспорядков, долго болел. О бабушке известно, что она младенцем была подкинута в Воспитательный дом на Швивой горке в Москве и потом была удочерена в семью московских немцев. Приемные родители бабушки имели небольшой магазинчик на Лубянской площади (там сейчас Детский мир).

Прабабушка с Зинаидой и Ниной. А тут с Тихоном и Николаем

В семье было много детей: Николай, Зинаида, Михаил, Вера, Сергей, Нина, Дмитрий (это о которых я слышала или их знала). Николай - воевал на войне 1914 года, был ранен, умер в 1916г. Михаил - жил от нас очень отстраненно, знаю, что долго работал в Персии

Молодые Шахины

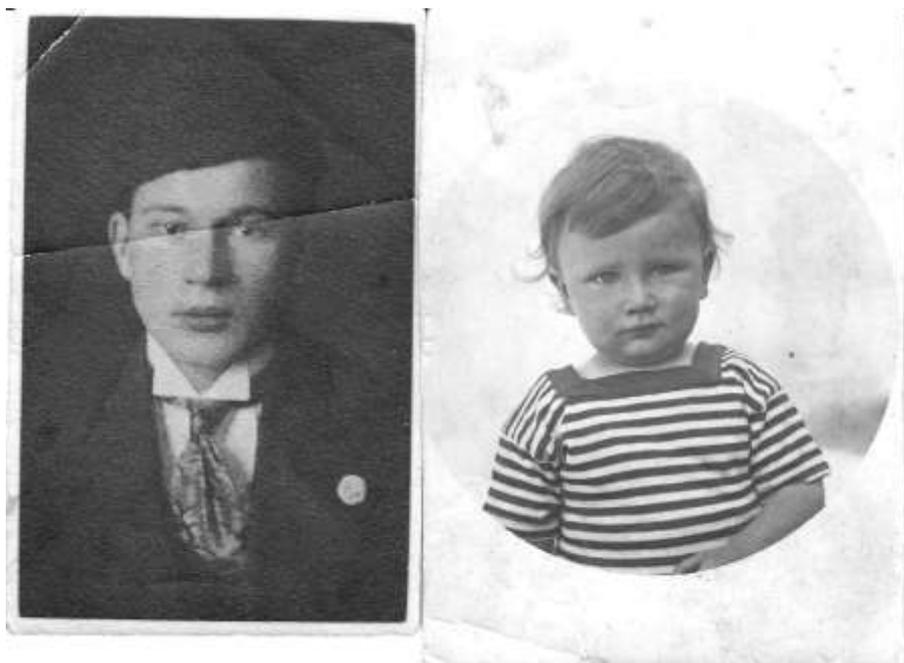
Зинаида – окончила коммерческое училище, работала в страховом обществе «Россия», затем в «Центропечати». Замужем за Г.А.Брунштейном, сын Юрий Шахин. Сергей был другом отца. О его образовании ничего не знаю. Жена Елена Георгиевна, дети Галина, Виктор и Татьяна Шахины. Вера - была замужем за Василием Марченко, дочь Ольга. Умерла до войны от туберкулеза.

Дмитрий – умер в эпидемию испанки в двадцатых годах.

Нина – моя мама, родилась в 1909г. Училась всего 4 класса. Пока жив был Тихон Федотович, семья жила сравнительно хорошо: Т.Ф. работал старшим приказчиком в Пассаже Солодовникова, Екатерина Семеновна хорошо шила и имела заказы. В семье была кухарка и прислуга. У семьи родителей мужа был домик в Барашковом проезде, а молодые снимали квартиру внаем с мебелью. Почему-то рассказ шел все время о Бутырском хуторе, все квартиры были там. После смерти Т.Ф. семья жила очень бедно. При матери остались дочери и Сергей. Он пошел работать «мальчиком» в москательную лавку, мать шила. После революции бабушке, как и многим бедным, дали комнату вначале в Варсонофьевском переулке, а потом переселили на Пятницкую, в квартиру фабриканта Доброва. Семья хозяина отделила свою половину стеной, оставив новым жильцам 3 комнаты и кухню с черным ходом. Рядом с бабушкой долго жил непман Додик с женой Мэри. Она вязала трикотажные галстуки и всегдашней темой разговоров была боязнь прихода фининспектора. А вот почему Додика звали непманом – не знаю.

Как выжили в голодное время гражданской войны, рассказывали глухо, не любили вспоминать. Маме в школе давали иногда либо воблу, либо маленький кулечек пшена.

Михаил и Митя

Тетке тоже перепада-дала вобла на ра-боте. С той поры и научилась тетка ва-рить суп из воблы.

Зинаида в 1920 году вышла замуж за Григория Андрее-вича и переехала к нему на Ново-Бас-манную. А мама пошла работать ученицей счетовода, потом счетоводом. Работала в Мос-сельпроме, где и по-знакомилась с на-шим отцом. Из ма-мино детства: по моей памяти в доме

бабушки стояли чугунные батареи, но они не работали. В комнате стояла круглая бур-жуйка (потом она долго эксплуатировалась на даче в Никольском). На кухне стояла дровяная плита и топили её для всей квартиры – готовили сразу все хозяйки. Дрова бы-ли огромным дефицитом. В такие дни детей укладывали спать на теплой плите с уг-лями. Так случилось, что когда там спала мама с дочкой соседней, с черного хода за-лезли грабители. Девочки проснулись и закричали, их ударили чем-то тяжелым. Маме повезло – она выжила, но на всю жизнь остался страх перед бандитами.

В нашей семье родилось трое детей: я, Володя и Катя. Младших детей назвали по име-нам дедушки и бабушек, меня же – в честь Интернационала, только какого – неиз-вестно.

О НАС

Детство, Маросейка. 1935-36гг.

Себя я помню где-то лет с четырех Жили мои родители в двух комнатах в старинном особняке на ул.Воровского. В памяти моей остались темные длинные коридоры с лест-ницами-переходами, с которых я вечно летала и расшибала лоб и нос. В 1935 году отцу от работы дали трехкомнатную квартиру на углу Маросейки и Петроверигского пере-улка. Дом был новый, везде пахло краской, и было совсем не похоже на прежнее жилье. В квартире была газовая плита и колонка в ванной. Для того аскетичного времени это были барские палаты со своей отдельной кухней. Из окон четвертого этажа были видны кремлевские звезды, а со стороны вокзалов были слышны паровозные гудки.

Для новой квартиры родители купили новую мебель и ей была обеспечена очень долгая жизнь: никелированная кровать с высоким пружинным матрасом с закругленными спинками (отличный снаряд для занятий разнообразной гимнастикой для всех поколе-ний семьи!); дерматиновый диван с валиками и ящиком под сиденьем (отличное место для скрытия преступной деятельности!), квадратный тяжеленный стол на массивных

ногах-столпах и поперечиной для сиденья под столом наказанных мелких субъектов, 6 канцелярских стульев с обивкой из черного дерматина, буфет – сокровищница и субъект всяческих пиратских нападений на содержимое, и платяной шкаф с многострадальным зеркалом во всю большую дверцу – местом притяжения всех красавиц семьи и приходящих посмотреть на себя во весь рост в анфас, профиль и со спины (если, конечно, сумеешь вывернуться!). Для меня началась новая и страшно увлекательная жизнь, ведь меня выпускали гулять ОДНУ во двор. Сразу же нашлись подружки и товарищи по этой увлекательной жизни. И для меня началась вольница!

Бабушка и Зинаида

дворе или убегали на спуск к Солянке. Зимой катались на санках на этом спуске, там был какой-то старый парк с большими деревьями. Там, воткнувшись лицом в дерево, я и получила первую настоящую травму в своей жизни. Потом считать их перестала.

Но вольница моя кончилась довольно скоро, видимо, мама поняла, что я слишком разболталась и меня отправили в детский сад в Большом Комсомольском переулке, в доме рядом с нынешней пиццерией. Тогда там была столовая, в которой каждый день варили вкуснейшие суточные щи (это мне так казалось, запах шел из вентилятора одуряющий!). А так как во

Маросейка и сегодня стоит такая же старая, как была тогда, с низенькими неприглядными домами и такая же узкая и кривоватая. Ну, может быть, домишки сейчас и подновили свеженькой веселой краской и положили новый асфальт. Давно там не была, да и не тянет в эту загазованность. А вот улица моего детства вспоминается мне шумной, веселой, с множеством маленьких магазинчиков, трамваем и бульжной мостовой. Тогда еще был в ходу гужевой транспорт – лошадь с телегой, так что на улице постоянно стоял шум от трамвая, от телег с грузом и от машин, конечно. Особенно почему-то грохотали подводы с бочками!

У мальчишек постарше была особенная забава – прицепиться на колбасу трамвая (для неграмотных - сзади вагона находился небольшой «хвост» - колбаса) и проехаться хоть сколько-нибудь, пока не сгонит кондуктор. А мы, мелюзга, возились во

Зинаида с подругой

время прогулок я все время торчала у забора рядом с этим вентилятором, то слюни текли постоянно. Этот детский сад запомнился тоже запахами: невкусных каш, очиненных цветных карандашей и каким-то специфическим запахом казенных детских учреждений. И еще: мертвый час! Спать укладывали на походные койки, это две крестовины с натянутой парусиной или брезентом, сооружение то еще! Можно было повернуться и оказаться с грохотом на полу. Видимо, на меня жаловались, так как меня скоро оттуда забрали. И опять меня затянуло во двор, к вольной жизни!

А во дворе была жизнь! Как только слышался крик «Старье берем!» сразу слеталась вся мелюзга. У татар-старьевщиков всегда можно было выменять на какое-нибудь старье (тряпки или обувь или просто старые галоши) мячик на резинке или пищалку «Уйди-уйди», или совсем уж запретное, карамельный петушок или куколку на палочке. А китайцы приносили обалденные складные веера, цветы и гирлянды из папиросной бумаги совершенно сумасшедших расцветок. Чего стоил один надувной язык! А про длинные витые карамельки в красивых бумажках и говорить нечего. Сколько слез было пролито, пока выпросишь у мамы или Пани чего-нибудь на обмен. Посещали двор лудильщики, эти оповещали о себе так: «Каструли-чайники лудить-паять!». Там работа была кропотливая, можно было долго стоять и смотреть на это колдовство. Но самое интересное

Моя дворовая компания с Петроверигского переулка. 1936 год

было, когда приходил точильщик. Сбегались хозяйки с ножами и ножницами, всегда вокруг собиралась толпа. Ну, а мы – всегда в первых рядах! Процедура установки станка, разговоры, раскладывание разных точильных кругов – все колдовство! А уж когда начиналась точка – тут зрелище для богов! Какие брызги искр, какая красота! Завораживающее зрелище! Ведь мы были «дикие», про салюты и фейерверки слыхом никогда не слыхали.

А еще по утрам приходили молочницы с бидонами и решетками с творогом. Разносили по квартирам и продавали во дворе. Молоко отмеривали кружками по литру или половине, а вот как продавали творог – не помню.

На углу с Армянским переулком находился, как мне тогда казалось, самый красивый кондитерский магазин. Он был отделан в американском стиле: много стекла, никелированных прилавков. В зале стояли столики из толстого стекла на одной металлической никелированной ноге и такие же кресла с синей бархатной обивкой. Пол мраморный с блеском. Так это было красиво и необычно. Там можно было выпить кофе с пирожным или просто полакомиться, сидя за столиком. А прилавки были забиты всякими вкусностями. Полки позади продавцов были заставлены коробками конфет, глаза разбегались от той красоты. Вершиной же всего этого великолепия были огромные китайские вазы. Можно было ходить туда на экскурсии, что мы и делали. Кстати, эти вазы жили еще достаточно долго, правда, постепенно уменьшаясь в количестве. Хочется отметить, что коробки конфет оформлялись очень разнообразно: дорогие подарочные – в виде бонбоньерок с изящными бумажными кружевами и большими бантами, обычные – в коробках, но тоже с кружевами и завязывались по уголкам тонкой ленточкой. Самое интересное – вся эта вкуснятина была с московских фабрик, заморское тогда отсутствовало полностью.

А еще – для меня это было самое важное - там продавались БОМБЫ. Шоколадные тонкие сферы самых разнообразных размеров с сюрпризом внутри, обернутые в станиоль и обвязанные лентой с шикарным бантом. Сюрпризы были самые разные – от вязаной кукольной шапочки до маленькой балеринки в балетной пачке. Правда, это было из девчачьего ассортимента, солдатиков мне не попадалось. Доставалось мне такое не часто, все зависело от моего поведения, а в нем хорошесть не наблюдалось. Но посмотреть и помечтать было так приятно!

В 1936 году родился Володя и маме стало не до меня. Кому пришло в голову определить меня в немецкую группу, неизвестно. Но страннее и тусклее в моем детстве времени не было. Группу держали две пожилые женщины, детей было немного, пары три или четыре. Все занятия проходили при гулянье на сквере у Ильинских ворот или на Чистых прудах. Все шло только на немецком языке, а так как меня туда воткнули посередине курса, то ходила и молчала, не понимая ни бельмеса. И опять мной были недовольны и жаловались маме, от которой следовала очередная трепка. Впоследствии я убедилась в своей абсолютной неспособности к языкам, но что странно – я как тот дрессированный пудель дедушки Дурова: сказать ничего не могу, но все понимаю.

Вспоминая житье на Маросейке, нельзя не упомянуть о нашей няне Пяне – Прасковье Егоровне Карасевой. До нее была у нас приходящая старуха (а может и не совсем старуха, но мне так помнится). Видимо, женщина была верующая, отличие от нашей семьи, и ходила молиться в церковь. Она и меня несколько раз брала с собой. Как узналось об этом, мне неизвестно, но с ней быстро расстались. А вот Пяня появилась в доме как-то незаметно и буквально срослась с семьей. Родом она из Рязанщины, из села Выползово, про которое много было рассказано. В Москве оказалась нелегально, так как в те времена крестьяне не имели паспортов, а в Москве таких приезжих просто забирали с улиц. Куда их направляли дальше, не знаю, но могу предположить, что далеко-далеко. Кто Паню к нам направил, не знаю, но отец прописал ее и содействовал получению паспорта. Девушка она была сугубо деревенская, но мама научила ее готовить погородскому, Пяня выучилась грамоте и потом много читала. Была ласкова к детям и очень доброжелательна, а к отцу относилась с большим пиететом. Не дай боже зашуметь или чем-то грохнуть по полу, когда отец отдыхает после работы! Бить – не била,

но трепку давала. После ареста отца Паня жила с нами и помогала маме вплоть до весны сорокового года, хотя у мамы не было денег, чтобы ей заплатить. На родине она вышла замуж, пошли дети. Муж вернулся с войны инвалидом. И еще долгое время Паня приезжала к нам в Москву и мы ездили к ней.

Наша Паня (Прасковья Егоровна Карасева) с Володей на прогулке

В те годы – 1935-1937 – много чего происходило в стране, что обсуждалось в домах и на улице. Весь центр Москвы был в стройке – строили метро. Деревянные вышки за заборами, на улицах метростроевцы в робах и касках. Дома был приемник, слушали станцию им. Коминтерна. Очень памятна мне эпопея корабля «Челюскин», затертого во льдах Арктики. На нем была арктическая экспедиция под начальством Отто Юльевича Шмидта. Среди ученых было много женщин и пожилых ученых. Сейчас молодые и даже не очень молодые не знают о той трагедии. А тогда имена капитана корабля Воронина, Шмидта и многих других были у всех на слуху. По радио передавали сведения о дрейфе затертого корабля, а когда пришло сообщение, что корабль раздавило льдами и пришлось выкидываться на льдину, люди не отходили от приемников и «тарелок». Ведь стояла полярная ночь и все произошло в полной темноте. Как спасали женщин, что сумели сбросить с тонущего корабля из имущества и топливо, узнали после нескольких дней молчания, так как одна рация оказалась разбитой, а другая оста-

лась без питания. Выброс на льдину посреди этого ночного кошмара показал всю организованность и присутствие духа у настоящих мужчин. Среди спасенных была грудная девочка Карина Васильева, которая родилась уже на корабле во время рейса. Не помню, как много было человек на корабле, но погиб только один – Борис Могилевич. Сразу же началась подготовка к спасению людей, ведь льдина могла развалиться в любую минуту. Летчики долго искали лагерь, потом начались регулярные полеты и сбрасывали продовольствие и топливо, вся страна следила за событиями. А на льдине готовили аэродромы для самолетов, лед уже начал трескаться и появлялись разводы. В лагере Отто Юльевич наладил железную дисциплину, а иначе было бы просто не выжить. Все работали – мужчины на площадках под самолеты, женщины шили малицы и рукавицы. Были введены обязательные вахты по охране лагеря от медведей, специальные обходы на предмет трещин, дежурство по камбузу и многое другое. Ученые из состава экспедиции читали лекции по своей науке, проводилась и политечеба (а куда ж без нее?). Издавалась лагерная газета в виде плаката с текстом и рисунками, была даже самодея-

тельность. Запомнился весельчак и красавец матрос Саша Погосов, чем он прославился – не знаю, но хорошо помню его фотографию. Когда начали вывозить людей, вся страна следила за полетами и знала летчиков Молокова, Ляпидевского, Слепнева, Каманина, Леваневского. Кто сколько человек сумел взять на борт, как садились, как взлетали. Был огромный риск – ведь льдины таяли и было много скрытых трещин. В Москве челюскинцев и летчиков встречали толпы людей. Их везли в Кремль в открытых лимузинах и люди забрасывали машины цветами. Когда ехали по Тверской, самолеты сбросили открытки с портретами членов экспедиции и летчиков и с приветствиями. Всех наградили разными орденами, а Шмидт и летчики стали первыми в истории Героями Советского Союза.

Когда пустили первые поезда метро – помните: от Сокольников до Парка – отец меня взял с собой на один из первых поездов. Что же можно сказать – впечатление мое детское сохранилось по сей день от той красоты. Вагоны с кожаными пахучими сиденьями, эскалаторы, лампы на них и в вагонах, странные турникеты и красота станций! Вагоны можно и сейчас увидеть в музее метро, а вот начинку уже не возобновить в той свежести и красоте. Скульптуры на станции «Площадь Революции» были ошупаны, оглажены и почти облизаны мной не один десяток раз. Разве можно забыть команду дежурного по станции взмахом красным флажком и ответ машиниста «ГОТОВ» и «Двери закрываются!». А билетные первые турникеты? Какое-то странное сооружение, готовое дать тебе по башке? Потом их быстро убрали и поставили теток с компостерами, которые пробивали картонные билетки.

1936 год – год не только начала кровавого сталинского террора, но время перелета Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в Америку, это и время войны в Испании. За перелетом самолета АНТ следила вся страна, переживали, когда самолет обледенел и снизилась высота полета, когда пришлось дотягивать и садиться в Ванкувере. Потом была торжественная встреча и общее ликование. А вот о войне в Испании тогда было известно очень мало, но отец знал и часто рассказывал, многое стало известно позже. А вот имена генерала Лукача (писателя Мате Залка), Эрнста Буша, генерала Ли-

Вечерний чай и тихий семейный вечер. Маросейка. На столе стоит мраморная пепельница и нож из тогда нового набора. Свидетели той, ушедшей жизни, они до сих пор живут у меня

стера – участников республиканских интербригад были на слуху. А уж названия городов – Барселона, Картахена – запомнились мне надолго как символ мужества и кровавых боев. Знаменитое «No pasaran!» – Они не пройдут и сжатый кулак у синей пилотки – стали нашим дворовым символом. В честь республиканцев почти все московские дети носили синие пи-

лотки с красной кисточкой надо лбом и отдавали салют по-испански. А как встречали детей республиканцев в СССР после разгрома интербригад! Их разбирали по семьям прямо на вокзалах. Потом уже стало известно, что многие из них оказались в детдомах и судьбы их складывались иногда очень печально. В шестидесятых годах, в хрущевскую оттепель, многие, кто выжил, предпочли вернуться на родину.

На Маросейке мы жили до 1937 года. Я продолжала вольную жизнь во дворе, но к этому времени я уже много читала, у меня появились любимые книги. Отец меня поощрял и покупал мне хорошие книги. С тех пор в семье хранятся «Робинзон Крузо» и «Путешествие Гулливера» издания «Академия», юбилейное издание 1937 года «Капитанской дочки» в обалденном оформлении, Рабле с замечательными рисунками и многое другое.

1937 год, ул. Мархлевского.

В мае этого года отца наградили орденом Ленина. В газете «Правда» это звучало так: «За отличное выполнение правительственного задания». Мне до сих пор неизвестно, что это за задание, но наша жизнь после этого резко изменилась. И, видимо, резко изменился статус отца. Последовал переезд на улицу Мархлевского в шикарную казенную квартиру в доме с милиционером при входе. Для меня настала полная изоляция. У меня появилась отдельная детская комната, много игрушек (а мне они были уже совсем не нужны) и пианино. Где сохранялась наша мебель – неизвестно. Здесь все было обставлено казенной с бирками. Красиво и все неживое, не свое. В первый класс я пошла в школу на той же улице, но меня туда уже водили за руку и одежду уносили домой. Подруг в доме не было, в классе – тоже не появились. Тоска была жуткая после той прекрасной жизни на Маросейке. В довершение всех бед было решено учить меня музыке. Это было форменной мукой для меня и для учительницы. Несчастная тетка! Но, как в той песенке: Недолго музыка играла... взрослые поняли, что их дитяте медведь на ухо наступил и сыграли отступного.

В 1937 году четыре смелых человека – Папанин, Федоров, Ширшов и Кренкель высадились вблизи Северного полюса и открыли первую в мире полярную станцию на дрейфующей льдине. Много писали о том, как искали подходящую льдину, как пробовали посадить самолет, но еле-еле избежали аварии из-за ропаков и многое другое. Отец по работе был в курсе последних событий и дома рассказывал о положении на льдине. Кумиром ребят стал Иван Дмитриевич Папанин, а моим героем был Эрнест Кренкель – радист станции, в прошлом прошедший испытания на «Челюскине» также в должности радиста у О.Ю.Шмидта.

Сейчас, когда таких станций уже набирается за полсотни, и на Северный полюс отправляются туристы, таким никого не удивишь. А тогда и техника была на грани фантастики и люди были совершенно другие. Одно можно сказать, в людях, особенно в молодежи, просто свирепствовал энтузиазм. Ведь летали в стратосферу на воздушных шарах, осваивали гигантские дирижабли, строили Днепрогэс, уезжали на Дальний восток, где строили Комсомольск-на Амуре, и учились. Осваивали Крайний север, уезжали на метеостанции и врачами в отдаленные места. При помощи молодых энтузиастов был организован и проводился Ликбез – ликвидация безграмотности в городах и деревнях. Занимались в различных кружках и школах, летные училища, парашютные секции на аэродромах, планерные секции, автотоклубы – все было доступно. А физкультура и спорт были всеобщим увлечением.

И пусть простят меня молодые, не нюхавшие той жизни люди, за мою восторженность тем поколением, но ведь ему-то и достался первый удар немцев. Вся тяжесть того вре-

мени легла на плечи именно этих молодых ребят. Их осталось очень мало, они гибли первыми, но именно они заложили основу нашей победы.

Но я здорово отвлеклась от того времени. У отца часто бывали в гостях товарищи по Гражданской войне и по работе. Как и у всех, бывали застолья, было много музыки, пели, танцевали под радиолу. Такого мощного агрегата, как эта радиола, в жизни больше не встречала: пластинки (нормальные и гиганты) укладывались вертикально вдоль открытой крышки, на диск подавались автоматически и также автоматом ставилась ручка с иглой. Действительно – фантастика! Из музыки до сих пор помню и пою множество песен Вертинского, Лещенко, Юрия Морфесси, Тамары Церетели. Было много иностранных пластинок, запомнились вещи Жозефины Беккер. Много было гигантов с записями классической музыки. А «Аве Мария» и «Серенада» Шуберта голосом Марты Эггер (или Эгерт) до сих считаю непревзойденным исполнением.

Очень часто пели хором, очень красиво и слаженно: Каховка, Полюшко-поле, Там вдали за рекой, Гренада, Орленок, и многое-многое другое. До застолий меня, конечно, не допускали, но у меня было свое удовольствие: если со стола не было убрано, то можно было рано утром встать и полакомиться кусочком душистого заветренного сыра с загнутыми уголками, на котором были капельки выступившего жира. Как же именно он вспоминался в голодные военные годы, никто даже представить себе не может!

Позади дома был маленький дворик, его всегда закрытые железные ворота выходили на Малую Лубянку. А вот под этими воротами было пространство, через которое я свободно проползала и каталась на санках по крутым переулочкам. А еще несколько раз отправлялась на поиски таких интересных мест как Благуша, Тюфелева Роща, Сукино болото. Правда, какие вкусные названия? Пару раз меня приводила домой милиция, конечно, следовала расправа и лишение всех прав, но потом все приходило в обычное состояние. Теперь, будучи в ранге прабабки, я понимаю, что была далеко не подарочком для матушки, но тогда как же мне было скучно и одиноко без вольного воздуха двора с Маросейки.

1938 – 39 годы. Арест отца.

Распоряжением Сталина весной отец был послан на Сахалин в качестве правительственного комиссара (эмиссара, говорила мама). До меня и по сию пору не доходит, как можно майора НКВД послать куда-то в таком чине. Попал в авиакатастрофу, лежал в госпитале в Хабаровске. Туда вызвали маму и ехала она в конце поезда в отдельном вагоне. Саму начинку вагона я не помню, а вот окно во всю заднюю площадку врезалось в память – и как же я просила взять меня с собой! Но – не случилось. Для проезда на Дальний восток требовался специальный пропуск, это была особая зона. По возвращению отца направили на долечивание в Барвиху. Мама там его навещала, и в однажды машина, в которой ее туда возили, провалилась на каком-то мосту. Их вы-

В Крыму

тащили, но мама сильно ударилась и испугалась, и у нее произошел выкидыш.

Летом нас впервые повезли отдыхать в Крым. До места нас провожал отец, так мама была очень нездорова. Я помню Севастополь, где отец водил меня смотреть панораму художника Рубо «Оборона Севастополя». Оттуда поехали в санаторий в Мисхор. Дорога шла по горам, машина была открытая, а я сидела справа, со стороны обрыва. Большого страха я не испытывала никогда в жизни, да еще меня выворачивало от крутизны виражей, несмотря на пихаемые мне в рот лимоны. Сам санаторий помню плохо, одно осталось в памяти – все стены были обвиты кремовыми розами. А я никогда такой красоты не видела, была очарована и видом и запахом. Сколько потом меня носило по всяким югам, такой красоты и очарования больше не наблюдала. Через несколько дней маму изолировали в отдельный корпус – она где-то сумела подхватить ветрянку, детскую болезнь. Сидела взаперти, вся обмазанная зеленкой и тоскливо глядела в окно. А нами занималась тетя Зина. Летом почти всегда отдыхали на дачах или снимали дом в деревне. Помнится Павшино с его совершенно дикими комарами, казенные

Дачи в Одинцово и Пушкино.

На даче в Одинцово была библиотека из толстых журналов, особенно много было «Нового мира» в толстых переплетах. Читала я все подряд и застряла на пьесе Б.Киршона «Чудесный сплав». Сейчас уже не вспомнить о чем она, но тогда даже Паня бегала от меня, когда я в восторге пыталась ей читать. На дачах Паня разводила огород, меня тоже привлекала к поливке и прополке. Она же приучила меня к настоящей русской тюре – черный хлеб с зеленым луком и постным маслом. В голодные времена и мои младшие тоже ели и причмокивали, правда, и масло и хлеб были совсем другие, только лук оставался прежним.

Несколько раз отец брал меня с собой на военные парады на трибуну на Красной площади, оставлял меня на каких-то военных в первых рядах, сам находился где-то в другом месте. Трибуна была близко к Мавзолею и я хорошо видела Сталина и всех остальных.

О жизни на Мархлевского: атмосфера того времени была напряженная, маме нездоровилось, отец ходил мрачнее тучи и пропадал на работе. Сестру отца посадили по второму разу, отец забрал ее сыновей жить к нам. Отец этих ребят, немец-интернационалист, к этому времени пропал где-то в лагерях. Потом в доме появилась племянница отца, родителей также посадили, но она скоро от нас перебралась в институтское общежитие. Время было поистине людоедское, я, конечно, ничего не понимала, но чувствовала по настроению взрослых. Да, жили в этой квартире по-барски: продукты заказывались в спецраспределителе и привозились на дом с посылным, милиционер стоял у входа, одеты были прилично. Но то время вспоминается каким-то полутемным, как прихожая без освещения.

И еще одно горькое воспоминание: на мой день рождения через учительницу были приглашены ребята из класса. А утром этого дня разбился Валерий Чкалов, с которым у отца были близкие отношения. Отец вернулся рано домой, нас заперли в детской и не велели подавать голоса. Что делали взрослые - не знаю, квартире стояла мертвая тишина.

После перевода отца в Наркомат связи эту квартиру сдали и переехали на Зубовский бульвар. Осталась у мамы опись сдачи мебели и всей квартирной требухи. Но одну вещь она с собой как-то прихватила – шикарный абажур, он жил с нами еще очень долго.

На Зубовском жизнь была попроще – квартира поменьше, школа - на Садовой, магазины - на Арбате и Смоленской. В школу опять водили за руку, здесь надо было переходить Кропоткинскую с трамваем.

Отец плохо себя чувствовал, чаще бывал дома. Иногда он брал меня с собой на прогулки, на Арбате покупали и ели горячую котлету в свежей маленькой булочке, очень вкусную и душистую. Помню, как с отцом покупали подарки нашим женщинам к восьмому марта: маме был куплен набор духов и одеколона в нарядной коробочке с блондинкой на крышке, тете Зине – кожаная сумочка, Пани – духи и красивый расписной платок.

К этому времени у отца собралось много книг, хранились они в запертых шкафах в его кабинете. От любопытных кабинет также запирался. Но двери в него были со стеклами размером где-то 40х40, ключи от шкафов подобрались очень быстро, бери любую книгу и читай. Только успевай вовремя смыться до прихода отца.

Как же эта лазейка пригодилась! Когда после обыска кабинет опечатали, я оттуда натаскала не только много книг, но и какие-то вещи.

Отца забрали в июле по дороге на работу. Мама в это время лежала у Грауермана, родила младшую сестру. Мы с Володей жили на даче под надзором тети Зины, с нами были Алик и Толя и сын т.З. Юра. Из Москвы в слезах приехала Паня с известием об обыске в квартире. Пока собирались, с обыском приехали и на дачу. Но там было все казенное, вещей мало, кончили все быстро и повезли нас и все наше барахло в Москву. А там обыск продолжался еще долго. Какой-то ласковый усач все меня спрашивал, где оружие у отца. Я ему показала ящик, где он хранил маленький браунинг, но его там не было, видимо, уже изъяли. Показала шашку, что хранилась в диване и кожаные штаны с буденновкой. Но им надо было что-то другое. Была составлена опись взятых личных вещей отца, в том числе (противно вспоминать!) брезентовые и хромовые сапоги, пара гимнастерок, один штатский костюм и тому подобное. После обыска опечатали кабинет и спальню, все вещи переехали в столовую.

Нас очень быстро вытряхнули из этой квартиры. Приехали из конторы и начали грузить вещи. Однако когда открыли опечатанный кабинет, разгорелся скандал: мама не нашла золотых именных часов, которые должны были находиться на столе, ни паркерской ручки, ни куса породы с толстой золотой жилой. В опись все не попало, чей-то карман оказался гостеприимней. Тогда мама не понимала всей страшноты нашего положения и была смелой, но потом стала очень замкнутой и сдержанной. А тогда было ей 29 лет, имелось пять детей и специальность счетовода.

Перевезли нас на улицу Горького, дом 4. Тогда перетряхивание такого контингента оформлялось крайне экономно: в квартиру, где была опечатанная комната и жила семья арестованного, вселяли семью другого арестанта. И вся недолга. Переезд бесплатный, грузчики все из конторы – бесплатные и быстрые и транспорт представляет Контора. Живите и плодитесь, дорогие. Как рассказывала мама, поначалу нас хотели поселить в дом напротив Александровского сада (там когда-то жила Инесса Арманд), но, видимо, передумали – а вдруг бросим бомбу через кремлевскую стену? Здесь, с шестого этажа был виден только козырек подъезда МХАТа. Комната метров 15 да еще и пеналом, а нас 6 человек. Житье в этом пенале помнится плохо, ютились как мыши в норе: братья спали на полу, мама с младшими – на своей кровати. Комната была сырой и холодной. Нас часто забирали на Басманную, там было и тепло и раздолье для маленьких

Осенью за мамой приехала машина, попросили взять с собой маленькую Катю и отвезли на Лубянку. Там долго с ней разговаривали, кто-то там был ей знаком. Все было вежливо и спокойно, даже поили чаем. Спустя много лет маме кто-то сказал, что отец ее видел и слышал. А тогда, все были перепуганы и ждали: вернется или нет?

Последняя семейная фотография. 1939 год

В те проклятые времена была такая боязнь в людях, что когда случалась подобная беда, в один миг куда-то исчезают все друзья и знакомые, и несчастные остаются в полном вакууме. Если тебе Слабо кивнут при встрече на улице, то будь счастлив, что не перебежали на другую сторону улицы. И семьи тоже держались братья крайне замкнуто, молчали.

В школу я ездила на Садовую, на метро до Крымской площади, а там пешком. Зима была холодная и злая, шла финская война. На улицах ввели светомаскировку, фонари не горели, фары у машин замазывали синей краской. На улице стояла темень. Пока добежишь до школы, десять раз испугаешься. А ведь мне не было и девяти лет.

Довоенная улица Горького была совершенно не по-

хожа на современную Тверскую: по левой стороне от центра дома были в 2-3 этажа, было много маленьких магазинчиков. Недалеко от Пушкинской площади был канцелярский магазин, в нем стоял запах бумаги, красок, карандашей, запах моей детской мечты. Двухэтажные троллейбусы ходили только по улице Горького, так было интересно все рассматривать со второго этажа. Обычные троллейбусы были тогда «пузатые», дуги часто срывались с проводов и искры летели на прохожих. Вот автобусов я не помню, может где и были. Было много трамваев. Внутри трамвая все было деревянное: сиденья сделаны были из отполированных реечек, одна спинка на два сиденья. Окна были тяжеленные, опускались и поднимались, на каждом окне надпись «Не высываться!». На задней площадке вагона было большое колесо тормоза «Вестингауза», перед крутым спуском вожатый закручивал его. У дверей трамвая по бокам были приделаны вертикальные железные поручни (т.Зина говорила, что когда-то они были

бронзовые), а подножка была резная кованая с дырами, в который проваливался каблук и слететь оттуда можно было запросто. У вагоновожатого отдельной кабины не было, просто была низенькая перегородка. Управлялся трамвай большой бронзовой рукояткой правой рукой, что было слева – не знаю. Сигналил вожатый звонком, нажимал ногой это устройство. Место кондуктора было у задней двери, на одном плече через голову – большая сумка, которая всегда захлопывалась очень громко, а на груди, как иконостас – рулончики билетов разных цветов, в зависимости от цены. Звонком к отправлению вагона давал кондуктор, дергая веревку к звонку у вожатого. Эта веревка тянулась вдоль всего вагона. Пассажиры держались за петли, которые также висели вдоль вагона. Нумерация трамваев была двойной: номер над кабиной был написан на большом белом круге над вожатым и вечером зажигались цветные лампочки по бокам круга, у каждого номера свои цвета. У № 37, на котором часто ездила, были лиловая и зеленая лампочки. В темноте легко можно определить какой номер едет. Вход в трамвай был определен строго – только через заднюю площадку. С передней можно было войти только с ребенком или инвалиду. Тетки-кондукторши на подбор были все горластые, крикливые. Когда в вагоне начиналась ругань, они могли переорать всех и успокоить публику.

Вот писала и вспомнила, как спускались трамваи на крутом спуске от Сретенки к Трубной: вагон останавливался, вожатый шел по улице на заднюю площадку вагона к тормозу и долго его крутил. Народ знал эту процедуру и выходил, не мешая процедуре. Потом все возвращались по местам и вагон трогался медленно-медленно. Доползал до Трубной и все вздыхали с облегчением. По городу ходили слухи о кошмарной аварии на этом спуске, когда погибло много народа при срыве верхней части вагона с нижней рамы.

1940-41 год. Каляевская, д.5.

Весной 1940 года нас перевезли в сопровождении НКВДешников на Каляевскую, где мы прожили 24 года. Когда они открыли опечатанную комнату, она показалась такой светлой и прекрасной! Стоявшую там мебель увезли сразу, втащили наши пожитки.

В квартире жила семья недавно арестованного, жена Ася Михайловна и два сына – Володя и Борис, мой ровесник. Они занимали две небольшие комнаты, третья была наша. Кухня была маленькая, метров 6, пол на кухне из досок, крашенный, в остальном помещении – паркет. В кухне стояла газовая плита и большой встроенный стол у окна (он служил холодильником – было отверстие в стене наружу).

Наша комната была красиво покрашена в бежевый цвет с орнаментом под потолком, окно – очень большое. Наша мебель прекрасно разместилась, стол поставили посреди комнаты. Вот краткое описание начала нашей жизни на этом месте, где прошла большая часть нашего существования, пусть бедного и голодного, но такого памятного и местами даже счастливого.

Теперь и мне понятно, что вселение такой оравы произвело на А.М. впечатление ужаса. Она была старше мамы, работала экономистом на заводике в Подвесках. Была женщиной с сильным характером и жестким нравом. Долго жила с мужем в Германии, он работал в Внешторге, был большим специалистом. В 1936 году вернулись в Союз, купили эту квартиру. Отношения двух наших мам никогда не были близкими, все было сдержанно и вежливо. Но от Бориса я как-то услышала, что ваш отец – чекист и получил по делам, а вот его отец ни в чем не виноват. И отношение к нам было соответственным.

А вот теперь, по прошествии семидесяти лет, при опубликовании данных, обнаружи-

лось, что наши отцы находились в ОДНОМ расстрельном списке, подписанным Сталиным, и расстреляны почти одновременно! Вот это настоящая ирония судьбы, неподуманная и гнусная по сути.

Меня перевели в школу № 173 у Подвесков, теперь было близко, в классе обзавелась подругой- китайкой Лидой Сун Ли Сы, она жила рядом. В классе было много разных детей: русские, много татар, китайцы, евреи. И у многих не было отцов, но об этом молчали.

Мама долго искала работу, но даже на мизерную зарплату счетовода нужно было иметь чистую анкету, без мужа – врага народа. Кто помог устроиться в бухгалтерию Дома композиторов – не знаю, но жизнь потихоньку стала налаживаться. Много помогали тетя и дядя. Зинаида Тихоновна сидела с детьми, я ее сменяла после школы. Катя была слабым, больным ребенком, много плакала, отразились на ней все неприятности и несчастья. Братьев моих взяла к себе сестра отца, потом нашелся кто-то из немецких родственников, и они стали жить у себя на Покровке.

1940 год. Мама с Катей

По воскресным утрам я ходила в молочную и покупала понемножку сыра или колбасы, сливочного масла и обязательно творожный сырок в берестяной плетеной коробочке и был пир! А в той молочной стояли такие запахи! Брат всю жизнь вспоминал и сетовал, что теперь и не понюхаешь, как пахнет настоящая молочная.

Гулять нас выпускали во двор, было много детей, следили за ними из окон. Однажды маленький Вовка решил пойти к маме на работу, это было недалеко, но повернул в другую сторону. Т.Зина., увидев, что его нет во дворе, побежала к маме и уже оттуда сообщила в милицию, дома телефона не было. В результате его нашли на Тишинской площади, когда его уже хотела забрать чужая женщина – мальчишке ведь было четыре года и он был маленьким красавчиком и прилично одет. Вызвали туда маму с теткой, забрали его и не знали, как облизать от радости. А дома началась истерика сразу у обеих, дошло до сердечного приступа у т.Зины.

До войны было четкое разделение во дворе: бедные и богатые. Ведь дом был для ответ- работников, дети одеты по европейской моде: штаны гольф, обязательно клетчатые, белые или цветные гольфы, у девочек лаковые туфельки, красивые гольфы, про платья и юбочки-кофточки что и говорить. И игры были разные: у них теннис, серсо и прочая буржуазность, а мы гоняли в салки, прятки, штандер и у нас было веселей. А еще увлекались фантиками, меняли, покупали, продавали. Но и опять: у тех ребят были фантики из Европы и Прибалтики, а наши советские фантики совсем не ценились.

Теперь о самом доме: был построен в 1935-36 годах как дом для сотрудников Наркомвнешторга и выделялся громадой среди 2-3 домов.

Во двор можно было войти через несколько ворот: в круглый двор и в Угольный со стороны Каляевской, еще в одни – со стороны 5-ой Тверской нормальные ворота и высокая арка в 6 этажей между 21 и 22 подъездами. Ворота с Каляевской на моей памяти

Вот такой была наша тройка весной 1941 года. Сзади – Борис Рабинков

всегда были закрыты для машин, проход был через калитки. Заезжали только с 5ой Тверской. Арка была проходной только до войны, потом ее закрыли, а впоследствии встроили квартиры. Круглый двор был со сквериком, фонтаном и бюстом Ленина.

Наш двор был как бы продолжением уголь-

ного и тянулся до Пыхова тупика. Между нашим от-
 ростком дома и Каляевской стояли одно-и двухэтажные старые дома, а со стороны 5-ой Тверской – несколько барачков. Под окнами располагалась авторемонтная база, где вечно чинили грузовики, а у наружной стены этой базы располагалась помойка-чудо цивилизации и угольный склад (дом имел собственную котельную!). Об этой помойке можно сложить сагу! Огромный высокий ларь с неподъемной крышкой, всегда вонявший и грязный. А тебе 9 лет и в руках помойное ведро (твоя святая обязанность!). Пойди смоги поднять тяжеленную крышку, высыпать туда ведро и чтобы тебе при этом не дало этой крышкой по голове и вообще не прихлопнуло. Просто подвиги Геракла. Память та еще штука!

Долгое время в доме размещался знаменитый «Разноэкспорт», весьма большая контора. А еще дом славился своими часами, под которыми назначались свидания и всякие разборки.

Современный вид дома №5 с ул.Фадеева (б.5 Тверская). Наше окно и балкон А.М. Видна заделанная и застроенная арка

На 5-ой Тверской напротив нашего дома стоял «американский» дом, потом шли дома

**Круглый двор и фонтан, снимок сделан с места где когда-то стоял бюст
вождя**

милиции, летчиков, композиторов. За ними стояли знаменитые Оружейные бани.

Самым красивым был дом, в котором находился авиационный техникум. Это старинное здание, как говорили, в нем до революции был институт благородных детей, точно не знаю. При входе стояли две статуи летчика и летчицы в лётных

шлемах и с парашютом за спиной. В войну там раз-

мещался госпиталь, после – институт нейрохирургии им.Бурденко.

На Каляевской было много мелких заведений: ремонт обуви, китайская прачечная, какая-то тихая пивнушка. В округе было много китайцев и айсоров. Айсоры работали чистильщиками обуви, сидели летом и зимой в маленьких будочках, продавали всякую мелочь. Потом как-то незаметно они все исчезли.

В Пыховом переулке, в который сейчас можно войти через ворота Союзмультфильма, долгое время находился термитный завод. Оттуда так часто несло каким-то очень ядовитым запахом. Колокольня, что стоит у студии, неизменный атрибут вида из окна кухни, главный маяк тогдашней жизни. Увидишь эту красную пирамидку – всё, ты – дома!

Война, эвакуация в Саратов, 1942 год.

22 июня 1941 года началась война. О войне узнали как и все – из сообщения по радио. С утра к нам приехали т.Зина и д.Гриша, меня собирали в пионерлагерь, что-то кроили и шили. Меня одарили целым рублем и разрешили потратить на что хочу. В булочной были куплены атласные подушечки, карамельки с очень вкусной начинкой. Это было утром, никто еще ничего не знал, народа на улице было мало.

А 29 июня я отправилась в пионерлагерь. Провожали меня до поезда мама с т.Зиной. Ехали на поезде с паровозом. Самого лагеря - не помню, где – тогда тоже не знала. Уже много позднее узнала – лагерь находился в Смоленской области. До сих пор меня не оставляют и недоумение и тихий ужас – что же творилось? Неужели наверху не знали о положении войск, своих и немецких, а если знали, почему это надо было так скрывать? Школа с ее пионерлагерем, школьники младших классов, и я в том числе, мы же просто были песчинки в том огромном водовороте бедствий.

Сколько дней мы пробыли в лагере, не помню, а когда стали слышны взрывы и стрель-

ба, нас увели из лагеря. Взрослых не помню, вели нас старшие ребята, м.б. пионервожатые. Шли по лесам дня два, потом была бомбежка на какой-то дороге. Что ели и пили – честно не помню, мешок свой я где-то потеряла и очень боялась, что мама будет ругать за какие-то полотенца. А потом нас обстреляли из самолетов, мне посеколо чем-то ноги и здорово ударило обо что-то головой. Как нас подобрал грузовик – не помню, довезли в Москву, к школе. Там нас осмотрел врач, перебинтовали и сделали очень больные уколы в заднюю часть. Меня увезли в больницу, зашили раны и через несколько дней отпустили. Во дворе на меня смотрели с завистью (наивные дети!), как же, я ведь – раненная! Вот такие мои самые первые впечатления от настоящей, не дворовой, войны.

В Москве началась эвакуация, д.Гриша уезжал со своим институтом и хлопотал, чтобы разрешили взять нас. Ехать должны были в Саратов на пароходе по Волге. Уезжали мы уже после первых бомбежек. В первый раз Москву бомбили 22 июля, почему-то мы все были на Басманной. Когда началась тревога, остались дома и смотрели в окна. Я смотрела в окно с видом на площадь трех вокзалов: стоял грохот от

Эта красота теперь располагается на месте, где была наша знаменитая помойка и склад угля

зениток, прожектора метались по небу, были подняты дирижабли заграждения. При второй тревоге мы успели добежать до метро «Красные ворота», тревогу объявляли по радио и на улицах редела сирена. Этот вой запомнился надолго, звук ужасный и слышно было издалека. А по радио без остановок, таким железным голосом твердилось «Граждане! Воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!». Во время тревоги в метро работал метроном, уж не знаю, кто такое придумал и зачем это было нужно? Ведь и так было страшно сидеть в полутьме на своих узлах, а если не было места на платформе, сидели и на рельсах. Там было тихо, взрывов почти не было слышно. И этот стук по мозгам!

В то же время все сообщения по радио стали предварять музыкой «Широка страна моя родная», до сих пор как проскочит эта музыкальная фраза по радио в дурной рекламе, сердце мое уходит из меня, да, наверное, не у меня одной. А когда диктор говорил: «Передаем сообщение от Советского информбюро», взрослые пытались что-нибудь понять – где наши, где – немцы. Вот когда говорилось, что с боями сдан город такой-то, становилось ясно.

В конце июля нас посадили на большой пароход и в Саратов приехали 8 августа (дату

почему-то я помню точно). Нас высадили на берег возле пристани, где и жили несколько дней большим табором, пока всех не распределили по квартирам на постой. Дядя Гриша был занят институтскими делами, женщины сидели с детьми и на вещах, а меня носило по всему берегу. Вот там я и увидела красноармейца с орденом Ленина на груди, в выгоревшей добела гимнастерке и пилотке. Сейчас-то я понимаю, что это был почти мальчик, лет 19-ти, с зогорелым дочерна лицом и русским носом картошкой. А тогда смотрела на него, открыв рот: ведь я знала, что это очень большой орден, выше уже не было! И давали его за большие подвиги! В памяти так запечатлелся этот паренек! На берегу, чуть подалее от нашего табора, были сложены в большие горы арбузы. И можно было купить и есть с хлебом.

Нас поселили на Приютской улице недалеко от пристани. Теперь ее нет и в помине. Володя ее искал, но там теперь все перестроено. Дом, в который нас поселили, был одноэтажный, у хозяйки было смежные комнаты, нас разместили в проходной. Была одна кровать (там спала мама с младшими), для тетки и д.Гриши соорудили что-то из досок на подставке, а я спала на составленных стульях. И еще был стол и три стула. Все удобства – на дворе, там же была колонка. Напротив нашего дома жил директор завода плодоягодных вин (считался очень большой шишкой!), не он запомнился высоким ростом и белыми бурками огромной величины. В двухэтажном доме жили немцы. Тогда в Поволжье жило много немцев, переселившихся в Россию. Этих немцев очень быстро и тихо убрали: вывезли ночью и дом долго стоял пустой. Через Волгу, на другом берегу, находится город Знгельс, тоже немецкий. Их тоже также всех вывезли подчистую. Туда зимой ездили за картошкой на базар, через Волгу туда и обратно пешком с картошкой на детских санках. Вообще, в Саратове тогда было много немецкого духа: хлеб назывался брот и лайве, плоский пирог, осыпанный сладкой крошкой – кух. Его пекли в высоких больших противнях и при продаже резали. Осенью 1941 года ещё что-то можно было купить без карточек, этот же кух или пончики, очереди занимали с ночи, а то и с вечера. Недалеко от нас была маленькая пекарня, там иногда продавали темную муку и тоже стояли подолгу. А зимой приходилось караулить свою очередь по несколько дней, сменяли друг друга. В очередях писали номера на руках чернильным карандашом, а еще были переписки и, если человека не было в очереди в это время, очередь пропадала. В очередях было много детей, мы все перезнакомились и делились – где, что и когда выкинут в продажу.

Дяде Грише выдавали на работе какие-то продукты, дома варили суп из воблы, тогда было очень вкусно, ведь тетканы руки умели сварить все из ничего. Наши взрослые были людьми, вдоволь хватившими всякого в былые времена, и очень предусмотрительными: ведь взяли с собой и зимнюю одежду и что-то из постельных принадлежностей, и даже сумели сделать какой-то запас продуктов. Никто не знал, сколько может продлиться эвакуация. Д.Гриша и мама (она устроилась на работу к соседу-директору завода) получали рабочие карточки, т.Зина – иждивенческую, а мы – детские. Маме часто выдавали зарплату вином, его продавали и покупали хлеб и продукты на рынке.

Зима была очень холодная и снежная, снега было под окна. Школа была далеко, ходила через городской сад «Липки» и дальше поднималась куда-то по улице. В холод прорвало водопроводные трубы и залило улицы, был наклонный каток. Ходьба превращалась в ледяной аттракцион. Вот в такую погоду т.Зине понадобилось что-то наверху в городе, туда добралась нормально, а спуск вниз по этому катку превратился в сплошной экстрим – зимние фетровые боты на толстой кожаной подметке по льду скользили как лыжи. Парусность из-за габаритов и массивной шубы была большая, и тетку несло вдоль домов, пока не зацепилась за какой-то выступ. Все шло под аккомпанемент «Помогите!». С этого выступа снял ее какой-то прохожий и довел до ровного места. Той

зимой мы все переболели корью, видимо, принесла ее я. Болели тяжело, без лекарств, и тогда я уже стала плохо слышать на одно ухо. Школу пропускала много, сидела дома с ребятами, стояла в очередях. Читать, кроме хозяйской Библии на старославянском языке, было нечего, книг не было никаких. От той поры сохранился Фото Володи на коричневом листочке, какие приносил иногда д.Гриша.

Весной он с институтом был отозван в Москву и уехал. А затем немцы стали рваться к Сталинграду и начались бомбежки Саратова. Во дворе вырыли щели (глубокие канавы), накрыли досками. В них обязали прятаться при бомбежках. А лето выдалось дождливое, и в щелях было полно воды. Выходили во двор, стояли около домов под навесами крылечек. Бомбили пристань, мост через Волгу и электростанцию. Мы были близко от пристани, но как-то на нас ничего не попало. Одна бомбежка запомнилась очень ярко – ночь была светлая, лунная, самолеты летали очень низко, и все можно было разглядеть очень хорошо. Было страшно, особенно, когда они отбомбятся и начи-

Рисунок Володи. 1942 год, Саратов

нают стрелять из пулеметов. Тревоги в Саратове были страшней, чем в Москве. Сирен не было, выбегали, когда уже были слышны взрывы. И прятаться было некуда.

Сын нашей тетки пропал без вести в первые же дни войны. Был призван в армию в 1940 году и служил на западной границе, недалеко от

Белостока, в артиллерийском полку. В

Саратов пришло извещение, что он пропал без вести. Родители очень долго искали его, искали следы того полка, в котором он служил, но безрезультатно. Обращались не только в Наркомат обороны, но и в Красный крест к Пешковой.

Немного о ситуации: пропал без вести – это почти измена Родине. А попасть в плен и не покончить с собой – прямая измена. Родственники этих несчастных, которые погибали в фашистских лагерях, попадали под подозрение, что было весьма чревато всякими последствиями. Вызывали в отделение милиции и допытывались – нет ли от него сведений, не пришел ли он домой и не скрываете ли его? Поколению наших внуков и правнуков не уразуметь всего ужаса и абсурдности того времени. Было громкое заявление Сталина, что сын за отца не отвечает, но было иначе – и сын отвечал за отца и отец отвечал за сына. Отца арестовывают... и вся семья может угодить в лагерь, а то и под расстрел. Утвердили закон, по которому в тюрьму могли посадить ребенка с 12 лет. А уж сбор оставшихся на сжатом поле колосков или подбор угля, просыпанного из вагонов на рельсах, приравнивали к преступлению. Особо было распространено доноительство, доносы писались по любому поводу – сосед на соседа (у него комната солнечней!), мелкий начальник – на БОльшого (зарплата выше!) и так далее. Стукачи доносили в органы про рассказанные анекдоты, про чужие подслушанные разговоры в

очереди. Время было не просто жуткое, но по-настоящему людоедское. Об этом всем много написано книг и всяких воспоминаний, а молодые не могут поверить, что такое могло быть, и что это все враки и выдумки писателей-фантастов.

В архиве т.Зины хранится письмо, что ей пришло в феврале 1942 года на адрес: г.Саратов, Приютская улица, д.16 кв.4 от Игоря Р. (фамилия не указана, но этот парень жил в Москве с Юрой в одном доме и был призван одновременно с Юрой). Вот это письмо: «Здравствуйте, Зинаида Тихоновна! Спешу ответить на Ваше письмо. Вы просите описать все мои приключения. Вам, наверное, известно, что от Юры я был километров 50 западнее, значит, он был от германской (?) границы примерно в 60 км и их полк мог подвергнуться нападению только с воздуха. А это не так опасно, так как фашистские вояки с самолетов очень плохо умеют стрелять. Я почти около месяца был под пулями, в отряде даже никто не был ранен. Так что мало вероятно, что Юра был в этот момент убит» и так далее. Письмо московского мальчишки, достаточно самонадеянного и не понимающего, что происходило.

Летом 1942 года маме прислали вызов в Москву, по нему можно было взять с собой только одного ребенка (а нас-то трое!). Без такой бумаги нельзя было не только сесть в поезд, но даже и купить на него билет. Помню, что меняли вино на хлеб, буханки завернули в два ковра. В Москве было голодно, об этом писал д.Гриша. Тетя Зина оставалась в Саратове. Поездка на поезде запомнилась очень четко: из Саратова выехали поздно ночью, в полной темноте. Вагон был общий, народу много, третьи полки забиты вещами. Свет в вагоне не зажигали, была только свечка в фонаре над дверью. Окна были задернуты чем-то плотным, боялись бомбежки. Потом кто-то говорил, что наш поезд оказался последним, в ту ночь разбомбили мост через Волгу. Как нас посадили – не представляю, видимо расплатились хлебом или вином. Днем я пряталась под лавками, в переходах между вагонами, а Володю мама уложила на третьей полке за вещами. На рассвете следующего дня наш поезд бомбили, остановились посреди то ли степи, то ли полей, голое ровное место с высокой травой. Все кинулись из вагона, мама бежала с Катей на руках, я за руку тащила маленького Володю. Один вагон загорелся, люди кинулись спасать вещи. Наш вагон уцелел. А когда кончили бомбить, прилетели другие самолеты и начали стрелять по людям в поле. Летали так низко, что тогда я увидела летчика в шлеме и очках, услышала взаправдашний свист пуль рядом с собой. Потом долго мучилась снами-повторениями этого кошмара, кричала по ночам от страха. Да и сейчас, когда на улице раздается громкий звук, меня кидает к ближайшей стенке и сердце обрывается от страха.

Под Москвой началась проверка документов, по вагонам ходили военные патрули и контролеры. Где я пряталась – не помню, только никто не выдал маму и не сказал патрулю.

Возвращение в Москву, совхоз «1 Мая», 1943 год.

Первое время жили на Басманной, на Каляевской комната была опечатана и без стекол после бомбы на Маяковской. Получилось так, что маме не разрешили оставаться в Москве с детьми, еще боялись бомбежек, и ее направили на работу в совхоз «1 Мая» на Щелковском шоссе, деревня Щитниково. В настоящее время это место за МКАД, примерно 2 км. Нас поселили в бараке, на втором этаже с очень крутой лестницей. Комнату не помню, стояли две кровати, стол, табуретки и две тумбочки. Все удобства – на дворе, вода – в колонке. На стене повесили умывальник, а для писанья и каканья приспособили ведро: дети были слишком малы для дворового устройства с дыркой. Мама работала в бухгалтерии совхоза, а меня сразу определили на работу – там все работали на полях и ягодниках. В школу определили в поселок при Сталинской водонапорной

станции, достаточно далеко от дома. Зимой поставили буржуйку, было очень холодно.

Совхоз был ягодно-овощной, с большими теплицами. В первое же лето я работала на поле с кабачками, морковью, редисом, турнепсом, на сборе клубники и малины. На ягоды выходили все, кто мог. Такой необычной малины, как была там, я больше никогда не видала: кроме обычной была белая и желтая, очень крупная. Это мне не приснилось, Володя часто вспоминал ее, он тоже выходил на сбор вместе со мной. В теплицах собирали огурцы, помидоры, спаржу. На рабочем месте могли есть все, но взять с собой – боже упаси! А есть хотелось в любое время суток! Собирали какие-то травы, жевали-сосали, осенью собирали желуди, их жарили на печке и грызли, но они были очень вязкие и горькие. Вспоминаются счастливые моменты, когда разрешали зайти в конюшню и конюх давал кусок жмыха (это отжимки от семечек при отжиме масла – сухой остаток). Когда заработала рабочие дни, получила талоны на обед в столовой, очень этим была горда. Еда там была плохая, щи из зеленой капусты и каша, непонятно из чего, вероятно из толокна на конопляном или хлопковом масле, но это была ЕДА! Каша в просторечье называлась «толкан», но ведь другого попросту не было.

Володю и Катю мама устроила в совхозный детский сад, там их кормили нормально.

Зимой приехала т.Зина, жила с нами в совхозе. Почему-то у нее не было карточек на продукты, жили впроголодь. Осенью 42 года разрешили собирать остатки картошки и лука на полях, а они уже подморозились. Картошку как-то варила т.Зина, а лук отогревали на печке, присаливали и ели так.

На зиму выдали какой-то крупный сырой уголь для печки, который гореть в нашей печурке не хотел. На мне лежала обязанность собирать в лесу хворост и вообще все, что могло гореть. Ходила по зимнему лесу, откапывала из-под снега сучки. Однажды обнаружила березовое бревно метра на три, как я его доволокла до дома, не представляю, оно было такое тяжелое. Тогда я научилась и пилить и колоть дрова. Школа была еще та! Эта зима 42-43 года вспоминается с особым чувством страха и ненависти: холодно, голодно, темно. Из школы после второй смены идти страшно, у меня еще и купленный хлеб и карточки. А мне 12 лет. Боялась сильно, а что было делать? Пока несешь домой на морозе эту половину буханки черняшки, она промерзает и пахнет так одурачивающее, что поневоле пообкусываешь краешки, а дома тебе влепят по полной программе! Потом, уже взрослой вспоминала это время и поражалась – какой ангел-хранитель меня сберег? Ходила по лесу далеко одна, ездила в Москву за продуктами со всеми карточками и деньгами, моталась черт знает где, дралась наравне с мальчишками. Наверно, из этой поры у меня и появились и строптивость и злость и упрямство, иногда превышающие всякие приличия, которые мне так мешали во взрослой жизни. Школу я часто пропускала – то болели ребята, то ездила в Москву за продуктами. Карточки были прикреплены на Малой Дмитровке к магазину «Инвалидный» и к булочной на Каляевской. В других магазинах купить ничего было нельзя: проверяли штамп на обороте карточки - и гуляй отсюда, хоть и отстояла большую очередь. Но были магазины, где работали добрые тетки: так на Старой Басманной в продуктовом мне что-то всегда продавали, а в молочной на Новой Басманной тетка несколько раз оделяла суфле и творогом. Суфле (не подумайте, что это какой-то деликатес!) это изобретение тех голодных лет: жидкость похожая на сладкое молоко, чуть погуще, на дрожжевой основе. И творог был их тех же нищенских изобретений, но ведь давали без карточек! Короче, все продукты надо было ловить: вот меня и мотало по всей Москве, в основном по ходу нужных трамваев – карточки надо было отоваривать полностью, иначе пропадали талоны.

В 1960 году, через 20 лет, в первый раз идучи в свой любимый потом ОРГРЭС, увидела

дом, в котором находился магазин очень памятный по великой детской обиде: стояла за чем-то в толкучке в этом магазине и у меня из авоськи вырезали ТРИ плитки шоколада, что купила на все сахарные талоны по детским карточкам. Вспомнила по ступенькам, на которых когда-то сидела и выла в голос! До того случая у меня ничего не крали, а карточки и деньги не теряла, а тут и не заметила!

Поездки за продуктами зимой были тяжелыми: на Каляевской дом не отапливался, от взрыва бомбы на Маяковке были выбиты все стекла и окна забиты фанерой. Ночевать там было невозможно, и на Басманной комната была закрыта – д.Гриша жил в институте. Пускали меня на кухню, там отогреюсь и попью горячей воды и поехала домой. Одета была я из рук вон плохо: старая вытертая шубка, купленная мне перед войной, была мне сильно мала, ведь я очень выросла. Рукава и перед т.Зина надставила каким-то материалом, а вот спина не позволяла поднять руки. На ногах были какие-то валенки, то ли старые, то ли купленные.

Ездить надо было до Семеновской площади (тогдашний кошмар моей жизни), пересаживаться на другой номер и через Измайлово до конечной. Часто трамваи не ходили или ходили только до Измайлова, в этом случае домой надо было топтать пешком. Наша конечная была где-то в районе теперешних 5-7 Парковых, вот оттуда только пешком. Дорога шла через какие-то поля, потом большой лес, аэродром, осинник, совхозные поля и потом уже бараки. Часто трамваи не ходили совсем, приехать – приедешь, а как обратно? Так и топали через всю Москву. Одна поездка далась мне большим испугом – домой ехала очень поздно, с последним трамваем. Сошла на конечной остановке одна, никого попутчиков не оказалось. А в руках большой бидон и какой-то чайник с суфле и что-то еще в авоське. Было очень холодно, светила луна. Прошла все до осинника и в нем мне привиделись какие-то тени да еще осины скрипели ветками от ветра или мороза. Показалось, что за мной кто-то крадется, и я побежала. А в руках-то тяжелое и пролить боялась. Домой прибежала не в себе, потом стала ездить только утром. Зимой т.Зина перебралась на Басманную, комната осталась без присмотра и нас крупно обворовали – сломали все замки и унесли продукты и картошку.

Таковыми мы были в 1943 году

Весной 1943 года маме дали половину дома с огородом. На нем мы даже что-то посадили, вот капусту помню – поливала ее отваром махорки от каких-то улиток. Но там жили недолго, так как разрешили переехать в Москву. В город уже немецкие самолеты не допускали и они бомбили дальше Подмосковье. И дом и огород сдали начальству, переезд в Москву из памяти у меня вылетел совершенно.

Лето 43 года нам с Володей запомнилось еще таким: почему-то его надо было обязательно взять с собой (не помню, м.б. и к врачу). На об-

ратном пути по закону великой подлости трамваи не ходили и пришлось идти пешком,

а ведь ему не было и семи лет. Было жарко, он быстро устал, где-то сидели, отдыхали. Как я его дотащила до дома – не помню, ножки у него были стертые до крови. И тем же летом мы с ним около аэродрома видели вертолет. Самолеты мы знали, а вот эту страшную грохочущую конструкцию из железа видели первый раз. Летело все это очень низко, прямо над головой, напугало.

1943-46 годы.

Большие окна нашего дома, выходящие на 5 Тверскую, остались без стекол: большая бомба попала в здание на Маяковке (там, где потом был ресторан София) и взрывом их выбило.. В нашем доме даже была видимая трещина около 23-24 подъездов. В авиационном техникуме располагался военный госпиталь. На углу Оружейного переулка был вырыт глубокий пруд, его потом засыпали и на этом месте построили дом. Недалеко от нас были знаменитые Оружейные бани, них ходили мыться, когда не было газа и нельзя было зажечь колонку. А газа не было часто или давали очень экономно. Эти походы – песня! Туда шли всей семьей, несли с собой тазы и прочие принадлежности для мытья, а также чистое белье. Шаек в бане никогда не хватало и приходилось долго ждать, пока кто-то не вымоется. Раздевалка была в общей зале, вещи просто оставлялись на крючке, но когда начались кражи, устроили шкафчики с замками. Ключ от замка куда девать

На балконе у Аси Михайловны

голому человеку? Ага, привязывали к руке или ноге! Феноменально, не правда ли? В общем зале были каменные скамьи, прежде чем на нее усесться, ее надо было хорошенько отмыть от прежнего сидельца. Для этого тоже приносилась специальная мочалка. На нашу семейку двух тазов было мало, ведь очередь к кранам с водой всегда была большая. В первую очередь намывалась мелкота, потом – мы с мамой. В это время младшие развлекались как могли, особенно отличалась Катерина. Чего только с ней там не случилось! То поскользнется на мыльном полу, то кто-нибудь плеснет горячей водой – ору на весь зал не обещья. А привязать такую егозу к собственной ноге невозможно. Обратное се-

мья возвращалась, лоснясь от чистоты и с тюками грязной одежды. Вот тут уже маме было не отвертеться от просьб купить газировки с двумя сиропами, так и покупала.

Соседка Ася Михайловна из Москвы не эвакуировалась. После той бомбежки всех оставшихся в городе жильцов нашего отростка переселили в круглый двор, в квартиры уехавших. То крыло дома не пострадало и отапливалось. Вот совсем не упомянула: когда уезжали жильцы, имущество и комнату сдавали домуправу и дворнику, они опечатывали помещение и составляли опись вещей. Домуправа я не помню, а вот дворника – легендарного дядю Федю Крамаренко помнит даже мой сын. До меня не дошло ни одного слуха, что что-нибудь пропало из оставленных квартир.

Когда переехали из совхоза, окно застеклили отмытыми стеклами от фотопластинок из запасов д.Гриши. Кто сделал раму под них – не знаю. А вот стекло в форточке почему-то осталось целым. Как-то домашняя жизнь 43-44 годов у меня выпала из памяти, не очень помнится. Мама работала в столовой Наркомпищепрома на Петровке, дети были

с т.Зиной и потом в детских садах. В 1944 году Володя пошел в школу № 598 (сейчас здание это занимает институт им.Бурденко). Мать двоюродных братьев посадили по второму разу и ребята опять жили у нас. Маме на работе давали остатки от обедов, я ездила к ней вечерами с кастрюлями. Тогда братья и я начали искать всякие работы: ребята вместе с дворовыми друзьями ездили на Каланчевку на разгрузку вагонов, а я приспособилась мыть полы, мне помогла найти эту работу наша лифтерша Симочка. Потом стали приглашать на уборку комнаты и на всякую мелочевку – перебрать крупу, постирать всякие мелкие вещи и так далее. Расплачивались кто чем мог – чаще едой или просто хлебом.

Из тех лет очень горькое воспоминание: мы были приглашены в гости в дом товарища отца. Почему пошла я с Володией без мамы – не знаю. Там нас кормили шикарным обедом, мясным супом и котлетами с жареной на русском масле картошкой. А котлеты были большие и настоящие - мясные. Все было очень вкусно и много, в результате Вовке стало плохо, он же не видел такой еды в своей маленькой сознательной жизни. Лежал на диване синенький, плакал. Домой нас отвезли на машине, кто – не знаю.

В 6-ой класс я пошла в школу № 172 на Малой Дмитровке. Запомнилась эта школа мне на всю жизнь – все там было для меня чудно, не как в других, где довелось учиться до этого. Директором была Нина Иосафовна Гроза, она и была настоящей грозой. Школа девчачья, тогда было раздельное обучение. В классе – совсем разные девочки: от генеральских дочек до нищих и оборванных. Разные группы и держались отдельно. Много лет спустя, в разговоре с соседкой в Марьиной Роще, узнала, что она училась там же классом старше. Она рассказала, что много девочек было переведено в эту школу из привилегированной школы № 175, где училась когда-то Светлана Сталина, там учились и многие кремлевские дети и дети всяких начальников.

В школе соблюдался такой порядок: обязательно коричневое платье с черным фартуком и белые воротничок и манжеты. Белый фартук – по праздникам и торжественным дням. Тетя Зина из чего – не знаю, сшила мне коричневое платье и фартук черный, а вот белого почему-то не было. Но зато она связала мне замечательно красивые воротничок и манжеты. В этой форме ходила все три года, что училась в этой школе. Прически требовались самые простые – косички, никаких локонов и завлекалочек. Перед уроками нас выстраивали в коридоре и шла проверка – руки, ногти, чулки и пятки, волосы, воротнички и манжеты. Если есть дырка на пятке или грязный воротничок – отсылали в специальную комнату, там можно было зашить дыру, отмыть руки и размотать завитые локоны.

В школе был сильный учительский состав, один старик-математик чего стоил! Он говорил так: на 5 знает один Господь Бог, я – на 4, остальное – ваше. Литературу преподавал очень интересный человек: инвалид после фронта, сильно хромал и ходил с палкой, на левой кисти – черный протез. Но на его уроках сидели открыв рот, так было интересно и увлекательно. Он отлично знал историю Москвы, и иногда после уроков выводил нас на улицы и рассказывал о домах, их истории и истории живших в них людей. В школах тогда было обязательным военное дело, разбирали-собирали винтовку, пулемет, какие-то гранаты. Учили стрелять, для этого водили в какой-то тир, там стреляли из мосинской винтовки. Ну и, конечно, занимались шагистикой перед школой – левой-правой! На уроках труда что-то пытались шить, но материала практически ни у кого не было, так что все воспринимали в теории. А вот вязать научили просто: раздали х/б толстые нитки и крючки, показали первые движения и вперед – вяжите варежки для фронта! Конечно, смотрела учительница, распускала без жалости и добивалась нормальной вязки по ее расчетам.

Когда научились вязать, оставались в школе на 2-3 часа и довязывали пару. Из госпиталя привозили выстиранные бинты, мы их распутывали и скатывали, а совсем рваные щипали на корпию – это тоже после уроков. Были и уроки по санитарии, что можно спросить на уроке – спрашивай, более секретное – иди домой к учительнице. В школе понемножку подкармливали, был сладкий чай и пончик (вкус его помню до сих пор!). Директриса не только следила за чистотой и опрятностью, но и помогала: давали ордера на чулки, обувь и одежду. Мне достались в той школе хлопчатобумажное платье (я в нем на снимке в Никольском) и мальчуковые полуботинки на микропоре, которыми я была горда до неприличия! От кого исходило – не знаю, но мне часто давали бесплатные талоны на обед в столовую. Она находилась на углу ул. Горького и Ворониковского переулка, в помещении ресторана «Баку». Обеды были полные и очень вкусные, я брала с собой Володю и нам хватало на двоих. Выносить не разрешали, но как-то прятали баночки и часть утаскивали с собой. Это было большим дополнением в нашем питании. А еще маме на работе иногда доставались вещи из ленд-лиза: я долго носила салатную кофточку и большой шарф из настоящей шерсти – шленки, потом перевязала на шапочку и шарфик, в которых форсила несколько лет.

Позднее в школе появился кружок бальных танцев, стоило это 30 рублей в месяц, деньги мне давал д. Гриша. Преподавал танцор из Большого театра, учил не только разным па, но и как держать осанку, как правильно ходить и многим другим вещам. В партнеры приглашали мальчиков из соседних школ и спецучилищ. А уж если доставалось показывать па в паре с учителем – края гордости было не видно! В школе устраивали вечера с танцами, кавалеры были уже нам известны, танцевали разные па-де-патинеры, полонезы, па-де-катры и обязательные вальсы. Танго и фокстрот тогда были в великом загоне, как танцы загнившего капитализма и вообще попали в разряд сплошной распущенности. На вечерах играли в почту, начинались какие-то романчики по запискам, веселились в хороводах, играли в ручеек и в гляделочки. Переживаний у сопливой публики было море! С разными чувствами вспоминается один костюмированный вечер, когда мне досталось длинное бальное платье, казалось мне тогда необыкновенной красоты, а уж декольте – вершина всех мечт! Какой же гордой павой я выступала, как старалась держать спину и ходить как королева! Чувствовала себя необыкновенной красавицей и обязательно – принцессой. Теперь же не знаю, то ли плакать то ли смеяться на той собой, тринадцатилетней, голодной девочкой, оказавшейся Золушкой на нищенском балу: платье – затасканная тряпка, сама пигалица с косенками над ушами и жидкими бантиками и открытый от радости рот. Представляю эту картину сейчас и делается мне и очень грустно и смешно одновременно. Но тогда радости не было предела!

Вот такие негрустные воспоминания оставила та школа. А многое просто ушло в песок – дырки на пятках, грязные неотмытые руки, и прочие мелкие неприятности жизни.

У дяди Гриши в 43 году врачи обнаружили рак желудка и его направили в институт рака, где его удачно оперировал сам профессор Герцен. Операция была проведена безукоризненно и д. Гриша прожил еще 14 лет без всяких болезней. Но после операции требовалось щадящее питание, взять же его было неоткуда. Кто-то из знакомых пристроил т. Зину бухгалтером на продуктовую базу для дипломатов и высшего начальства, которая находилась в проезде Серова, с расчетом, что она там сможет отоваривать карточки хорошими продуктами. Но, то ли блат был слишком слабый, то ли личность тетки не внушила доверия, ей в этом было отказано. Дома она ругалась черными словами и плакала от бессилия, что муж теряет последние силы, а она ничего сделать не может. Вывернулись только с продажей старинного рояля. Мне сейчас кажется, что и нам тогда перепала толика денег, потому что у меня появилось зимнее пальто с рыжим

цигейковым воротником и такая же страшная шапка с завязками.

В 1943 году вышла маленькая зелененькая книжка стихов К.Симонова «С тобой и без тебя», посвященная актрисе Валентине Серовой. И она завладела умами девчонок! Прочитали и начали сходиться с ума – кто по кому. Кто-то бегал к служебным дверям театра Ленинского комсомола, кто-то бредил Симоновым. А как же – нам по 13-14 лет, а стихи обалденные, любовные, откровенные! Самый-самый возраст! Ну, кто как, а я с подружкой, две оборвашки с заплатами, узнали адрес, где проживала знаменитая пара, и начали там бессрочное дежурство. Стали ошиваться в их подъезде, познакомились с нянькой сына Серовой, провожали пару до машины и совершали прочие влюбленные безумства. Привязанности у нас были разделены: Ирка – за Серовой, а я – за Симоновым. Стихи его я могла читать наизусть с любой строчки и до конца книжки. Своим чтением и восторгом доводила своего соседа Борьку до драки. Вот что это было – не знаю, юношеское сумасшествие или болезнь? В жизни больше от стихов голову не теряла, но стихи Симонова люблю перечитывать. Как кончились эти амурные страдания – не помню, видимо, лично я получила хороший пинок дома, ведь на мне была еще и забота о младшем поколении нашей семейки. Сейчас вспоминать смешно даже, а тогда были такие переживания!

То ли в конце 43 или в 44 году братья Вихерты опять переехали к себе на Покровку, Толя устроился где-то работать, а Саша кончал школу. У нас стало посвободней.

Не помню, то ли в 1943 или 44 году, к маме пришел шофер отца, которого она хорошо знала, и сказал, что он имеет сведения, в каком лагере находится отец и может передать туда ему вещи и еду. Где доставали сахар, масло, теплые вещи не имею понятия, какими путями и за какие деньги. Передали. И все. С концами. Какую же совесть надо было иметь этому человеку? Ведь отца уже давно на свете не было. И скольких же таких несчастных он сумел обмануть, вернее обворовать?

В Оружейном переулке давным-давно был кинотеатр «Экран жизни», потом стал просто «Экран», а потом просто снесли и остался пустырь, который существует и сейчас. Киношка была дореволюционная, с деревянной скрипучей лестницей в фойе на втором этаже, где была небольшая эстрада. Перед сеансами выступали артисты самых разных жанров – от хороших певцов до начинающих фокусников. Артисты выходили на маленькую сцену во всем великолепии: мужчины – во фраках, певицы – в длинных концертных платьях. Помню одного пожилого дядьку с номером игры на двуручной пиле, исполнял всякие тогдашние шлягеры под аккомпанемент рояля. Пила звучала как модная потом гавайская гитара. Позже слышала, что там пела начинающая Людмила Зыкина. После концерта зрители шли в зал, маленький и очень уютный. Вот там-то я и увидела фильм с Робертом Тейлором, необыкновенным красавцем, в которого втрескалась до замирания сердца. Фильм – ерунда даже для того времени, но артист!!!. Фильм смотрела до снятия с проката, все не могла на него насмотреться! Копейки на билеты старалась заработать, ведь мама не только не давала, но еще пробовала побить меня. Потом, позже, смотрела с ним «Мост Ватерлоо», но уже душа не горела и пыл угас.

Из тех же годов: ходили смотреть сбитые немецкие самолеты, их выставляли на площадях, там всегда была толпа народа. И огромное впечатление оставил проход пленных немцев через Москву после Сталинграда. О том, что их поведут, было известие по радио. Мы стояли на Садовом кольце, недалеко от нашей молочной. Немцев вели от Маяковской к Самотеке. Народу на тротуаре было много, но стояла мертвая тишина. И только шарканье немцев по мостовой. Шла широкая серая масса, впереди генералы. Оцепление было редкое, с ружьями наперевес. Шли немцы достаточно медленно, смот-

рели по сторонам. За колонной ехали пузатые чистилки и поливалки. Радости и торжества на тротуаре заметно не было, многие женщины плакали. И тишина! До сих пор не оставляет меня это воспоминание: несчастные – на тротуарах, несчастные – на мостовой.

Садовая в те времена была намного уже, чем сейчас. Начиная от Делегатской улицы, проходил Оружейный переулок, а между Садовой и ним стояли дома. Если идти от Самотеки, то от Краснопролетарской начинался сквер и заканчивался он УгОльной площадью и домом, фасадом выходящим на Долгоруковскую (Каляевскую). Так же дома отделяли переулок и Садовую вплоть до здания с рестораном «София». В этом порядке дома были старые, невысокие и запущенные. Через переулок были магазины, памятные всем нам: комиссионный, овощной и молочная. По Оружейному ходило несколько номеров трамвая, движение было интенсивным, а переулок очень узким и опасным.

День Победы.

Ночью нас разбудила соседка, у нее было радио-черная тарелка, и она услышала заставку перед важными известиями. Люди не спали, ждали долгожданное – война окончилась! По радио долго передавали- «Работают все радиостанции Советского Союза». Потом Левитан зачитал сообщение. Радость была большая, во дворе все обнимались, кричали, плакали, целовались. А днем меня одну понесло на Красную площадь. Там тоже было много народа, но уже веселого, танцевали, обнимались, качали военных и выпивали. Там я была часов до одиннадцати, смотрела иллюминацию и праздничный феноменальный салют. В небо подняли гигантский портрет Сталина и знамя СССР. Их освещали из прожекторов, установленных по сторонам Красной площади. Так было торжественно и красиво, а салюту не помешал даже дождь и туман. А после салюта лучи прожекторов опустили ниже и водили ими по толпе. Стоял сказочный свет какого-то слабофиолетового цвета с перламутровым оттенком, лучи качались и люди стали бросать вверх мелочь. Это был настоящий серебряный дождь необыкновенной красоты. Я долго бродила среди толпы, слушала как поют, смотрела. Уходила с площади с трудом, проходы на Манежную перегородили грузовиками, пришлось проползть под машиной (ну, не я одна там ползла!). Домой пришла вся вымазанная в грязи. День 9 мая 1945 года запомнила навсегда и могу похвалиться, что в этот знаменательный день я была на Красной площади. Много позже, уже в 70-х годах, по телевизору увидела кинокадры этого вечера на Красной площади и узнала себя. Мама заплакала, вид у меня был нищенский и голодный. Впечатление ужасное!

В те проклятые времена мне пришлось близко познакомиться с Тишинским рынком, той еще клоакой. Маме в столовой по детским хлебным карточкам давали белые французские булочки (знаете, какие же вкусные они были, один зажаристый гребешок на булочке мог соблазнить!), я их продавала и покупала на эти деньги черный хлеб и картошку. Один раз попала в милицейскую облаву, у меня вырвали сумку с булочками, но удалось убежать. Рынок был чудовищной толкучкой, шпаны и жуликов всех мастей полно, все что-то продают, меняют, торгуются и все это с большим шумом и гамом. Точно такая же толкучка была на Зацепе, у Павелецкого вокзала.

Но не думайте, что раз жили бедно и голодно, у нас не было развлечений! В те времена было как-то легко проникнуть в театры: в филиале Большого на Б.Дмитровке (сейчас там оперетта) на некоторые спектакли нас пускали без билетов, ну естественно, на самый верх и на ступеньки! Там переслушала почти все оперы в исполнении знаменитых артистов. В этом театре замечательная акустика и слышно было даже на самых плохих местах. Особенно мне полюбилась «Травиата» с Лисицианом, Лемешевым и Ириной Масленниковой. Обожала голоса Александра Пирогова, Нелепа, Давыдовой, Натальи

Шпигель. Теперь их знают только люди от искусства, практически не осталось записей замечательного исполнения и голосов. Эти походы в театр были огромным наслаждением. Побудешь в той сказочной атмосфере и вся скудость жизни уходила на задний план. Это я сейчас так выражаюсь, а тогда просто отдыхала душой (если она была на самом-то деле).

Лето 1945 года. Дача в Никольском. Ярцевы, Шахины, Голубевы, Бурковы

А в театре Ленинского комсомола шли замечательные спектакли, где играли Берсенев, Бирман, Фадеева, Гиацинтова, Серова. Билеты на галерку были дешевые и стояли за ними даже по ночам. Несколько раз довелось мне тогда побывать в Большом театре, слушала Рейзена, Михайлова, Леонадию Масленникову, Козловского, Лемешева и многих других замечательных певцов.

Зимой мы с ребятами

из двора ездили в парк им Горького

на большой каток, и иногда на маленький – на Петровку. Коньки мои – былинная песня: как-то сохранились отцовские, 39-40 размера и в них напихивались газеты, а ноги обматывались толстыми портянками, ведь мой-то размер был 37. Но ноги все равно в них вихлялись. Марка коньков невиданная – норвежский спорт, лезвие устойчивое, шириной 5 мм, ходи в них – не упадешь! И тяжеленные. Ну, я-то еще ладно! А вот как катались потом мои младшие, представить сложно. И отслужили эти конёчки всем нам на славу. Такого раритета и в музее не найдешь. В парке катки были отличные: Большой круг, где играла музыка и катались медленно, торжественно, и длинные аллеи – там гоняли на норвегах. А летом где только нас не носило: в Тушино ездили купаться, в Екатерининский – на танцплощадку, на Москву-реку – кататься на лодках (это – если заводились денежки!), в сад Эрмитаж – слушать духовой оркестр. А у меня тогда появилось увлечение – потянуло меня в автотоклуб, там занималась долго, упорно разбирала мотор какого-то ГАЗа, собирала, учила дорожные знаки и один раз! доверили проехать с инструктором по Садовой. ВО! Дальше дело не пошло. Кто затащил меня в Тушино в парашютный кружок – не помню, но закончила я его на отлично и на моем счету целых два прыжка с парашютом. Первый раз я прыгнула без страха, ветра не было, а второй прошел под ругань инструктора и больше туда не пошла.

Мы с соседом Борисом были начитанными отроками, у меня было много советских

книг, у него – много журналов и книг на немецком, Гете и Шиллер – шикарные издания в кожаных переплетах с изумительными иллюстрациями, переложенными тончайшей папиросной бумагой. Книги у нас ходили из рук в руки, брали в библиотеке, читали, спорили до драк и побития морды противника, потом мирились и успокаивались. Но дела у меня было много – и учеба и продукты с готовкой, да и младшие мои были далеко не сахар. Но во дворе у меня было много друзей-мальчишек, нам разрешили собираться иногда у нас в квартире. Под немецкий патефон учились танцевать запретное – фокстрот и танго, пели для нас Петр Лещенко, Вертинский, сладкоголосые немцы. В компании играли в блошки, спорили о книгах и кино, т.е. вели себя вполне в духе того времени. Еда при наших сборищах не присутствовала, спиртное – тем более.

В нашем подъезде жили очень разнообразные люди. На 5 этаже в одной комнате жили ребята без родителей – Литуся (Аэлита), старшая сестра, и два брата Сурвилло, младшего звали Римус (Раймонд или Раймон?). Литуська также везде искала, где можно подработать, иногда и мне подсказывала. Родители арестованы, а родных не было. Впоследствии я как-то увидела афишу выставки художника Р.Сурвилло, побывала там и видела автора, но узнать я его не могла, так как видела маленьким мальчишкой. В квартире над нами поселилась пожилая дама, какая-то родственница Аркадия Райкина, бывшая певица. Давала уроки вокала, много играла на рояле.

Перед войной в квартире под нами появилась семья с двумя девочками, Ноной и Сузанной, как-то мы быстро сумели подружиться. И в один прекрасный день квартира была опечатана, все исчезли. Потом, много лет спустя в нее въехал художник Борис Ефимов – знаменитый и весь насквозь партийный товарищ, испортивший нам много крови. Когда Андрюшка стал ходить, посыпались претензии, что ребенок топает и мешает его творчеству. Пусть, мол, днем ребенок будет в других комнатах. Ему было невдомек, что девать ребенка некуда, а на руках целый день не проносишь, да и зачем? Скандалы повторялись ежедневно, пока я не объяснилась с ним сама и не привела его к нам.

Напротив, в квартире жила семья работника Внешторга Лерманова, с его дочерью Ланой, мы дружили. Меня она часто приглашала в квартиру, мы устраивались в большой комнате, где были книжные шкафы, и просматривали старые заграничные журналы мод. Увлекательное это было занятие, красивые люди, невиданные туалеты – от рабочих для уборки с диковинными кружевными фартучками до вечерних длинных платьев с низкими декольте. И воображали себя – то на балу, то в ресторане с картинок. И с шикарными кавалерами с тех же картинок. В этой комнате стояли два глубоких кресла и по стенам висели персидские гобелены. И всегда пахло сладким трубочным табаком, что курил ее отец. А высокая напольная лампа (по-нынешнему – торшер) с ногой в виде обнаженной красавицы, держащей огромный шелковый абажур, придавала полутемной комнате привкус чего-то такого восточного. Мать Ланы, Ревекка Борисовна, была женщиной красивой, уже в годах. Старший брат дружил с моим соседом, Володей Рабинковым. Отца помню смутно, редко его видела. Он уцелел в предвоенные годы, но был арестован в ночь на новый 1951 год, вытащили из постели после инфаркта и увезли. Ревека каким-то образом прорвалась к Сталину, потом говорили, что она с ним работала еще до революции и они были дружны семьями. Вернулась она домой спустя несколько дней, в совершенно жутком виде, вся седая (а уходила из дома со смоляными волосами!) и с трясущейся головой. Что было – никто не узнал, а вскоре они куда-то уехали.

В самом доме интересного народа было еще больше: в соседнем подъезде у профессора Майзеля была дочка Ленка, девица с детства очень много о себе воображающая, но

красивая и всегда модно одетая. Ее мамашу я бы сейчас назвала законодательницей моды: стильная еврейка средних лет, тонкое, красивое и злое лицо, одета она была очень красиво, модно и даже вызывающе модно. Таких манто, какие я видела на ней, больше ни на ком не встречала. Дочь вышла замуж за молоденького летчика-лейтенанта, родила сына, а лейтенант вскоре исчез. Но по двору прошел слухок – Ленка зарканила знаменитого гроссмейстера Котова и теперь управляет стариком-мужем, к ней и близко не подойдешь. Из более старших ребят помнятся только Гелька Натапов и Лешка Левандовский, который, когда его пришли арестовывать в 1943 году, выбросился из окна с 6-го этажа. А Натапов хорошо играл в шахматы, имел высокий разряд, и потом я встречала его имя в каких-то шахматных соревнованиях. В двухэтажном доме напротив нашего подъезда жил очень умный и начитанный Володя Горяев, он часто приходил к нам с Борисом, приносил свои книги. Из девочек я дружила с Ляной Ульрих, оторвой Сонькой Шнайдер и вундеркиндом Ниной Вестфаль.

Когда шестилетнего Володю стали выпускать гулять одного во двор, он сдружился с двумя мальчиками. Однажды, придя домой, он маме сказал, что теперь у него есть друг, только он не знает, как его зовут, то ли Рямка, то ли Рюмка. Мама объяснила, что его зовут Ромка. Так у брата появился друг, дружба с которым продолжалась до самой смерти этого Ромки, Романа Романовича Гурова, замечательного лицевого и горлового хирурга, врача со многими регалиями. Отец его сидел, мать работала врачом, вторично вышла замуж за раненого фронтовика – впоследствии режиссера Романа Романовича Гурова, снявшего знаменитого Чебурашку. Я помню его еще совсем молодым, ходил на костылях – что было с ногой - не знаю. Он усыновил двух сыновей жены и дал им свою фамилию и отчество и этим открыл им дорогу к образованию. Впоследствии Ромка женился, жену звали Лариса, и уж какая кошка пробежала между ней и свекром, только крысе в фильме он дал имя нелюбимой невестки. Вторым неизменным товарищем был Юрка Иванов, по прозвищу «Митута», но в институтские годы эта дружба охладела и потом они только перезванивались.

Часто во дворе я встречала молодую Ирину Архипову, говорили, что она снимает у кого-то комнату с роялем. Почему-то я слышала ее только когда она распевалась на гаммах, это бывало часто. В нашем отростке жил знаменитый актер Алексей Консовский, он сыграл принца в к/ф «Золушка», красавец и бонвиван. У него была афганская борзая, каких в Москве еще не было, и когда он выводил ее гулять, собирался народ на это зрелище. Вот люди, которые остались в памяти.

Весной мама где-то подхватила тяжелую форму гепатита и ее положили в больницу. Катю на это время взяли на Басманную, а мы с Володей остались одни. Вот тогда и пригодились те книги, что я натырила из отцова кабинета. Их я продавала у букинистов на Кузнецком мосту и на Арбате, там меня знали дядьки и давали неплохую цену. Но это было до засухи и голода. Маме нужно было диетическое питание и все приходилось покупать на рынке. После больницы она уже не могла работать в столовой, и на всю жизнь осталась с больной печенью. После болезни она устроилась работать бухгалтером на Угрешскую базу стройматериалов. А я осталась на второй год – очень много пропускала школу, да и у самой почему-то вскрылись швы на ногах и загнили. Ноги мазали мне какой-то вонючей черной мазью, она воняла даже сквозь бинты и толстые чулки. Да и дом тогда целиком свалился на меня.

Угрешская база находилась в Кожухове, от метро «Завод им. Сталина» идти надо было примерно минут 30 через железную дорогу и поле. Мост через рельсы был далеко, поэтому спускались с откоса на путь, а потом карабкались наверх. Ездила я туда каждый вечер, мы с мамой мыли полы после ухода рабочих. Зарплата была мизерной, да и я не

училась и была свободной. Контора была грязная, строители - в сапогах, по вечерам – планерка, нанесут глины – не отдраишь. Часто при составлении балансов помогала маме сводить таблицы, она брала работу домой. Да, а главным бухгалтером в этой конторе была дама по имени Апоплексия Митрофановна, представляете! Незабываемо!

В то время работали от рассвета до забора - по примеру кремлевского уroda люди не уходили с рабочего места допоздна, а вдруг высокому начальству что-то понадобится. Своё начальство так же боялось верхнего, и т.д. Короче, дикость несусветная, но ведь было.

Этой конторе весной дали землю под картошку на ст.Ашукинская. Сажать надо было свои семена, поле было большое, окучивать ездили по разнарядке, давали норму и хоть помри – а норму сделай. Несколько раз ездила туда одна, ковыряла землю. Но зато осенью собирали и была еда. Хранили её под кроватями. Пока она велась, было более-менее сносно. А когда кончалась - начинался брандохлыст. Но такое было ещё очень ничего, а вот если мама говорила – ешьте что хотите, это было уже совсем серьезно, значит, деньги кончились. Занимать в долг нельзя, отдавать-то нечем. Конечно, помогали с Басманной, но и там было туго. Как – то выкручивались, обходились совсем малым. С одежкой было совсем плохо: Кате что-то перешивали из старья женского, Володе - из брюк д.Гриши. Даже у меня была юбка из его старых брюк. Руки т.Зины - золотые, из старья получались вполне носимые вещи. Сейчас, вот, вспомнила, как Скарлетт сшила себе платье из занавески, но ведь она БЫЛА эта занавеска да ещё бархатная! А тут – изношенное старье.

Когда я начала что-то подрабатывать, и мама стала больше получать, стали что-то покупать, мама смогла себе купить английский темносиний костюм из бостона и т.Зина ей сшила шелковое платье, синее в белый горошек. Украдкой (поначалу!) я их одевала, потом она смирилась с этим, давала нарядиться. Туфли были ещё довоенные, на каблуке, они лежали в запертом шкафу, но ведь это была не проблема – достать. А пойти на вечер в техникум в старье, вот это была не проблема, а почти унижение. Короче, на одном из вечеров, когда я с кем-то танцевала, ко мне подошел наш завуч, потрогал платье и тихо спросил: а мама тебе разрешила это одеть? Потом я догадалась, что он её знал и м.б. встречал в этом платье, другого-то у неё не было, да и видно было, что мне оно велико. Но это было уже почти в другой жизни, я уже училась в техникуме и считалась почти взрослой.

А с туфлями было ещё хуже: маленькая Катерина умудрилась одеть их на двор похвастаться и сломала каблук. За туфли она же и получила. А вот что было за изрезанное мамино зимнее пальто, я не помню. У Катерины пальтишко было, сшитое т.Зиной с воротником – стойкой. Но так как хотелось, чтобы был настоящий воротник, то она его вырезала из СПИНЫ мамино пальто и большими стежками пришила к своему. Мамино пальто сложила и убрала на место. Как это обнаружилось – не знаю, только пришлось маме покупать пальто в комиссионке. Думаю, что с ней было плохо, когда все открылось.

Вообще, Катерина была хулиганистым ребенком: водила компании с дворовой шпаной, удирали неизвестно куда. Когда повзрослела, за это позднее «шлянье» Катя получала от мамы электрошнуром, а бывало это так: она звонит в дверь, мама открывает и молчком начинает её лупить, Катька молчит тоже. Раздается только треск об дверь. Потом обе ложатся спать, тоже молчком. И не вздумай вмешиваться, попадет и тебе. Но мама стала бояться меня бить, когда я подросла, ведь я была драчливой и довольно злой, особенно если бывала не виновата, огрызалась. Мне и так доставалось со всех сторон - и за

себя и за ребят.

Володя был тихим мальчишкой, не ябеда. Часто приходил с синяками, но молчал и не жаловался, был маленьким мужчиной. Конечно, и школу прогуливал и двойки приносил. А Катерина росла очень хулиганистой, неуправляемой, шкодливой. Школу прогуливала, где-то ошивалась, часто вызывали в школу и ругали, что не следим за ребенком. Однажды она прогуливала школу и осталась дома, но неожиданно вернулась мама. Услышав поворот ключа во входной двери, Катя успела запереть дверь в комнату, сама спряталась под мамину кровать. Мама вошла, а кошка Муська начала красться под кровать. У Н.Т. была страшная боязнь воров (интересно-а что было брать-то?), она решила, что под кроватью спрятался вор, и схватила половую щетку и закричала. А из-под кровати раздался вопль – мама, убери Муську! Потом была очередная лупцовка. Эту кошку Катя боялась сильно.

Муська появилась у нас после поездки мамы на «картошку» в Бронницы. Сколько ребята ни таскали домой котят, мама всех отправляла туда, откуда взяли. А тут сама привезла! Радости были полные штаны: как же - свой котенок! Котенок был красивый, светло - серый с длинной шерсткой. Выросла кошка в обстановке нашей семейки нервной, признавала только маму, спала с ней, ела только из её рук. Нас драла нещадно, было достаточно только повысить голос, как она повисала на ноге и драла когтями. Катерину отучила бросаться на пол и орать, когда та добивалась, чтобы что-то ей разрешили. С пола моя сестрица переместилась на мамину кровать, при этом всегда выла так противно, что ей давали хорошего тумака или леща. Но Муська и там её достала, ор прекратился. А Володя, поняв, что кошка не переносит свист, дразнил её. Почему-то Муська совершенно не выносила песню «Дети разных народов», так Вовка ляжет на кровать, прикроется до подбородка одеялом и начинает насвистывать этот мотив. А кошка, где бы то она не сидела, кидается на него, только успевай закрыться. Позднее, когда жизнь стала посытнее, бывали нам лупцовки за пропавшие из буфета котлеты, а мы их не брали, но все равно попадало. Кто обнаружил в очередной раз спрятанные за мебелью котлеты, не помню, но выводы были сделаны, и буфет стали закрывать на ключ. Бывало, что исчезала часть мяса из кастрюли с супом, виноватила мама, конечно, нас. Но потом сама убедилась, что лапу в кастрюлю запускала именно Муська. Обнаружилось это случайно: мама сварила щи и оставила кастрюлю на столе в кухне. Прошло много времени, щи остыли. Что заставило маму потихоньку выйти на кухню, не знаю, но она увидела, что там делает эта хитрющая кошка и жестом позвала меня. А картина была такая – крышка с кастрюли сдвинута, а кошачья лапа – в кастрюле. Вытащила, увидела, что на когте одна капуста и стрясла обратно. А затем опять лапу в кастрюлю и вытянула кусок мяса. И тут мама сказала: «Ты что это делаешь?». Муська застыла с поднятой лапой, на когте – мясо, уши прижались к голове, рот до ушей и противным таким голосом: мяаяаяая. Так мы были реабилитированы. А ещё кошка интересно слушала радио, сидела рядом, только ушки подрагивали, особо интересно было, когда она слушала скрипку Давида Ойстраха – очень ей нравилось, вся замирала. Чудная была кошка.

Однажды Катерина притащила к нам домой подружку Тусю, девочка была из артистической семьи и очень избалованная. Она начала приставать к кошке и получила по щеке, царапина была сильная. Конечно, разгорелся скандал, прибежала её мать, орала. Когда пришла мама, то велела Кате нести кошку в лечебницу и принести справку от врача, что кошка не бешеная. На улицу кошку никогда не выносили, она дико перепугалась и выскочила у Кати из рук, забежала в какую-то пивнушку. Народу там было много, сестричка моя ползала под столиками, орала и искала Муську. Потом начала выть в голос, кто-то помог – нашли. Справку принесла, показали матери Туськи, та успокоилась. А врач очень хвалил кошку за красоту, Катерина ходила гордая.

В нашей нищей семье было в обычае делить все на всех, даже одну конфету. Как-то мы привыкли жить стаей и, несмотря на всякие ругачки и ссоры, продолжали дружить до последних дней. Доставалось ребятам тогда от меня здорово, следила, как могла, ведь мамы дома не бывало с утра до вечера. Сколько всяких проказ пришлось скрывать, не перечислю. Володя на дворе нахватывался всякого, Катя хулиганила, её били и она была, надо было разбираться с родителями. Ходила она с оцарапанным лицом и с синяками часто, но это была её гордость. Сама я драться перестала, наверное, лет в 17, но на меня жалоб не было, ведь была-то я парней - дворовых и барачных. Выучка была от братьев Али и Толи Вихертов, они осваивали дзюдо и тренировались на мне, а я что-то у них подхватывала. «Школа» была хорошая, а злости хватало. Деточки мы были ещё те, маме не на что было радоваться. Где-то много позднее, случайно, я перевернула стол и увидела надпись углем детским почерком - «Инка дура», а Володя с Катей стояли рядом, и когда я спросила «Кто?», так эти взрослые шарахнулись и в один голос «Не я!». Вот это была выучка! А ведь лозунгом при драках у меня было родительское: «Я тебя научу любить свободу!». С годами характер мамы стал немного мягче, но деспотизм чувствовался всегда и даже очень. Ну, о дальнейшем житье расскажу позже, а сейчас немного о той Москве.

Москва понемногу пополнялась людьми и машинами. В магазинах по карточкам были самые необходимые продукты, хоть и надо было стоять подолгу, но уже не так было туго. Появилось много концентратов в пачках: разные каши, кисели, супы, были очень вкусные кисели: их ели не варя, сухими. Пшенная и ячневая каша из концентратов часто была на столе.

В Оружейном переулке возле нашего дома существовала палатка, где по карточкам давали муку и лапшу. Лапша была необычная, лопали её невареную, она была мягкая и душистая, вроде нынешнего крекера. В очередях стояли подолгу, записывались, переписывались. В 1946 году была сильная засуха, даже по карточкам продукты давали плохо. Хлеб был с какими-то большими добавками, на черном хлебе съедобной была только корка, а мякиш – просто слякоть кислая. Белого в магазинах

Муська во всей красе

я тогда не помню.

На улицах стало много нищих, просили хлеба. Очень много было приезжих крестьян, ходили по домам – просили помощи, денег, одежду. На рынках, как и прежде, процветала спекуляция. Там можно было купить буквально все. Голодное время продолжалось достаточно долго, когда стало полегче, мне определить сейчас трудно, но и дальше у нас было не всегда сытно. Потом все началось как-то налаживаться, отменили карточки и в магазинах появились продукты, которых не видели с начала войны. Я говорю о таких, как мы, а не всяких начальниках, которых и в самое тяжелое время хорошо снабжали. Уже под конец XX века стало известно, что секретарь горкома Ленинграда в самый голод во время блокады снабжался продуктами специальным самолётом, возили даже персики. А на улицах люди падали от голода!

Около нас было два овощных магазина. В них были всякие овощи, правда, картошка тогда всегда была немного страшновата, но и стоила 10 копеек за килограмм. Продавали её очень интересно: в стене магазина сделан лоток-сток в ёмкость на весах, с весов картошка пересыпалась в желоб, выход из которого был у ног покупателя. Туда подставлялась авоська. Было много всяких солений: соленые грибы - от дорогих до самых дешевых и червивых; огурцы и помидоры (кстати, помидоры в овощном на Угольной площади запомнились незабываемым посолом); кислая капуста разных сортов и капуста - провансаль, дорогая, но с со сливами, виноградом и маслом. Все это лежало в фаянсовых бочонках, пахло одуряюще, и было вполне доступно по цене. Может быть, все эти нюхательные воспоминания от вечного голода и невозможности тогда хотя бы лизнуть эту вкусноту? А Угольная площадь приказала долго жить, как и Косой переулок и Пыхов тупик! И, практически, Оружейный переулок.

Мелкие палатки росли как грибы: в них можно было купить всякую мелочевку. На рынках цены были высокие, но я приспособилась картошку покупать именно там, торговалась. Ходила на Центральный рынок, он был с овощными рядами на улице и там был большой привоз. Мясо и молоко продавали в отдельных павильонах. Сейчас рынок переделали наподобие музея, говорят, что цены там заоблачные, сама - не ездила, не знаю. На углу Малой Дмитровки и Садовой был наш коронный магазин, в околотке его называли «Инвалидный» (когда-то в войну в нем были прикреплены по карточкам инвалиды и раненые). И ещё долго до сноса дома жители его так и называли. Теперь на этом месте жилой дом, заселяли в него артистов. А напротив, через Дмитровку, в павильоне была пивная и палатка, где продавали бублики. Ой, какие это были бублики, горячие, хрустящие, 10 коп. штука! За этими бубликами приезжали издалека, нынешние, что выдают за бублики, просто испорченная мука. Другой вид, другой вкус, все другое. Те бублики старались принести домой ещё горячими. Эта палатка работала ещё долго, до 63 года точно.

В Филипповской булочной на ул. Горького хлеб выпекался в пекарне при магазине, стоил дорого, но как было не купить калач или французскую булочку! Тетя Зина помнила, какой хлеб был у Филиппова до революции, говорила, что этот не идет ни в какое сравнение. Но нам, когда доставалось, было вкусно!

На Подвесках находился продовольственный магазин бывш. Курникова, в двух больших помещениях, там было очень цивильно, хорошие продукты, чистые халаты на продавцах. Там же был большой обувной магазин, хорошая парикмахерская. На углу Селезневки была булочная, она славилась потом очень вкусными батонами по 13 копеек. Но все это было потом, после отмены карточек. В 1946-47 годах появилось очень много всяких забегаловок, на каждой улице по нескольку штук, было много пьяных. В

эти годы мне помнится большое количество инвалидов на улицах - безруких, на костылях, на низеньких тележках на подшипниках – их звали «утюги», потому что для езды они опирались о землю руками с подставками, похожими на утюг. Многие носили военную форму, без погон, орденов и нашивок за ранения не стеснялись, как это было потом. Нашивки были двух цветов: желтые за легкое ранение, красные - за тяжелое. Много было слепых с палочками. В нашем околотке были две матери, которые возили своих сыновей на тележках в детских жестяных ваннах, молодые ребята были без рук и ног, все это страшно вспомнить! Мальчишки на пьяных инвалидов орали дразнилку - «раненный, контуженный, никому не нужный!». Самая страшная пивнушка была на Подвесках, напротив нынешнего метро Новослободская. Часто там были драки, всегда толклись пьяные мужики, много инвалидов. Один тип был выделяющийся, высокий, с черными вьющимися волосами до плеч, то ли грузин, то ли армянин. Одет был в расхристанную шинель без пуговиц, на ногах ботинки с обмотками. И всегда что-то кричал и матерился. Я ужасно его боялась, когда ходила в сберкассу платить за квартиру, она была рядом с пивнушкой, и обойти не получалось. На оплату квартиры выписывали «жировки» у домуправа, за газ платили по счетчику, его устанавливали над плитой. За электричество платили по показаниям счетчика, сначала цена была 2 коп/кВтч, потом (когда?) стало 4 коп.

1947-51 годы. Техникум.

После того, как я отсидела второй год в 8 классе, на семейном совете было решено отправить меня в техникум министерства пищевой промышленности, куда я и попала, видимо, по благу – сработали мамини приятельницы по Моссельпрому, ставшие большими начальницами, хотя приемные экзамены я сдала весьма хорошо. И опять, как я понимаю, надо было преодолевать пункт анкеты. Принята была на отделение «Кондитерское производство».

В техникуме вдалбливали в нас различные науки, потом абсолютно чуждые производству конфет и карамели. Я нашла мой диплом и перечень дисциплин: математика, высшая математика, русский язык, литература, технология производства, спецоборудование, теплотехника, электротехника, строительное дело, организация экономики, санитария, микробиология, черчение, механика, технология металлов, детали машин, физхимия, неорганическая и органическая химии, аналитика (?), учет, техника безопасности, технология химконтроля. Не слабый список? Это только написано на бумаге, а в действительности было лихо – технология металлов оборачивалась хорошим куском металла и каким-нибудь напильником или шабровкой в руки и давай – скреби его до синего цвета себя и этого куска металла. Изучили мы там всевозможные науки, нужные и не очень, а на практике... Для определения качества и вкуса карамели нужны были только крепкие зубы и нос без насморка. Но, если по совести, науки были вбиты настолько крепко, что через много лет в институте, эти же предметы казались мне детской забавой. От такой долбежки наук, в которых ни бельмеса не понимаешь, было очень тоскливо. Но зубрить приходилось по - серьезному, срабатывали такие факторы, как стипендия и боязнь вылететь. Техникум находился на Софийской набережной, напротив Кремля, двором примыкал к дому «который переехал», это напротив к/т «Ударник». Вот в него мы и сбегали всей группой на иностранные фильмы: Девушка моей мечты, Серенада солнечной долины, Мост Ватерлоо, Леди Гамильтон и другие.

С третьего курса нас стали посылать на практику на московские фабрики, одна была в Ярославле. Дисциплина была строгая, спрашивали и проверяли детально. В нашей девчачьей группе собралась изумительная компания с реликтовыми именами, были Лениана, Интерна и Октябрина, в просторечье – все Ины. Старик-химик вызывал к огромной доске по три человека и часто так – «революционный набор – к доске!». Сейчас

смешно вспоминать, а тогда он мне представлялся иезуитом, только без тонзуры и сутаны.

Отрадой и отдыхом от зубрежки и домашней обстановки было участие в техникумовском хоре, которым руководил Семен Певзнер, маленький и невидный человек, но очень увлеченный своим делом. Хор под его руководством был очень слаженный, с хорошими голосами. Репертуар выбирался от классики до дежурных патриотических песен, без которых тогда было нельзя. Репетировали даже по выходным дням, с солистами работал долго и упорно. Наши концерты проходили всегда на «Ура», приходило много гостей из Министерства и еще откуда-то. В техникуме был большой зал со сценой, но со старинным кафельным полом, очень скользким. В этом зале и устраивались вечера с концертом, танцами и играми. Танцевали уже и танго и фокстрот и вальсы-бостоны, но очень осторожно на этом коварном полу.

А еще нас привлекали и к общественной жизни: когда я училась на третьем курсе проходили какие-то выборы, видимо, в Верховный Совет, всех нас назначили агитаторами и мне достался старинный дом с колоннами на углу Якиманки и набережной канавы, вместе с домами во дворе. Ходить и уговаривать и разговаривать надо было по вечерам, когда все уже были дома, а дело было зимой. Двор был – страшной не придумаешь, полно шпаны, вот там я боялась по-настоящему. Задача агитатора была проста – обеспечить 100% явку на выборы, не придут – значит плохо уговаривала. Нас крепко инструктировали – как говорить и что говорить. В комитете комсомола надо было отчитываться – скольких жильцов обошла, о чем тебе говорили, что – сама. Чем дело кончилось и какую явку я обеспечила – не помню, но голову не оторвали и выговора не заработала. Еще гоняли нас на всякие встречи правительственных гостей, но это было не так противно, вроде прогулки. В 1950 году на Болотной площади разбили сквер и там мы сажали деревья. Теперь гляжу на эту красоту и душу греет, что часть и моего труда в ней присутствует.

За годы моего учения в нашем милом государстве происходило много чего разного, от самого грандиозного до самого шизофренического, многое из деяний того времени не укладывается даже в мозгах думающих людей, а для молодых, вроде моих внуков, непонятно совершенно и сыпятся вопросы – а это не бред сумасшедшего? А как воспринимать такие опусы, как постановление ЦК о журналах «Дружба» и «Звезда», о постановлении по Анне Ахматовой и Михаиле Зощенко, о таких опусах по вредным течениям в симфонической музыке, по операм на советские темы, о вейсманистах-морганистах, о разгроме генетики вместе с мушками-дрозофилами, о критике академика Марра с его теорией русского языка и пр. и пр. и много всякого прочего. Собирали собрания, говорили – растолковывали (а понимали ли сами, о чем нам талдычили?), голосовали и все были «за», хотя ни бельмеса не понимали. Я – совсем не шучу, так и было. Мало того, «Краткий курс ВКП(б) и биографию дяди Джо, написанных им самолично, надо было знать на зубок и ответить по написанному без отсебятины. Были же такие времена, что и по сию пору удивляешься, что привелось жить в подобном говне.

Абсурдность доходила до предела: многие девочки ходили до метро «Библиотека Ленина» по Большому Каменному мосту. Останавливаться на мосту не разрешалось, если такое случалось – девчонки заговорились или что-то еще – подходили сотрудники в штатском и строго «Девочки, здесь стоять нельзя!».

В техникум я ездила на автобусе №5, остановка была у ворот из круглого двора. В этих воротах всегда стояла глубокая лужа. Однажды в воскресенье, торопясь на репетицию хора, увидела что подошел автобус и рванулась к нему, и зацепилась за перекладину

калитки. И, конечно, улеглась в означенную лужу пузом и лицом. Результатом было: грязное единственное пальто, разорванный чулок и отстранение от дуэта из «Пиковой дамы». Спустя 60 лет мне пришлось посетить круглый двор. Было жаркое лето, везде сухо, но лужа была на своем законном месте. А еще утверждают, что ничто не вечно под луной. Враки!

До 1949 года мы жили очень скудно. Мои младшие называли то время «временем брандохлыста» - мама давала мне 10 рублей (или потом 1 рубль), на него по строгой разблюдовочке покупалось столько-то грамм вермишели или лапши или крупы, подсолнечного масла, луковица и морковина и картошка. Если бывала треска, то это уже был пир. Варилась большая кастрюля супа-брандохлыста, на второе – картошка или та же лапша с постным маслом. Разнообразилась эта трапеза кислой капустой, солеными помидорами или селедкой. Но это уже был большой перерасход наших копеек. Но от такого супа не отказывались и приходящие друзья, есть хотелось всем и всегда.

В 1947 году мне исполнилось 17 лет и мама разрешила пригласить дворовых моих друзей-ребят. Стол по тем временам был роскошный: вареная картошка с селедкой, соленые грибы и капуста-провансаль, постное масло и много-много хлеба (целых две буханки!). Как это собрала мама, не знаю, но ей удалось. В тот вечер случился блокаут – погас свет по всему видимому из нашего окна району. Сидели мы на кухне, газ горел еле-еле, было тепло и уютно. У нас была гитара, потихонечку пели, разговаривали. Потом пришли мама с Асей Михайловной, сделали чай с чем-то сладким. Тот вечер запомнился надолго, повторения уже не было и наша компания как-то потихоньку стала рассыпаться – кто-то начал работать или пошел учиться. Воспоминание о том вечере довелось мне услышать лет 25-30 спустя от случайно встреченного тогдашнего друга, вполне уже состоявшегося мужчины. «А ты помнишь свой день рождения? Как же было здорово и вкусно!» Господи, как же мы жили, если подобное могло на года впечататься в память?

А 17 декабря отменили карточки и провели денежную реформу – меняли 10 рублей старых на 1 рубль новыми, причем как-то ограниченно. Вероятно, люди, у которых водились большие деньги, прослышали про обмен и была паника – наш комиссионный был опустошен начисто. Но нас это мало волновало – как не было больших денег, так и не предвиделось. В честь чего – неизвестно, но мамин брат вдруг расщедрился и преподнес ей целых новых 100 рублей. И меня тут же снарядили в коммерческий Елисеевский за всякой вкуснотой. Куплено было всего понемногу (цены были аховые): сливочного масла, вареной колбаски и сыра, каких-то конфет и печенья, и много-много белого хлеба. Мне не забыть никогда глаза моих младших при виде самых обычных для нас теперь продуктов!

Я уже писала, что есть хотелось всегда и везде, ведь мы росли. Даже сейчас, когда настало изобилие продуктов, у меня работает синдром «детей войны»: если в доме нет запаса продуктов, чтобы «пережить блокаду» как говорила моя матушка, мне крепко не себе. Я запасала все, всегда и во все времена. Нина Тихоновна на этот случай всегда говорила – нашего полку прибыло! Пустой холодильник – не для меня, он меня нервирует даже при попытках похудеть. Знаю, что мерзостней голодного желудка ничего на свете нет, знаю по многократному печальному опыту.

Годы моего учения ознаменовались окончанием подработки по мытью полов по квартирам и переходом на более квалифицированную: поднимала специальным крючком петли на тонких чулках, вязала какие-то охотничьи ягдташи, собирала электророзетки и патроны. Года три сдавала кровь: раз в месяц по 400 грамм. За дозу давали талон на

мясной обед и сколько-то денег. Но на Угреше мы полы мыли, куда ж было деваться.

Я уже писала, что в техникум ездила на автобусе, но обратно ходила всегда пешком, т.к. деньги на проезд проедала, покупала пирожок. Ходила по Каменному мосту, через Моховую, по ул.Горького и Малую Дмитровку. В1949 году мама где-то достала козлиную шкуру и мне сшили меховую курточку, мех был белый, а подкладка - ярко красный атлас. Я была очень нарядна и заметна в толпе. А на ул.Горького всегда гуляло много народа, особенно вечером. Со мной знакомились ребята, и постепенно у меня образовался круг, с которым я дружила вплоть до отъезда на работу. Жили они практически все на ул.Горького и в переулках, были старше меня, работали или учились., Среди них выделялся Иван, красивый парень с покалеченной рукой; Олег - хорошо рисовал и сочинял стихи; Миша отлично играл на гитаре. Они также бывали у нас дома, мама их даже привечала. Борис как-то не прижился в этой компании, отошел, он кончал школу на медаль, собирался в институт. Собирались мы также у Олега, девчонок, кроме меня, не было. Занимались в театральном кружке, в подвале нынешней гостиницы «Центральной», гуляли по улице Горького. Гостиница тогда была заселена людьми, это было что-то временного жилья, кто эти люди я, естественно, не знаю. Моя знакомая девочка также жила в гостинице «Бухарест» в Петровских линиях. Я как-то не осознавала, что привлекает ко мне парней, всегда чувствовала себя только «хорошим товарищем» и говорила маме - чего вы меня не родили мальчишкой? - и только уже потом поняла, что я - красивая и умная, могу дать фору почти любой бабе. Но это пришло уже во взрослом состоянии, когдасмогла одеться поприличнее и наряднее.

На ул. Горького для молодежи существовало негласное разделение сторон, наша была правая от центра. На левой могли побить, парни были серьезные. Как-то однажды мне тоже досталось, несмотря на то, что девчонка. В нашей компании подобралась веселые и остроумные ребята. Много хохмили, разыгрывали друг друга, заключали всякие пари. Однажды на пари (американку, это такое очень жесткое было пари, а проиграть было ну никак было нельзя) мне пришлось пройти всю улицу от Пушкинской до Охотного ряда с дуршлагом на голове, выиграть мне надо было в любом случае. Ребята шли сзади, страховали, чтобы кто-нибудь не пристроился. Пари было выиграно, но сейчас мне не вспомнить – на что спорили.

Олег за мной ухаживал, говорил с мамой, считался моим женихом. Он пошел учиться в авиационное училище, кончил. Направлен был в летную часть в Латвию, начал летать, но погиб в конце 1950 года. Ко мне сваталось ещё несколько ребят, но... К маме приезжала свататься даже одна мамаша, её сын не был в нашей компании, откуда он меня знал, не помню. Он кончил что-то морское, уезжал, нужна была жена. Серьезное сватовство было в 1950 году: на Басманной в жильцах жил летчик-полковник, знакомый тети Зининой родни. Кончал академию, герой Советского Союза. Тоже пленился, водил в театры, короче - обхаживал. Сначала я даже нос задирала, как же – такой взрослый, красивый, Герой Союза! Девчонки завидовали. Но что-то меня в нем потом напугало и стала я его бояться, когда приходил к нам, я убегала.

Так все и кончилось ничем. Из этого ухаживания помнится один довольно курьезный случай: он пригласил меня в Большой театр, ну, а одета-то я была совсем не таких походов. Меня снаряжала тетина знакомая, а она работала в секретариате у Молотова и имела много красивого барахла. Вот и меня нарядили в панбархатное платье изумрудного цвета, чулочки-паутинки и босоножки на высокой платформе из пробки. Волосы мои завили, сзади устроили хвост с бантом. Короче, пава! А как мне было ходить на этих подставках, когда я в первый раз взгромоздилась на такую высоту? Как я выдержала этот позор - не помню, но осталось ощущение коровы на льду.

Наверное, с 1947 года начали организовывать праздничные гулянья на площадях. Ставили фанерные расписные палатки, рисунки были на тему русских сказок с петушками,

Надомная работа – перерыв на ласканье с Муськой

богатырями и прочими атрибутами. Продавали разную чепушню, пирожки с повидлом и «котятками» (так мы звали пирожки с мясом), леденцы на палочке, мороженое. Мороженое ели даже в самые морозные дни, считалось большим шиком идти по ул. Горького и лопать мороженое, а на речницах висит иней. На площадях устраивали танцы, музыку давали из репродукторов, их висело много тогда по Москве. На Пушкинской площади (она тогда была пустая, к/т Россию построили значительно позднее) ставили большую ёлку, выступали артисты с Дедом Морозом и Снегурочкой. То ли народ был намного проще, то ли пострадались, но атмосфера была праздничная, пели, смеялись, играли в разные игры. Приглашали парни совсем незнакомые, не стеснялись, знакомились, потом встречались. Както меня познакомили с военными моряками, вот тогда я в первый раз услышала о Невской дубровке, ребята были с Балтики. А на практике на «Рот-Фронте» с нами был парень из Пищевого института, безрукий с

черной перчаткой-протезом, он мне рассказывал о Малой земле и Цезаре Куникове. Но тогда не было этого помпезного названия, просто он там воевал и был ранен. И о каком Брежнев он мне не рассказывал. Позднее купила книгу адмирала Холостякова о Малой земле и в ней практически наш гениальный стратег и тактик не упоминается!

Преддипломную практику в техникуме я проходила на фабрике «Марат» в Маратовском переулке на Пятницкой. Мне досталась тема диплома «Производство халвы», а производилась в Москве она только на «Марате». В управлении фабрики работала какая-то тетка, давнишняя подруга мамы по Моссельпрому. Она показала мне комнату в этом здании, где когда-то жили мои молодые родители и где я родилась. Смотреть на меня приходили какие-то старики, спрашивали об отце и маме, помнили их. На фабрике ко мне относились очень хорошо, много помогли с дипломом, подсказывали всякие рацпредложения и пр. Защитилась я нормально, на 4.

А вот с распределением на работу я уперлась. Мне предлагали всякие артели и промкомбинаты, а я наслушалась разговоров о них и боялась. Места предлагали глухие: Гаврилов Ям, Шарья и что-то ещё. Когда я отказывалась, говорили: а что ты хочешь? куда тебя возьмут? (анкета!!!). Уперлась я здорово, не поеду туда и всё. Нашлось место технолога на фабрику в Томск. Я стала собираться, ехать надо было в сентябре. Распределили туда ещё одну девочку – Аню Мошнину, вдвоём было не так страшно, ведь первый раз далеко от дома и родных. После защиты диплома меня устроила работать на свой завод Ася Михайловна, соседка. Надо было подработать на одежду, взять с собой было совсем нечего. Работала на штампе, чего-то штамповала из пластмассы.

В это лето мама устроила Володю в ремесленное училище при Филевском авиазаводе учиться на токаря. Он окончил 7 классов, дальше учиться в школе не хотел. Немного о

моем дорогим брате: работал токарем на Филевском заводе с высоким разрядом, потом окончил школу рабочей молодежи, выучился на врача – окончил Второй мед, до конца жизни работал в институте им. Бурденко, был нейрохирургом, успешно оперировал, защитил кандидатскую диссертацию. Был хорошим, добрым и порядочным человеком. Умер Володя внезапно, немного не дожив до 70 лет. Много людей осталось, благодарных ему за помощь.

1951 – 53 год. Томск. На том заводе, где подрабатывала на одежду, я и встретила своего будущего мужа. Помните знаменитые «Кирпичики»? - На заводе том Сеньку встретила..., вот так и я. Ну это я сейчас так всячески иронизирую, а тогда мои взрослые просто были в отчаянии: ехать одной девчонке в Сибирь, пальтишко легкое, обуви нет, шапки тоже. И вообще - впереди сплошь была неизвестность. Да еще меня так пришибла гибель Олега, что все мне казалось тусклым, с меня слетела вся моя разухабистость и хулиганство. Тетя Зина в мое семисезонное пальто вставила ватин, купили на ноги нечто похожее на знаменитые «прощай, молодость», из д.Гришиной шапки - «пирожка» сляпали какую-то теплую шапку. А у меня было такое спокойствие, отстраненность, что ли. Сама не своя. Лев Константинович работал там же, был каким-то

В Томске. Техник-технолог карамельного цеха

комсомольским начальником. Был красивым парнем, высокий, интеллигентный в разговоре. Сначала подходил к станку с разговорами о моей комсомольской работе, я по своей простоте в обращении приняла его посещения за «своего» парня, потом стал провожать до дома, а потом и объяснился в любви. Он знал, что я должна уехать в Томск (а я болтала с ним обо всем) и решил, что едет со мной. В августе мы расписались. Дома после ЗАГСа устроили стол с тортом и бутылкой вина с тетей Зиной и дядей Гришей. Мне купили нарядное платье и костюм, свекровь подарила красивое платье. Свадьба эта была неожиданной для всех, особенно для его родителей. Его отец, Константин Петрович, был особенно недоволен: как это его сын, сын преданного большевика, громившего басмачей в Туркестане, женился на дочери врага народа! (а я этого никогда и не скрывала!) Все это мне через много лет говорила свекровь, с ко-

торой мы сохранили нормальные отношения, а тогда я очень резко почувствовала его отношение. А на память я получила от свекра его фотографию с надписью: «неизвестной, но уже снохе». Мне рассказывали, как К.П. боролся с басмачами в Средней Азии, какой он принципиальный большевик и т.д. Жили они на Арбатской площади, во дворах. Дом был старинный, двухэтажный, судя по окошку, это было какое-то монастырское жильё. Комнатка метров 12, а их было четверо, ещё была сестра Льва. Свекровь моя русская, откуда-то с севера, типично русского типа, очень молчаливая и тихая, занималась домом и детьми. К.П. – обрусевший татарин, внешностью очень похож на М.Шаймиева, где-то работал. Отношения у нас были более чем прохладные, мне у них было не по себе. Уехали мы в Томск в плацкартном вагоне на пятьсот веселом поезде.

Ехать тогда было больше четырех дней, но в такой обстановке в вагоне скучно не было. Помню, когда ехали через Урал, с высоты пути и на поворотах открывались очень красивые виды, осень стояла теплая и леса стояли разноцветные: зеленые, желтые, багряные она была.

В Томске на фабрике меня встретили очень тепло, директор познакомился с Л.К., вернее - наоборот Л.К. пришел знакомиться. Уже тогда мне стало известно, что ждали меня одну, а тут - муж! Нам дали комнату в фабричном бараке, недалеко от фабрики. В комнате была самая необходимая мебель, узкая железная койка, стол, стулья. Печка-плита была в комнате, удобства – на улице, маленький сарайчик для дров и угля – их уже завезли. Что-то пришлось покупать, но забылось что. Оформили меня сменным технологом в карамельный цех, работала по сменам, потихоньку вошла в оборудование и познакомилась с народом. Потом уже работала с одной сменой, мастер которой был очень опытным сильным мужиком, смена вырабатывала сложные сорта, я всему училась. Л.К. долго мыкался без работы, не мог пристроиться. Нашел место лаборанта в Томском университете. Жизнь как-то нормализовалась и потихоньку потекла. Были какие-то нестыковки, но все по мелочи, позабылось.

Но к весне мне пришлось уйти из смены, перейти на дневную работу, т.к. у Льва начались приступы ревности, приходил на фабрику, прорывался через проходную. На работе он меня не бил, а дома – пытался, раза два бита была сильно, ходила в синяках. Скоро мне это надоело, я-то ни в чем не виновата и за что? Только один раз я его и отлупила! И все пошло вразнос: начал пить, на работу не ходил, так я задела его мужское самолюбие! Трогать он меня боялся, все понял. А потом собрался и уехал в Москву. Маме я ничего не писала, не хотела, чтобы она знала. Но она и так все поняла, Лев все расписал в красках. Знаю, что жаловался т.Зине (он ей очень нравился). Она мне советовала – помирись, это у них бывает, он хороший парень. Потом в это включилась мама. Летом я приехала сдавать экзамены в Пищевой институт на заочное отделение, сдавала и была очень рада. С Л.К. нас помирили, говорили «молодо-зелено» и прочие расхожие приговорки, им очень хотелось все наладить, ведь я никому ничего не рассказывала и не жаловалась! О «художествах» Л.К. я не могла сказать, так было стыдно. Помирилась, дура стоеросовая, на свою глупую башку! А вот обратно уезжала я одна. Честно, не помню, что он говорил, чем объяснял, очень все было неожиданно и обидно. А на фабрике мой мудрый старик-мастер не удивился, сказал, так и должно было быть. Что он знал, могу только догадываться, ведь среди фабричных все становилось известным.

Приехав, я перешла жить в частный дом к одинокой старушке-вахтерше с фабрики. Опять работала днем, я была комсоргом фабрики, меня избрали членом бюро горкома комсомола. Очень скоро меня перевели на должность технолога цеха. Часто ездила в Новосибирск в Облпищепром. Предлагали там работу и жилье, но посоветоваться было не с кем, а сама не решалась. А потом со мной начались «чудеса»: стали жутко опухать ноги. Пожаловалась врачу, та направила в женскую консультацию и «привет всем родным» - беременность большого срока. От моего дикого воспитания не знала я ничего из бабьих хитростей! Написала маме и Льву. Мама – она мама, а вот от мужа получила письмо, от которого можно было повеситься: «рожай, что хочешь и кому хочешь, это – не моё». Срок - большой, попереживала, но от подпольного аборта отказалась, это было очень опасно (тогда эти операции были под запретом, и врача и пациентку сажали). Короче, не повесилась, писать на Арбат перестала, работала, занималась, даже ходила в кино и театр.

Мне стало как-то легче на душе, перестала трепать себе нервы, занималась по вечерам,

отсылала в институт работы. До меня все-таки дошло, что мое замужество тихо скончалось. Маме посылала деньги, она мне - посылки с продуктами. Хозяйка у меня была добрая женщина, двое сыновей погибли на фронте. Жили мы с ней дружно, посылки я от нее не скрывала, делилась. В Томске жизнь была полуголодная, на рынке картошка - по цене золота. Молоко было доступное, продавали его замороженным, дисками по поллитра, а дома оттаивали. На фабрике была приличная столовая, обедали там, а вечером - хлеб с молоком. Жизнь была очень простая, на праздники собирались большими компаниями, еда тоже самая простая: картошка, сало, мороженая рыба, соленые грибы и прочая русская закуска. Пили, в основном, самодельную брагу. Если честно, запах ее вспоминается с отвращением! А для женщин варили какие-то наливки на самогоне. Но я не пила тогда и не пью сейчас, продегустировать могла, но пить? – нет уж. Много плясали под гармонь, пели частушки и какие-то мне незнакомые песни, протяжные и тоскливые, с многоголосьем, очень красивые и грустные.

Интересная была эта фабрика «Красная Звезда»!! Истории её я не знаю, не удосужилась узнать, а жаль! Работало два цеха карамельный и конфетный. В карамельном стояло два вакуумного аппарата для варки карамели, родом, наверно, из 19 века, за ними располагались длинные мраморные разделочные столы, переходящие в ленту тихоходного транспортера. Затем стояла формовка со сменными насадками и заверточная машина. И, простите, никакой другой механизации не было в помине, не говоря об автоматизации! Сам процесс изготовления карамели очень прост, но все простое всегда оборачивается всякими хитростями, которые знают только умелые руки. Для меня, видевшую технику на московских фабриках, все было в диковинку! Практически, все делалось вручную, за исключением варки массы. Её из аппарата выливал мастер на стол, колдовал: добавлял кислоту, эссенции, подворачивал, заворачивал и в нужный момент выливал начинку. И тогда в дело вступали подручные: закатывали батон в несколько рук. Эта толстая колбаса перекачивалась несколько раз, очень похоже как хозяйка катает тесто, но она же очень горячая! Работали в брезентовых рукавицах и то - обжигало руки. А потом, на транспортере женщины укатывали колбасу до нужного диаметра, в конце прокатки работали голыми руками, смоченными в масле. «Пальчиками, пальчиками!!!» - говорил мастер. У каждого мастера была своя манера варки и закатки. Вежливости там я не наблюдала, хотя первое время меня как-то стеснялись, потом перестали. А уж если что-то серьезно не ладилось, то вдоль ленты царил великий и могучий, очень громкий! Самое страшное - отказ вакуумного аппарата! Пропала варка, как выгребать? Это же наподобие домны! А план? Все – к чертям. Рвалась лента, вставала заверточная машина, оборудование старое, все чиненное не один десяток раз. Как-то выворачивались.

Механики были опытные, всегда при смене. Когда вставала заготовка, собирали всех, не исключая управление. Садилась толпой и начиналась работа с песнями и разговорами. А руки работали. Мои до сих пор помнят все движения, сколько раз даже вызывали из дома на аврал. Короче опыта я там набралась - выше крыши. В цехе был мастер, старик лет 70-ти, работал он в отдельной комнате и делал карамель и конфеты дорогих сортов. Так, у него была карамель, какую я больше в своей долгой жизни не видела: диск диаметром чуть больше старого пятака и в нем букет цветов - ромашек, ландышей, гвоздик, колокольчиков. Коронным товаром был букет роз разных оттенков! Каждая конфетка заворачивалась в очень красивый фантик с таким же рисунком. Этот же мастер варил ирис, всякий. На праздники он варил особенную халву, только у грека в Болгарии я ела нечто подобное. И ещё на праздники в конфетном цехе один мастер пек печенье, но это было редко. Конфеты в магазинах не залеживались, их очень быстро раскупали. А вот, что было привозное, лежало. А наши конфеты - отправляли на Севера.

В декрет меня собрали в самом начале марта. В поезде услышала сообщение, что тяжело болен И.В. Сталин, непрерывные сводки по радио, печальная музыка и прочий антураж. Вспоминается, как потчевали «Чейн-Стоковским дыханием» и прочей медицинской абракадаброй. В Москве меня встречала мама с ребятами, Л.К. не было, жил у своих родителей, так продолжалось и дальше.

Последнее известие о великой смерти дома никого не потрясло, только тетушка сказала «Кол бы ему забить осиновый, чтобы больше не встал!» Не сбылось. И кол не забили и поднять все пытаются. На похороны ходил только Л.К, попал в давку, как выскочил из толпы – не знаю, но явился на Каляевскую в изодранном пальто, с оторванным рукавом и полой, весь передрыченный и психованный, грязный. Мы даже не поняли, что там произошло, а он толком ничего не мог рассказать, только плакал. Отмыли, вычистили и отправили домой уже вечером.

Чувствовала я себя хорошо, дел у меня было много, ребенок развивался нормально. Мама работала, Вовка уже работал на заводе, Катя – в школе. Я была дома, хозяйничала. Ко мне часто приходили мои ребята, ходили гулять, в кино. А Л.К. являлся на Каляевскую для разговоров: ты сделала себе ребенка, испортила мне жизнь, и многое в подобном духе. Он никак не мог поверить, что ребенок этот его: этого не может быть и все. Избавилась я просто – перестала открывать дверь или надолго уходила из дома. Маме эта ругань тоже осточертела, и, в конце концов, выгнали и сказали, чтобы его тут больше не было.

С большим пузом я сдала сессию, вполне прилично. Родители Л.К. приходили, разговаривали с мамой, о чем – не знаю, я уходила, было противно. Немного забегу вперед: после смерти К.П. свекрови предложили большую комнату в Гагаринском переулке, она с радостью туда переехала. Жила она очень скромно, т.к. пенсия была совсем крохотная, по смерти кормильца, рабочего стажа у неё не было. Работать ей не давал муж, даже когда в доме не было денег на хлеб, не разрешал работать, а если она по-тихому устраивалась куда-то, бил смертным боем. Этот партийный товарищ был очень жестоким человеком, ладно бы к себе, но ведь выливалось все на самых ближних. Так что Л.К было у кого перенять опыт и в питье и в битье. Отношения мы с ней поддерживали, я бывала у неё. И однажды, когда она приехала к нам, я поняла, что она жутко голодна. Это было для меня ужасно. Я её спросила, что случилось. Она так плакала, рассказывать ей было очень трудно: Л.К пил и отбирал не только деньги, но вещи и продукты. Он тогда ушел от жены, перешел к ней жить.

Если говорить правду, мне было это тяжело писать, неприятно вспоминать то время и тех людей. Выводы были сделаны: не с моим дурным характером замуж ходить, за год нахлебалась на всю жизнь вперед.

1953 – 57 г.г. Опять Москва. Рождение Андрея.

Андрей мой родился в конце апреля 1953г. Сроки я переживала, мама смеялась – да когда же ты покажешь, что носишь? Врач в консультации уверяла, что все нормально. Ребенок был крупный 4,5 кг и рост 53 см. После родов мне пришлось долго лежать в больнице, то ли занесли инфекцию, то ли была послеродовая горячка. Лежала долго. Ну, роддомовские приключения отлично описала Маша Арбатова, добавлять ничего не надо. Молока у меня не было, дома растили на молоке с рынка и кашке, которую сначала варила т.Зина, потом научила меня (когда она варилась, шел такой вкусный дух, младшие мои ходили кругами, и остатки этих вкусных каш доставались им). Ребенок рос здоровым румяным карапузом, радовал всех нас. Месяцам к 7-8 стал поразительно похож на Александру Васильевну, мою свекровь, особенно когда оденешь на него пла-

точек, а потом на Л.К. Мама все удивлялась: ну надо же выродить такую копию! Л.К. приходил, тряс меня – почему я назвала его Андреем, кто это тебе? Ведь я была настолько озлоблена, что пошла и зарегистрировала ребенка в ЗАГСе сама, никому ничего не говоря. Что тогда не могла – это изменить фамилию, о чем жалею до сих пор.

После года сиденья с ребенком мне надо было идти работать, и мы решили отдать Андрея в ясли, т.к. сидеть с ним было некому. Володя уже работал токарем на заводе, мама – на Угрене. Я устроилась на Комбинат тортов и пирожных сменным бракером, выбора не было, в Москве был переизбыток таких технологов. А через короткое время заболел Андрей, да так, что детский врач сидела у кровати и рыдала, приводила каких-то врачей, не могли определить, что с ребенком. Примерно, через 2 дня д.Гриша привез старуху, профессора-педиатра. Эта врач сразу велела вызвать Скорую, сказала, что это токсическая диспепсия, сама с нами поехала в больницу. Трудно передать, что делала врачи, не хочется вспоминать, но обезвоженного ребенка спасли. Если спросите меня – в какой больнице это было, не помню, нервы

отшибли всю память, я там была с ним сколько-то дней, потом меня выпроводили. Кроме бьющегося на руках ребенка и бесконечного хождения с ним по всем коридорам, не помню ничего.

После всего этого ужаса и кошмара Андрея было не узнать: вялое бледное дитя, слабое, ничего не осталось от моего крепыша. Потом началась туберкулезная интоксикация, началась новая эпопея. В тубдиспансере давали килограммовые упаковки лекарств, рекомендовали кормить по особой диете. Там же дали направление в специальные ясли-сад, находились они на Малой Дмитровке. Заведующей была Эльза Людвиговна, низенькая, полная, теплая, типичная старая немочка. Как же её любили дети и боялись родители! По ее рекомендации дома делали «пирожное» - бутерброд со смесью из вытопленного нутряного свиного сала, какао, меда и сока алоэ, долго это пирожное было в ходу.

В яслях дети были хорошо присмотрены, накормлены, были врач и медсестра. Там бывали даже спектакли для маленьких по сказкам, помню восторженные рассказы Андрюшки про Золушку, про аленький цветочек. Немного из его рассказа о Золушке: «Она побежала, а за ней стадо людей!», о бале – а там не люди, а короли! Причем, видимо, актер игравший принца был шепелявым или просто очень старым, и произносил «Солушка». А сын спорил и доказывал, что мы говорим неправильно. Держали в этом садике до школы, дети регулярно проверялись врачами диспансера. Давали путевки в специальные детские санатории, первая поездка Андрея была с последствиями: боялся купаться, видимо, там опустили в слишком горячую воду. От второй путевки пришлось отказаться - невозможно было его отвезти, рыдал, бился, вырывался из рук, кричал. Так и вернулись домой, жалко его было ужасно. Эльза Людвиговна разбиралась, был скандал. Лет до четырех мы не могли восстановить Андрея, потом стало лучше. Помощи от

На руках у т.Зины, 6 месяцев

Л.К. никакой я не получала. Он приходил к Андрею, (мама не разрешила мне его не пускать), приносил лакомства. Но (противно вспоминать) заставлял его съедать все при нем, перекармливал его, конечно, опять была ругань. Как он заявил, не хочет, чтобы его фрукты или сладкое съели другие. Когда я подала в суд на алименты, Л.К. ходил к судье, носил какие-то бумаги. После судья мне сказал – что же это за человек? Алименты были, но какие? - 10-15рублей. 25 рублей было два раза за все время. А мне было заявлено, чтобы я не очень-то раскатывала губы. Эти почтовые квиточки я долго хранила, боялась, что когда вырастет Андрей, станет работать и эта пьянь сядет ему на шею.

Душа моя успокоилась, когда услышала о его смерти.

Болеем дома, блаженствуем. 4 года

Володя работал на заводе в Филях, хорошо зарабатывал, маме давал достаточно. Он сильно огрубел, начал курить и выпивать. Стали появляться какие-то друзья очень сомнительные, компании с выпивкой во дворах. Мы с ним договорились, что нам надо поступать в институт, хотели вместе идти в МАТИ, а для этого надо было кончить 10 классов. В 1955 году поступили в школу рабочей молодежи в 9-ый класс.

С моим дипломом техникума дорога была только в Пищевой институт, у него - надо было окончить 10 классов. Для меня пищевой институт потерял всякий интерес, в Москве найти работу по специальности без большого блата невозможно, уезжать куда-то - не было желания, а могла бы уже идти на второй курс. ШРМ находилась на Каляевской, было близко. С прежней работы я ушла, там было тяжело и муторно. Бракер отвечал

за всё, даже за пьяного мастера, один раз дали выговор, я огрызнулась, а на второй – ничего не стала дожидаться, после ночной смены пошла к директору, всё сказала русскими словами и подала заявление. Окончила курсы водоподготовки и устроилась в котельную на Маргариновом заводе. Там мне было интересно, зарплата намного больше. Когда освоилась с оборудованием, даже заменяла кочегаров. Сутки распределялись четко: дом, работа, детсад, школа и т.д. по кругу. Училась средне, я никогда не рвалась на медаль, даже мыслей не было, но в 10 классе уже к концу поняла, что есть шанс. А это - поступление в институт без экзаменов.

И быть бы мне с золотом, но... За день до сочинения внезапно умер Г.А. у

Эльза Людвиговна. Разбор полетов с родителями

меня на руках. Из мозгов выбило все: З.Т. была в полной прострации, кто бегал по похоронным делам - не помню, помогали соседи по квартире. На экзамене схватилась за свободную тему, почему-то меня вывалило на Гюго, на «Тружеников моря», и одно «н» в слове «Труженики» засчитали за ошибку. А так именно напечатано в заглавии. Пока мне сказали об ошибке, пока принесла им книгу Гюго, время ушло и документы они отослали в РОНО. Манефа (директриса) была рада и серебряной медали. Для серебра в институт надо было сдать математику. Я не стала портить нервы, для ШРМ ее я знала хорошо. Подала документы в МЭИ и пошла на экзамен по математике. Но ШРМ есть ШРМ, программа сокращенная. И мылилась я на этом экзамене - будь здоров! Но как-то что-то написала и наговорила. Шла я на «Котельные установки», там было достаточно свободно. И плюс – у меня рабочий стаж как раз по этой специальности. Приняли.

Володя сдал экзамены во Второй мединститут, поступил. А с поступлением в МАТИ получилось оригинально: Володя уехал в деревню к нашей Пане готовиться к экзаменам. Не прошло и 10 дней, как он явился в совершенно ненормальном виде: «Эту математику туда, туда и туда! Не могу! Подаю в Медицинский!». Ну, а я – то зачем туда одна полезу, в этот МАТИ? Так все и решилось. Когда я это все писала в Живом журнале, меня вежливо поправили, что я никак не отразила общественную жизнь после смерти Сталина. В 54-55 годах в верхах шла разборка – кому стоять у руля, Маленков, Берия, Булганин, Ворошилов и прочие так и мелькали в печати, а у меня на руках был практически умирающий ребенок. И до «официальных» лиц мое внимание не доходило. Работа, дом, больница, ясли, диспансер и прочие милые места – вот места моего обитания и внимания. Еще магазины и готовка для ребенка по особому рациону. Было ощущение, что чего-то ждали. Но учтите, что наша жизнь приучила людей молчать, не было такого как сейчас: открыл глотку и пошел нести всех подряд. Конечно, сильно всколыхнуло выступление Н.С.Хрущева на XX съезде, появилась надежда хоть что-то узнать об отце. До сих пор храню газеты и отдельную статью с его речью. Я уважаю Н.С. за это выступление с ножом у собственного горла, за его мужество сказать обо всем без прикрас. Да, он также был повязан во всей этой гнусности, но тем больше нужно было мужества. Пусть говорят, что он пошел на это, чтобы захватить власть и тому подобное, сейчас очень удобно лить помой на все, мертвяки ведь не дадут по харе. А надо сказать, что речь Н.С. не сразу появилась в печати, сначала были слухи, потом устроили закрытые партсобрания. Короче, обычная советская мутота. А уж потом появились газеты и отдельные вставки к ним.

Арест Абакумова мама моя встретила с тихой радостью еще раньше, он был одно время заместителем отца. И отец, (глупец!глупец! – это мама) вытащил его из неприятной ситуации, когда могли и из партии вычистить и с работы выгнать. И никто из нас не знает, какую роль он сыграл в судьбе отца. Знаменательна была случайная встреча мамы и его у здания НКВД в 47 или 48 году. Она шла мимо НКВД по Фуркасовскому, он выходил к машине. Остановились оба, слов сказано не было. Он смотрел на маму очень весело и нахально, осмотрел сверху донизу и обратно. А она (и как же ей это сошло! Все-таки он чего-то побоялся) плюнула ему на ноги и ушла. Арест Берии, вообще-то, был ожидаем, но вот формулировочка приговора – типично вышинского пошиба – произвела впечатление архиглупое: шпион всех мастей и всех стран. Уж как - будто ничего нельзя было выдумать поумнее и поправдивей. А дальше пошла каша из всех возможных и невозможных портретов: каждый рвался к власти, старый или молодой, лысый или с прической политзачес, хотелось поцарствовать всем. А я управлялась в котельной с ломом или лопатой, и мне до их портретов было очень мало интереса. Не сочтите за грубость, но ребенок и еда меня были более важным предметом, чем то, чья морда лица будет висеть на Историческом музее.

1957-63гг. Институт.

Про себя могу сказать, что луну с неба в институте не хватала, первые два курса оказались очень тяжелыми, перегруженными всякой ненужной мутью, с третьего стало много легче, пошли спецпредметы. Набор в 1957г. был интересным, на курсе было много производственников, демобилизованных морских офицеров.

Про институт чего много рассказывать? Всё – как всех: семинары, зачеты, сессии. Вдабливали всё, что нужно и не нужно. Особливо, конечно, всем навязшую в зубах, политэкономии с конспектами классиков всех мастей. Аудитории, лаборатории, читалка, чертежка, картошка по осени и овощные базы весь учебный год. Ах, да, ещё были какие-то стройки, где убирали строительный мусор. Вся эта проза институтская перемежалась вечерами с танцами-шманцами-обниманцами.

Но я была на 8-9 лет старше однокурсников, и меня эти сборища совсем не трогали, хотя в поклонниках и числились ребята того возраста. Времени у меня хронически не хватало, особенно туго пришлось на первых двух курсах. Моя великая благодарность нашему математику В.В.Зайцеву! Только из-за его благожелательного ко мне отношения я не вылетела тогда из института. Вот представьте: сидит

Наш повседневный быт. Катя, мама, я и буфет с совой

на первом ряду тетка, тщательно все конспектирует, аж язык высунут, а на практических задаст он ей вопрос ... Ответит. «Правильно, все наоборот!» - говорил он. На экзаменах вызывал только к себе, мытарил, чего-то из меня вытаскивал, но ставил тройку, и так четыре сессии! Но когда закончился его курс, он попросил у меня мои конспекты! Как же я была рада, что хоть чем-то была ему полезна! А уж боялась я его до дрожи в коленках, хотя мои девочки институтские до сих пор утверждают, что была влюблена как кошка. А, может быть, от страха и ела его глазами? Вот так вот! Потом все покатило по нормальной колее.

На втором курсе мне пришлось устроиться подрабатывать в «родную» котельную, работала по ночам, подменяла и лаборанток и кочегаров. Заработок позволял одеть Андрея и себя. По ночам можно было позаниматься своими науками. Так работала до пятого курса, пока не уехала в Назарово.

Начиная со второго курса, мне неоднократно предлагали вступить в КПСС. Пока были мягкие предложения, я отбрехивалась всякими пустяками. Но когда стали нажимать и педалировать, что члену будет намного легче сделать карьеру, я озлилась. Умные знают, что не надо махать красной тряпкой под носом у быка. Ответила прямо и грубо, что я – не гожусь в члены, а для карьеры мне хватит ума, в крайнем случае пригодится и фигура с красотой. Поняли, что хамка и наглядка, и отстали.

Назначение в Сибирь поставило меня перед проблемой – что делать с ребенком? Тетю Зину невозможно было даже просить, она уже была стара и плохо себя чувствовала, мама дорабатывала последние годы перед пенсией и уходить с работы не собиралась. Через отдел образования нам дали направление во вновь открываемый интернат на Палихе. Прием был с обязательным экзаменом – как развит ребенок, как читает и пр. и пр. Андрей был принят и у меня сердце немного успокоилось. Интернат был новый, только созданный. Директором был назначен Б.Б.Вишневецкий. Спальный корпус дали осмотреть, все новое, обставлено в хорошем стиле (советском, естественно). Уезжала я со спокойным сердцем.

Практика на Назаровской ГРЭС – вот там я впервые увидела новейшую технику, далеко ушедшую от тех маленьких барабанных котлов, на которых до этого работала. Мне дали чертежи, схемы. Сидела, сопела, разбиралась, лазила по котлу. В бригаде были одни мужчины, заниматься со мной особо было некому, все были в работе. Блок уже пустили, а к наладке еще не приступили. Чего-то мне поручали, расчеты, графики и подобное. Но главное я себе уяснила – это МОЁ. И стала въедаться, чем дальше – тем интересней становилось. Сколько бумаги извела, рисуя схемы – не скажу, но приехав в Москву, удивляла своих преподавателей всякими новинками.

Андрей в интернате. 1967 год

Назаровская ГРЭС стоит на реке Чулым, поселок находился выше. Вокруг – тайга, сопки. Короче – глушь. В поселке было два магазина: «Мясо-рыба» и «Смешанные товары», на самом деле - «ни мяса, ни рыбы» и «смешные товары». Хлеб надо было добывать, а не покупать. Когда появлялось что-то из куриного (крылышки!) посылали парня, на которого заглядывалась продавщица. В столовой ГРЭС еда была простой и вкусной. Но бывало и так - висит объявление: «Ввиду бездорожья дороги Назарово-Ачинск мясных блюд нет и не будет». Пустые щи и пустая картошка или каша. А куда денешься? Ребята были из Сибирского отделения ОРГРЭС, осенью ловили рыбу, зимой стреляли птицу. Что-то готовили на бригаду. Вот там я первый и последний раз ела такую рыбу как муксун и нельма. И варила суп из рябчиков и дроздов. Таким супом мы отметили 1962 год, из еды были китайские мандариновые компоты, маринованные яблоки и печенье.

Но веселья нам хватило до открытия станционной столовой. На обратном пути, севши в поезд в Ачинске, мы вдвоем с нашим техником двинули в вагон-ресторан и отвели душеньки. И таких отводов души потом у меня было немало.

А вот диплом дался мне большой кровью: делала его в ОРГРЭСе, обязательный расчет и чертеж котла – на своей кафедре. Мой консультант заболела, завкафедрой – ну что

ему заниматься со мной? Посмотрел пару раз – «нормально». А за пару недель перед защитой вышла с больничного консультант, и устроила разбор полетов на полную катушку. На зава сослаться я не могла – велика я фигура, что-то пересчитала, а вот чертежи... Плюнула на всё, решила – ну кто там на защите будет рассматривать эту паутину труб, паропроводов и прочих проводов. Оказалась права. Но нервы попортила себе здорово. Послушалась бы ребят с курса, они говорили: Двадцать минут позора и ты – инженер! – поберегла бы свои нервишки. Сама же защита была малость анекдотичной: так как я очень психовала, Володя принес мне две таблетки и велел выпить – одну утром, другую перед защитой. От всех психозов есть ничего не могла, с утра понеслась в МЭИ. Защищалась где-то часа в 4. Уже наколола листы на стендики на колесах, моя очередь скоро идти, а меня разобрал такой голод, что если сейчас же не засуну что-то в рот – рухну! Буфет был рядом, без очереди схватила сардельку и хлеб, и это время меня увидел замдекана. «Ты уже защитилась? Нет». Поволок меня к аудитории, меня уже ждала комиссия, а я с сарделькой и хлебом в руках, но чего-то откусить успела. Конечно, никто носом по чертежам не водил, по котлу отбарабанила я довольно прилично. Это конец первого действия. А во втором, на дополнительном задании, начала действовать таблетка. Больше таких «чудесных» ощущений у меня никогда не бывало!! Вон стоит ОНА и рядом я, она должна говорить, но почему-то говорю я. Ей задают вопросы, а отвечаю я. Причем, в этой части диплома в ОРГРЭСе мне дали много интересного материала. И вот когда комиссия решила кончить, и меня стали останавливать. Как же я обиделась! Заявила, что тут самое интересное, важное! Что и как было дальше – не помню, как я выкатилась оттуда – не помню. Вечером трясла братца про таблетки. Оказалось – их давали больным перед операцией в институте Бурденко для успокоения. А что же было со мной? Куда спряталось мое-то успокоение? Один – хорош, вторая – еще лучше! Вот так вот я окончила институт! Шла домой с ощущением – с плеч упал мешок картошки! Так было свободно и легко. А впереди – новая жизнь.

Наше житье-бытье в эти годы.

В начале 60-х годов моя матушка и тетушка решились на обмен, им пришла в головы мысль, что надо съехаться и жить вместе. Подвернулся обмен в центре, на памятной Маросейке, тогда ул. Богдана Хмельницкого. Дом дореволюционной постройки, стоит чуть в удалении от улицы. Квартира, естественно, коммунальная в 4 комнаты. Для обмена была предложена огромная комната, метров 55, разгороженная прежними жильцами на три отдельных. Посмотрели мои старушки и согласились. Я тоже была довольна, так как было удобно ездить на работу (все это заочно, по письмам). При переезде старых моих женщин немного ограбили на книги и старинную гитару. Кто помогал при перевозке – не знаю, но отсутствие гитары обнаружили сразу, а вот старинных книг недосчитались много позже.

Комната была шикарная, с огромным балконом. Паркет наборный дубовый, высокие потолки, старинные окна выходили на балкон. И сама квартира оставила хорошее впечатление чистотой и натертым паркетом в прихожей. Расположились мои дамы и стали ждать моего приезда. Приехала я и тихо ахнула: дом этот я очень хорошо знала. Когда в Москву приезжала моя «великая» любовь, мы там снимали комнату и хозяйка хорошо меня запомнила. Оставалось только не попадаться ей на глаза. А дамы мои к домовым знакомствам и посиделкам у подъезда относились всегда отрицательно. И бояться мне было, вообще-то, было нечего.

Так как я была основной тягловой и финансовой силой, на меня сразу же свалился ремонт. Доставка обоев и прочей атрибутики ремонта отняло много сил и времени, но как-то подвезло и все срослось. Нашла мастеров, комнаты заиграли. Паркет отциклевали и в него можно было глядеться как в зеркало. На балконе (8м x 2м) после старых

жильцов остались две бочки, советом старейшин было решено натаскать в них земли и посадить березки. Ну, таскать землю, естественно, должна была я, только вот откуда? Решение было быстрое: сквер у Ильинских ворот у часовни, ближе ничего не нашлось. Вот поздними вечерами с ведром и саперной лопаткой я уходила на промысел, по 2-3 ходки за вечер. Здорова и нахальна была, но бочки были заполнены. Березку и для разнообразия рябинку привезла из Измайловского парка, посадила. Оба деревца принялись очень хорошо (как все краденое!) и березка в дальнейшем радовала даже следующих жильцов, разрослась и ствол был диаметром в 15-17 см. А вот рябинке досталась плохая доля: как только на ней распускались первые листочки, со всей Покровки слетались воробьи! И обглаживали её до прутиков. Чем только мы их не отваживали, ничего не помогало. Так она тихо и захирела. В дальнейшем на балконе был разбит сад и огород. Сторона – южная и открыта на восток и запад, т.к. все крыши были под нами. В те времена сливочное масло поставлялось в магазины в хороших деревянных ящиках, вот и приспособили их под помидоры. Решетку балкона обвивал вьюнок разных цветов, на стенах висели кашпо с настурцией отменного качества и цвета, на высокой скамье стояли ящики с астрами. А между рамами была устроена теплица для огурцов. Короче, все плюсы были использованы с максимальной пользой. Семена мне давал зав.магазином «Семена» - южный товарищ, равнодушный к молодым и красивым. Помидоры были шикарные, а про огурцы ходили легенды. Балконом тоже любовались с улицы, не оставляли без внимания, останавливались – было действительно здорово.

Немного о квартире и, естественно, о населении квартиры. Через очень короткое время жизни в ней, стал понятен отъезд прежней семьи. Обстановка была не накаленная, а какая-то очень нервная. Открытой ругани не было, а подводных камней – до предела. Народ самый разный, больших интеллигентов не просматривалось - уборщица в мясном отделе ближайшего гастронома, пара пенсионеров, старушка в комнатке при кухне и еще одна женщина (очень быстро обменялась и уехала). Как я уже писала, опыт жизни в коммуналках у нашей семьи был приличный. Но если старая тетушкина квартира на Басманной, где она прожила 37 лет, была достаточно мирной и дружной, то здесь этого явно не наблюдалось. Характер же моей матушки был очень сложный: с домашними – деспот в юбке, с чужими – молчун (переживания были за закрытой дверью и указаниями, что надо предпринять). Даже при моей великой коммуникабельности сойтись с кем-то из соседей мне не удалось. Сын учился в университете на Ленинских, моя работа – на Электrozаводской. Район – родной, улица знакома до последнего проходного двора, магазинов много – нам всем было удобно. На общем совете решили просто не обращать внимания на соседские дразги – не наше царское дело!

Но соседи решили по-другому: моих старушек обязательно надо было уколоть либо в чем-то упрекнуть. Тетка к этому времени стала совсем плохо слышать, она на все речи только улыбнется и скажет – не слышу - и уйдет. А матушка – та тратила нервы почему зря. Пара соседей-пенсионеров являла собой интересную картину: муж – ростом под два метра (с запятнанной репутацией кухонного мужика и дракой в прежней квартире) и жена – ему едва ли до груди. Вот она себя считала главной в квартире и раздавала указания по чистоте и поведению. Но кто бы из соседей её слушал? Отсюда и разброд. Чистоту соблюдали неукоснительно. Паркет в прихожей мылся, намазывался мастикой и натирался каждую субботу, кухня и удобства намывались каждый день. Когда я находилась в Москве, это была моя работа. На остальное время приходилось нанимать женщин, но ввиду стервозной обстановки они часто отказывались от работы. Так что приходилось мне довольно лихо, т.к. уборка за нашу семью длилась 5 недель. Зарисовка с натуры: суббота, самое раннее утро, квартира спит, я намыла прихожую, пол высох – можно намазывать эдельвакс. Делается это на карачках, прихожая метров 25 – большая. И вдруг за спиной – ты смотри, что делаешь! Вон там оставила плешь и вон

там! Это – наш бегемот - (так его прозвали соседи) – кухонный мужик. И пальчиком и пальчиком! Раз я промолчала, на второй сработал мой атакующий стиль, поднялась с карачек и погнала его в комнату к жене, посоветовав глубоко заткнуться. Он при этом пытался до меня дотянуться, но получив тряпкой с мастикой, убрался. За этой сценой неповиновения наблюдали, но сразу попрятались. Но зато выскочила его супруга с криком, что испортила его белейшую майку. Было это часов в 6 утра. Поэтому я громким голосом посоветовала убраться всем по своим углам и не вылезать, пока я не натру паркет. Стало тихо. И так повторялось неоднократно. Но это – я, а чужой женщине такое надо? А моим старушкам такое было надо? И стала я совсем стервой. Ничего не спускала ни ему, ни его жене. И соседки на все его замечания – что не так чистит картошку, что не так вымыла плитку или раковину, что оставила грязную кастрюлю и т.п. – стали огрызаться и советовали заткнуться. На крики выбегала жена и уволокивала его в комнату. Сразу почувствовалось изменение отношения соседей – стали нормально разговаривать не только со мной, но с моими старушками.

Кончилось затишье смертью жилички при кухне: она болела, не выходила из комнаты, я готовила ей поесть и заходила к ней в комнату. Однажды я покормила её, вызвала врача, ей было совсем худо. Пришел врач и нашел её мертвой. Жена «бегемота» взяла на себя по праву старшей хлопоты по похоронам, я оплатила их, т.к. никто из соседей не дал ни копейки и эта пара также. А вот меня эта женщина обвинила, что я забрала все деньги старухи! Она перерыла вещи и денег не нашла. Значит что? Раз я была у неё в комнате, значит и деньги слямзила. Помните: кто тетку пришел, тот и шляпку украл! Такого в моей грешной жизни еще не было! И тут меня понесло. Изображала стерву до этого, а после – стала настоящей! При очередном наскоке бегемота я заорала, что он хочет меня изнасиловать! Орала громко и хорошо. В другой раз несла горячий утюг с кухни, он заступил дорогу (идиот!) и я ему пригрозила, что приложу этот утюг к пузу. Заорал уже он. И это были не какие-нибудь одиночные выходки только со мной, но и другими соседками тоже. К этому времени у него уже были неприятности с жиличкой соседней квартиры, он её толкнул и она сломала руку. Подала на него в суд. В конце концов, эта пара обменялась и исчезла из квартиры, но не из памяти. Вот такое «веселое» было житьё! Потом как-то все наладилось и стало тихо, чисто и никто не сидел в туалете по три часа, подрывая здоровье соседей

Жизнь на Маросейке совпала для меня с крайне несчастливым периодом: при аварии на ГРЭС осталась жива, но попала в больницу на 4 месяца и затем на инвалидность (маленькую, но к моей работе непригодную). Затем сумела на ровном месте сломать ногу, опять на пару месяцев. А затем пошла на прежнюю стезю и сразу же на той же ГРЭС опять попала в аварию, больница была через год и с серьезной операцией. С тех пор боюсь чисел 15 и 24. И правильно: уже совсем недавно, 24 марта и уселась в лужу с большими последствиями.

После обмена скандальных соседей все жили мирно и довольно слаженно. Новая молодая пара была очень современна, без коммунальной выучки. Квартира была отремонтирована, чистота и все блестит. Гости, когда входили, пытались у порога снимать обувь. Мама заимела небольшую собачку, врач посоветовал побольше гулять (замучило давление и были гипертонические кризы). А гулять-то там где? Абсолютно нигде. Она делала круги по переулкам, и однажды пришла счастливая: знаешь, Тимка сделал хорошую кучу около конторы!!! Много ли надо человеку для радости? За это время ушла тетушка, женился сын, появилась внучка. А матушка моя, верная своему характеру, опять надумала меняться. На Каляевской в бывшем нашем подъезде жила семья, мать умерла, отец женился на женщине с ребенком (взрослым!), затем умер и отец. И квартира превратилась в склочную коммуналку: 2 женатых сына с детьми плюс мадам с

сыном. Один из сыновей был товарищем брата, так и вышли на обмен. Но прожили там очень мало, мне предложили квартиру на эти две комнаты и мы согласились. Я согласилась с мыслью, что матушка успокоится, живя отдельно, смирилась с тем, что на работу очень неудобно ездить.

Метро «Медведково» не было, только приступали к стройке, ездить надо было - автобус, электричка и опять электричка. Езда была мукой, но я оказалась права: маманя практически воскресла. Въезд в эту квартиру мне запомнился навечно: такого строительства я не ожидала, даже при моем большом скепсисе. Во-первых, дали ключи и я с ребятами с работы поехала посмотреть квартиру и сменить замки. Вошли в квартиру, дело было в мае. Открыли окна и балкон. Пока я любовалась видом кольцевой и Мытищами, ребята занимались замками. А когда я проходила по комнате к двери, на меня от сквозняка упали обои с большой стены. Целым пластом! Накрыло меня, а так как я женщина пуганая на своей работе, от неожиданности взвыла. Ребята лежали вместе с обоями, от хохота свалились. Это было первое впечатление!

Во-вторых, взяла отпуск, наняла машину и отвезла вещи для косметического ремонта и житья, пока будем клеить обои. У нашей троицы уже был наработан опыт по оклейке обоев, бригада «Ух!». И в первый же день я напоролась на такое, что даже у меня глаза на лоб полезли. В кухне линолеум почему-то лежал волнами, видимо был серьезно залит, были ржавые потеки. Мойки на кухне не было, её сняли по моей просьбе раньше. Что мне потребовалось в этом углу – не помню, но когда я наступила в самый угол, то просто провалилась. Как не продырявила себе подбородок – не знаю, летела на торчащие трубы. Конечно, это меня сразу разогрело. Со злости решила отодрать плинтусы и поднять линолеум, посмотреть - в чем же там дело. Подняла и начала громко говорить плохие слова. На мое счастье в доме еще работали отделочники и присутствовало какое-то начальство. Буквально за галстуки подняла их в квартиру и показала: электроподводка к плите диаметром примерно в 2 сантиметра была надсечена во многих местах. Милые электрики не могли уложить кабель в мелкую канавку и нашли замечательный выход! Причем надсечка была глубокая. Включи плиту и пройди по полу – и где ты будешь потом? Ага, только на небесах. Слышно мой монолог было на весь дом. Начальство стояло бледное, а прораб - немножко синий. Ну ладно, я какой-никакой инженер, сообразила, а просто какие-нибудь старики? Короче, без великого скандала не обошлось, но заставила и дыру заделать и кабель переложить. А когда показала упавшие обои – это было последним и завершающим штрихом. Начальство просто бежало под мой аккомпанемент. Вот так я въезжала в новую квартиру.

Теперь немного назад, в 1958 год. После первого, для меня тяжелейшего курса, на пару недель решила уехать куда глаза глядят, немного придти в себя. «В деревню, в глушь...» Села на поезд и поехала в сторону Рязани в общем вагоне пятисот веселого поезда. В разговорах с тетками в вагоне узнала, что от Шилова бегают по Оке катерок. «Ну, сядешь и посмотришь, где понравится!» Так сказали мудрые тетки. А я так и сделала. Ехала и смотрела, доехала до конца – вылезай, деревня Копаново. Устроилась у бабы Поли, в избе на краю деревни. Огородом можно спуститься к Оке, картошка есть, лапша и постное масло – в магазине. Сестра хозяйки приносила молоко и яйца. Спровоцировали мне крючок и леску, палку приспособила сама и ловила пескарей на жареху. А на следующее лето прикатила туда вся семья вместе с т.Зиной. И так продолжалось много лет. Ездили туда не только мои, но и Володины друзья и друзья друзей с женами и детьми. Замечательные места, настоящая русская природа. Была.

Об ОРГРЭСе, который побывал в звании Союзтехэнерго, опять стал фирмой ОРГРЭС и моей работе в этой замечательной фирме.

Всесоюзная контора по организации и рационализации районных электростанций и сетей была создана в прошлом веке – 21 апреля 1933г. Её работники пускали и налаживали наши первые эл/станции Березняки, Каширу и другие, когда выполнялся план ГОЭЛРО. Потом ОРГРЭС стал трестом и далее по заголовку. В интерпретации моей матушки ОРГРЭС расшифровывался иначе: организованный грабеж электростанций!

Конечно, мне не довелось работать с людьми, создававшими трест, но мои начальники и сослуживцы работали в нем еще до войны и в войну и после неё. Люди закаленные, повидавшие много чего в жизни. Отличные технари, немного даже колдуны в профессии. Их уже нет, но песню славы я им пропою! Как же забыть Петра Семеновича Гольденберга или Николая Ивановича Кузнецова? Ефима Семеновича Шампанского или Николая Ивановича Бирюкова? Бориса Михайловича Соколова или Ефима Давидовича Фингера? Да просто невозможно, как и многих других, кого я знала.

П.С. Гольденберг долго работал управляющим трестом, невысокий, тихий, очень вежливый человек. Но трест работал как часы у хорошего мастера! А ведь начинка треста - инженеры разного калибра от просто инженеров до бригадных, специалисты всех отраслей энергетики, по знаниям своим иногда превосходящие кандидатов, а может, и докторов технических наук. И у каждого свой характер и, простите, норы. А П.С. знал практически каждого, не только инженера, но и техника. Конечно, бывало всякое, разбор полетов всех мастей, загулов и прогулов, «художеств» в командировке. Я пишу о нем с «высоты» своего горизонта, м.б. кто-то совсем не такого о нем мнения, но это моё восприятие этого человека.

Кстати, так можно сказать обо всех, о ком пишу.

О Н.И. Кузнецове – начальнике котельного цеха, человеке, принявшего меня на работу. Как же ему не хотелось этого делать! У меня было направление на работу в ОРГРЭС, пришла в отдел кадров, а там сказали – в водно-химический «бабий» цех. Посидела, подумала и пошла искать знакомых котельщиков. Нашла, отвели меня в кабинет к Н.И. Помогли только настоятельные уговоры его зама Кима Шахсуварова и моя настырность. Было сказано: «Ну, ладно. Сделаем еще один эксперимент». Баба, да еще с дитем! (ну, это в моем изложении). Мне много чего было сказано: и романы не крутить, воду не мутить, и вообще, что, если хочешь здесь работать, замуж не собирайся. Ну, не так - в лоб, а смысл тот же. Надо сказать, что в цехе было мало женщин и работали они на газовом анализе, в конструкторской группе, керамической лаборатории. В пусковой и наладочной группах – одни мужики. До меня была одна дама-инженер, но я ее уже не застала. Так, в виде «второго эксперимента» я и была направлена в экспериментально-наладочную группу. Еще немного о Н.И. – классный инженер, суровый начальник, видел всех на три метра под землей, представительный красивый мужик, отзывчивый человек, но мог и наорать под горячую руку, а мог вызвать к себе в кабинетик и осушить слезы умными и ласковыми словами. Признаком его «грозного» настроения был перелет очков с носа на темя и обратно. Долгое время я его побаивалась, так как после каждой командировки мне устраивался экзамен-выволочка, сначала в присутствии моего группового начальства, а потом без него, но с неизменными техническими выводами и, стыдно признаться, прикладом мордой о стол. Аж если без слов постучит костяшками

пальцев о стол, значит все – дура ты и есть дура и разговаривать с тобой не о чем. Некоторые, вообще, выходили из кабинетика в предбанник и только через некоторое время, постояв у притолоки, могли двигаться дальше. Наша экономист-секретарь-цеховая язва Анна Ивановна даже отпаивала таких ошалелых валерьянкой. Бывало. Кто-то боялся, кто-то нет. Цеховые дамы, увидев меня после какого-то разноса, посоветовали: «А ты заплачь! Он слез не выносит, сразу кончает орать». Но у меня слезы далеко, не выжмешь когда надо, не пользовалась. А ведь все знали, что орет он совсем не от гнева, просто такой характер. Через несколько лет, в каком-то приватном разговоре, когда я вякнула о своей боязни, он сказал: Дура! Я ж тебя люблю. Вот такое признание. Еще о характере: когда на объект ехали П.С. в паре с Н.И., по связи сообщалось: Едут Петя и Волк! И все было ясно.

В группе приняли меня как должное пополнение «негров», это такая категория выпускников института, пришедших на практическую работу и ни чёрта в ней не понимающих. На них – неграх - была вся подсобная работа, замеры и записи приборов, об-счеты опытов и прочая и прочая. Пока не облазят оборудование и хоть что-то начнут понимать в процессах. Вот тогда, проведя несколько самостоятельных режимов, тебя будут считать хоть начинающим, но инженером. А сколько ты проведешь времени, будучи у всех на подхвате, зависело только от тебя самого. Нормальный порядок обучения инженерных недорослей. Зато какие классные получались ИНЖЕНЕРЫ! Я не преувеличиваю, ОРГРЭС считался мозговым центром Минэнерго, наши специалисты были везде и всегда востребованы. Многие из тех, с кем я работала, стали и профессорами и кандидатами тех.наук, руководящими кадрами в Министерстве. Лева Пугач и Слава Баранов преподают (преподавали?) в НСТУ, один – профессор, другой – доцент. Геннадий Яковлев, Ким Шахсуваров, Виктор Купченко назначались главными инженерами ОРГРЭСа, а Яковлев - начальником Главтехуправления Министерства. О других, очень многих, знаю, что ушли в науку, защитились. Многие уехали и успешно работали за рубежом. Это только котельщики, которых я хорошо знала. И так много по всем цехам. Сейчас от нашего ОРГРЭСА остались осколки. Хорошо сработала реформа Чубайса и его присных.

Если бы кто знал, как я была горда, что закончила институт и стала ИНЖЕНЕРОМ! Это я-то, из задрипанной котельной, с ломом или лопатой в руках, стала инженером! Для меня институтский значок на груди был тогда дороже орденов (а тогда значок на груди считался самым презируемым выпендрежом). Сейчас вспоминаю то время и думаю: как хватило сил у всех нас? Что Володя, что я, могли позволить себе батон за 13 коп. и бутылку молока или кефира за день. Мизерные стипендии плюс такие же - пенсия 3.Т (41 Руб. с копейками) и матушкина зарплата. А тут мне положили 100 рублей да 40% премии. Было от чего радоваться! Работать я пошла сразу после защиты диплома, Володя сдавал свои ГОСы позже меня. Его распределили в институт им.Бурденко, где он года 3 подрабатывал медбратом. И дали зарплату, помню точно, 72руб.50 коп. Когда он сравнил с моей, было сказано: «Дуракам - счастье!». К этому времени он уже женился и жил у тещи. А Катерина наша выровнялась, стала красивой высокой девицей и тоже собралась замуж. Мама тогда все смеялась: сами арбатские и половин себе набрали с Арбата. Но все наши браки были неудачными, один только Володя был женат еще раз и тоже - на арбатской!

Работа моя в ОРГРЭСе началась с командировки в г.Ставрополь –на Волге, потом его обозвали Тольятти. Старый Ставрополь затопили при строительстве Волжской плотины, часть города перенесли наверх и настроили типовых пятиэтажек, очень однообразно, отличить их можно было только по пивнушкам и лавочкам. Работали мы на Тольяттинской ТЭЦ, работа была не крупная, бригада – маленькая. В городе – стройки,

грязь, даже посреди мостовой можно было оставить сапог. С нами работал Ефим Семенович Шампанский, уникальный старик. Осень 1963 года и в Москве была полуголодная, а в Тольятти и подавно. Наше начальство, чтобы получить талоны на обед, обивало пороги у станционного. А обед – два куска черного хлеба, грамм сто синей колбасы и бутылка сидра. А если вдруг давали кашу – считай что праздник настал. Наш Шампанский радовался как ребенок, он был совсем непритворный, и то ворчал. Этот старик никогда не был женат, женщин обегал десятой дорогой, жил один в коммуналке в центре, одевался и летом и зимой в бумажные брюки в полосочку и ковбойку, обязательно – сапоги; летом на голове кепка, зимой – кошкина шапка и телогрейка. Но умница был невероятная, светлая голова. И уважаемый в ОРГРЭСе человек. Непонятно как, но ему было достаточно поглядеть на дым из трубы котла, постоять – подумать, и приходил с готовым решением. Надо сделать то-то и то-то, и хоть смейся, хоть плачь, а получалось так, как он сказал. Про него ходило много всяких баек, говорили, что в тяжкие времена отдавал свои накопления со сберкнижки на зарплату в трест; а когда готовились к пуску котлов, с объекта присылали начальству телеграмму: «Пускаем котел. Шлите Шампанского!». Короче, легендарная личность. Было очень интересно наблюдать, когда на блочном щите сходились старики и обсуждали ситуацию, прямо Ильф и Петров – сборище пикейных жилетов: лица важные, разговор – негромкий, но значительный и с вкраплением великого и могучего.

Командировка в Тольятти была для меня первой в составе бригады из ОРГРЭСа. Работали на Тольяттинской ТЭЦ, на котле только-только запущенном в эксплуатацию. ТЭЦ располагалась далеко за городом, автобус ходил по разбитому шоссе, вдоль которого по правой стороне располагались заводы. Слева было незастроенное место – видимо, там и был выстроен Автоваз (так я догадываюсь, больше там никогда не бывала). Как я уже писала, при строительстве плотины и создании нового города, старый Ставрополь был перенесен выше, наверху он так и назывался – Старый город. Квартиру для бригады дали в новом городе на центральной улице – ул. Ленина. Застроена она была пятиэтажными «хрущобами», расположенными очень однообразно. А так как уезжали мы рано утром, в темноте и приезжали тоже в темноте (осень была дождливая и темная), отличить свой «отсек» можно было только по какой-нибудь «Улыбке» или «Минутке».

Квартира была трехкомнатная, нас – 8-9 человек. Надо отметить, что такой планировки я больше нигде не встречала. Обычная маленькая кухня, маленькая прихожая. Потом большая комната с дверью в комнатку 5-6 метров. Сбоку коридорчик еще в одну – 10-11 метров. И все. А в бригаде все мужчины и я одна. Ну, выделили мне маленькую и втиснули там две кровати. Когда не хватало места и раскладушек для спанья ребятам, я принимала постояльца. И как-то это никого не смущало. Должна сказать, что с таким демократизмом, как в ОРГРЭСе, я до того нигде не сталкивалась, ни в рабочей обстановке, ни в жизни. О жизни той я уже написала, о работе – тоже. Но ведь кроме работы, было и еще много интересного в жизни.

Когда вначале, при организации работ на ТЭЦ, с нами жило начальство, уклад жизни соблюдался неукоснительно, ребята все-таки побаивались и не очень посещали всякие пивнушки и прочие места. Но потом... Об этом-то я и хочу рассказать. После отъезда рукамиводителей на их место поселили двух парней из Куйбышевэнерго. Один, Гоша, был заядлый яхтсмен, другой – типичный интеллигентный юноша. Ребята скромные, оба, кажется, женатые. Я не сказала, что квартира находилась на первом этаже, под окном большой комнаты был вход в подвал с покатою крышей (влезть в окно было сущей ерундой!). Работали мы в разное время, и на ночь почти никогда не закрывали входную дверь (во времена!!!). Кто приходил последним, тот и закрывал. Но однажды, не проверив все ли дома, дверь заперли. И среди ночи был переполох – когда я выскочила из

своей каморы, увидела такую картину: Витя (автоматчик, бывший моряк) носится по комнате кругами с утюгом в руке (шнур мотается за ним) с полузадушенным криком «Полундра!», а нем семейные трусы развеваются и на голове платок (для сохранения прически!), Володька корчится на кровати от хохота, а из коридорчика выглядывает курчавая обезьяна в сиреневых подштанниках – Шампанский. А у Витьки близорукость, чуть ли не восемь диоптрий, а он без очков! А в открытом окне фигура на четвереньках в длинном пальто – Гена и эта фигура каким-то сиплым голосом вопрошает: «Ребята, это вы?». Тут и мне стало плохо, села и тоже стала хохотать. Гена потом говорил, что он долго стучался, и решил влезть в окно. Но Витька так его напугал, что он в темноте решил – не туда влез! Витя наш был «героем» - пострадавшим от однообразия застройки. После вечерней работы с кем-то (не из наших) он зашел «улыбнуться» и на улыбался. В темноте нашел дом, вошел в квартиру, повесил плащ и снял в прихожей ботинки. В большой комнате стал раздеваться для сна (он всегда вешал пиджак и брюки на стул, был очень аккуратен). В это время открылась дверь в камору и на пороге появилась женщина в одной комбинации. Ну, Витька, как истинный моряк и джентльмен, руку ко лбу в виде салюта и произнес: «О! У нас гости?», и тут она завизжала. На визг выскочил здоровый мужик. Дальше было так: Витьку как щенка взяли в охапку, вынесли из подъезда и опустили на землю – в грязь. Одежда полетела следом. Как оделся – тайна. Вот очки так и не нашел. Пришел домой наощупь, оттирали и отмывали всей командой. Потом говорил: ребята, ну все там было как у нас! И кровати и стулья, все одинаково! И чем это не ирония судьбы, только без легкого пара?

В том же Тольятти на воде была плавучая пивнушка. И в один свободный вечер ребята пригласили меня пойти попить пивка. Я согласилась, тем более, что там продавали непознанное для меня чешское пиво, кажется, «Пльзень». Да, посидели хорошо! Но я же, знала только наше «Жигулевское» и для моих неандертальских мозгов чехи сварили слишком крепкий напиток. Как я спускалась по тем крутым теплоходным лесенкам - сказать мне трудно, видимо, за кого-то уцепилась. Потом мы где-то гуляли и оказались на обрыве над водой. А так как природа была нецивилизованной, в темноте для сиденья нашли какие-то то ли бревна, то ли просто шпалы. Вид с высоты был сказочный: вокруг темень, а далеко внизу на воде жизнь в полном разгаре, ползают огоньки, какие-то суденышки и прочая и прочая. А надо заметить, что для такого важного мероприятия все оделись очень прилично и ребята даже побрились, ну и я в том числе: светлый костюм и туфли на высоких каблуках. Когда выбрались на трассу к автобусу, было уже поздно, народа мало и никто ничего нам не сказал о нашем виде. А вот дома.... Не только брюки и моя юбка, а у кого-то и пиджаки оказались то ли в мазуте, то ли в варе. Попы отпечатались основательно. А про туфельки мои и речи не было - белые стали черными. Утром все наше одеяние было отнесено в далекую помойку. Погуляли, называется. Да, когда я увидела днем высоту обрыва, где мы прохлаждались, стало крайне неприятно, хотя вестибулярка моя всегда находилась в отличной форме. Потом у меня пошли командировка за командировкой: Минск, Суворов, Днепропетровск, Днепро-дзержинск, Херсон, Ворошиловоград, Харьков, Воркута, Новочеркасск и много еще городков и поселков.

С ОРГРЭСОМ связано у меня почти 30 лет работы и 50 лет жизни, ведь и после выхода на пенсию наша связь не прервалась. Большинство времени я провела в командировках на тепловых электростанциях СССР. Работала вначале просто инженером, затем старшим и бригадным. До сих пор у меня твердое убеждение, что это было мое место и мое время. Трудно – да, интересно – да, непонятно – да. Не буду вдаваться в технические дебри котельщика - теплотехника, но занималась на котлах я технологией приготовления твердого топлива для сжигания в топке, горелками, процессом горения. Короче, всем, что происходит с углем до котла, в топке котла и в шахте уходящих газов. Все

мои «старания» направлялись на уменьшение расхода угля и повышение КПД котла. С техникой я ладила хорошо, с ребятами, особенно подчиненными, когда как. Работа тяжёлая, нервы есть у всех, да ещё начальник - баба. Но старались мы не ругаться, не подставлять друг друга.

Измерительные приборы наши сейчас назвали бы анахронизмом, самоделки оргрэсовские, вроде U-образников и подобных «изобретений». Как говорят, голь на выдумку хитра, так и наше Депо приборов изобретало всякие поделки, с их помощью делались многие замеры и отборы проб пыли и газов. Не одни мы были нищие в этом отношении, просто были первыми. Ведь когда начали сдавать в эксплуатацию первые блоки мощностью 150, 200 и 300 МВт (1957-1963 годы) компьютеров на горизонте даже не было. Расчёты (а это настоящие простыни) велись с помощью давнего изобретения - логарифмической линейки и счетами, их сейчас увидишь лишь в краеведческом музее. А ещё был гремучий арифмометр, мечта каждого бухгалтера, но на нем-то корней не возьмешь и в степень не возведешь!

После Тольятти началась моя долгая эпопея работы в Черепети на угольных котлах ТПП-110 и П-50блоков 300 МВт. Город Суворов – моногородок при Черепетской ГРЭС, в Тульской области, 3-4 магазина, баня, больница, Дворец культуры, пара столовок, гостиница и, естественно, милиция. Вот и все достопримечательности. Тогда – дома двух и трехэтажные, в городке чисто, асфальт, много зелени. Были ли еще какие-то предприятия – не помню. Станция поименована по речке Черепеть (ничего не напоминает?) Там наша комплексная бригада занимала квартиры в жилом доме, был целый подъезд, часть народа – в гостинице. «Дамам» была выделена двухкомнатная квартира на 7-8 человек. Работали на первом блоке большой комплексной бригадой, до 60 человек, специальности всякие, по всему станционному оборудованию. Время работы неограниченное – в зависимости от режимов, кто днем, кто – ночью или вечерами. Но в выходные собирались по интересам по разным квартирам, устраивали танцы-шманцы, были гитары, пели, устраивали столы со всякой сборной едой - у кого чего есть, то и несли. Обязательно отмечались дни рождений, привальные и отальные. Было много молодежи, влюблялись, романились. Летом уезжали по грибы, там вокруг тогда были замечательные леса.

Снабжение было приличное, богатый рынок по выходным, когда приезжали крестьяне из округи. Товар они привозили на телегах, было много всякой экзотики для нас-москвичей, вроде печных горшков, глиняных кринок, игрушек и многого, чего мы никогда в Москве не видали. Места это тульские, очень богатые на яблоки. Оттуда я их таскала в Москву пудами. Сначала ездили туда до Тулы поездом и автобусом до г.Суворова, потом пустили электричку до Калуги, стало удобней. Там я проработала почти 10 лет.

Эта станция была первой из типовых, на ней отработывали оборудование, потом уже переносили опыт на другие с таким же оборудованием. Черепетская ГРЭС - из самых несчастливых, много было всяких неполадок и даже крупных аварий. «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о наладке Черепети» - продукт оргрэсовских стихоплетов в подражание Шекспиру с длинным продолжением. Из «черепетских страданий» помнится очень жалостливая: наш котел - прямоточенький, черный дым над трубой. Попеть над режимами нам придется с тобой. Ой, ты мельница, мельница уголек размолли, ты печаль мою, мельница, О броню расколи! Пережгли к черту ширму мы и бригадный орал, нам с тобою полпремии Гольденберг недодал. Ой. Ты мельница И так на полчаса заунывного пения. (Ширма – высокотемпературный пароперегреватель высокого давления внутри топки). Гимном бригады была песня Высоцкого «Сегодня в нашей комплексной бригаде», написанная как будто для нас.

Долгое время я жила в гостинице, то еще обиталище! «Где койка по рублю у самого окна!» Один душ в подвале с разбитой форточкой стоит целого монолога, помнится по сию пору. Идем мыться после работы, а нас уже ждут с той стороны – смотреть на девок и баб в эту большую разбитую всегда форточку! Ты черная, как шахтер, все свербит, а тут нет тебе спасения от жаждущей молодежи! Плунешь в их сторону, смотрите, гады! Но... при гостинице, в том же подвале, была столовая на четыре столика – там можно было вечером слопать стакан сметаны и какой-нибудь салатик или, при хорошем настроении повара, яичницу. Это был очень большой стимул для проживания именно там. И там был ТЕЛЕФОН!

Во Дворце культуры я обнаружила замечательную библиотеку, часть книг была из нескольких старых частных собраний, даже попадались раритеты. За долгие годы работы в г.Суворове я перечитала там все, что смогла. И ещё, при ГРЭС была очень достойная рабочая столовая, те лангеты и эскалопы помнит мой сын, два или три лета я брала его с собой. Летом, после дневной смены, любители грибов садились в рейсовый Пазик, идущий на Митин завод (какое вкусное название!) и ехали за грибами. Их было много, леса были замечательные, грибы набирали рюкзаками и жарили на костре огромными сковородами на все «колхозы». Часто я уходила в лес одна, хотелось побыть в лесной тишине, было у меня одно далекое местечко - чистая березовая роща, где можно было лечь на траву, сунуться носом в траву, отлежаться и отдышаться запахом земли, молодой травы и прочей благодатью. А места были замечательные, наша русская природа. На меня накатывала такая сентиментальность от этой красоты, что настроение поднималось и хотелось существовать дальше, плюнув на все свои всяческие неудачи. Много было у меня связано с этой ГРЭС - и удачи в работе и неудачи, комическое и трагическое.

На котлах объектом приложения моего ума и интуиции была топка - наладить процесс горения в ней надо было так, чтобы достичь расчетных температур на поверхностях котла. Немного о котлах - это не кастрюля на плите, а сооружение-монстр из километров металлических труб, расположенных со всяческими конструкторскими вывертами в виде огромного высокого прямоугольника, внутри которого и находится топка с горелками. Топка заканчивается перегибом в шахту уходящих газов, также начиненную всякими теплоснимающими поверхностями. В перегибе находится самая ответственная в конечной стадии перегрева пара поверхность – ширмовый пароперегреватель (ширма). Выходные параметры пара – 575градусов по Цельсию и 310 атмосфер.

Осень 1968 или 69 года. Костровой – Слава Баранов

Так что, с чайником не сравнишь. Высота подобного сооружения – от 60 метров и выше, вдоль фасада – тоже набегаешься вдосталь. В нашу обязанность входило наладить работу оборудования с наибольшим КПД и, естественно, с наименьшим расходом топ-

лива на 1КВт/час энергии. Ну, а это уж – как получалось!

Иногда бились за результат подолгу, наконец-то получилось, так вот вам, милые, большая фига – уголь с данными характеристиками в одном карьере закончился и пошел с другого карьера, даже не близкий по составу. А иногда – колотишься-колоотишься, а в результате – либо полный ноль, либо и того хуже – устроишь нечто вроде непредвиденной аварии, где даже мозги начальника смены, тщательно следившего за твоими пальчиками, не смогли бы сработать! Конечно, хорошо бывало, когда над тобой в такой ситуации большой оргрэсовский начальник, но когда отдуваешься в одиночку... Но селява - она такая селява, как говорят французы. Короче, в моей производственной жизни бывало всё – и взлеты и падения, и тихие благодарности и громкие разносы, и признание моего умения и отрицание такового. После одной очень крупной неудачи вроде бы во всем рассчитанного режима, когда была сожжена большая поверхность труб, я в грязном рабочем снаряжении села в поезд и уехала в Москву, где пролежала на своем диване носом к стенке несколько дней. Валялась в полной прострации и все переживала – как же так получилось, ведь я же чувствовала весь процесс кончиками пальцев, ведь сама же была этим горением! Мама поняла, что все неладно и позвонила Кузнецу. В этот же день он приехал с начальником группы. И тогда я услышала очень знаменательную фразу: Отрицательный результат – это тоже результат! Конечно, это все так, но не до такой же степени!

Было всё. Но моя память штука лукавая – она хочет запоминать только то, что греет душу.

На производственную тему написано полсотни отчетов, а о жизни - только воспоминания. Однажды с проверкой к нам внезапно нагрянуло наше начальство, никто их не ждал и никто нас не предупредил. Но - счастливый случай - у нас была очень активная работа, парились с опытами, у нас все ладилось, и с этой стороны все было в ажуре. А вот чем начальство кормить вечером - вопрос серьезный, как-то было у всех пусто. Короче: куда-то ребята съездили подальше, свернули голову двум гусям (!), по дороге их ошкурили и был вечером пир горой. Никому ничего не было сказано. Но, где-то года через три, до нашего Кузнеца дошло, уж кто проговорился - не знаю, но со мной был серьезный разговор, что «хотя гуси и были отменные, но чтобы подобное не повторялось!». Ну, прямо Макаренко оргрэсовский! А я, что, мать-игуменья над мужиками, которым жрать хочется? Тогда уже стало хуже со снабжением, приходилось возить с собой, а попробуй заставь мужика везти крупу или масло или еще что! Для дома я привезла оттуда умение готовить божественную яичницу на сале с помидорами и мариновать грибы всех пород и сортов. В бригаде с нами работал Слава Баранов, которого я хорошо знала по Назаровке. Как он знал грибы и умел их приготовить! Мало того, в обычные грибы при жарке добавлял еще какие-то экзотические, вроде чесночного маленького грибка, и жареха получала необыкновенный вкус. Презренные валуи в его засолке - да ничего лучше из грибов я не пробовала!

Продолжительные работы котельный цех ОРГРЭС вел на Приднепровской ГРЭС (под Днепропетровском), на Змиевской ГРЭС (под Харьковом), на Новочеркасской ГРЭС, они никому не интересны, в том числе уже и мне самой, хотя долго там проработала. Поговорим о жизненном. Приднепровка помнится запахом белой акации под окном, купанием в Днепре, базаром с ягодами и фруктами, вечерней сметаной в стакане и вареным легким в столовой. Туда приезжала летом мама с чадами и домочадцами, бывал и Володя. Снимала им комнату, они отдыхали очень хорошо. Андрей жил у меня в гостинице, наслаждался стационарной столовой, где вкусно готовили, и купался до посинения. Про фрукты можно и не напоминать, абрикосы долго ненавидел после тех поездок.

Из тех времен: Володя очень просил показать ему ГРЭС, повела, показала самые что ни на есть «чистые» места – блочный щит, девятую отметку с горелками и дутьевыми вентиляторами, машзал, т.е. по злачным и, моим рабочим местам, я его водить не рискнула. И даже после самой невинной и недолгой проходки по станции брат взял меня за руку и прошипел: Пошли отсюда! Вот так и припомнилось его – дуракам счастье!

«Краткосрочный визит» мой на Ворошиловоградскую ГРЭС запомнился надолго по причине получения необычного душевного удовольствия: приехала поздно вечером, дали койку в каком-то общежитии, в комнате никто не жил. Открыла окно, за окном - украинская ночь, теплая и очень темная, описывать не буду, все читали у классиков. Тишина и всяческое благорастворение воздушных масс. После дурной дороги хотелось покоя. И вот в этой ночной благодати вдруг скрипка - Сен-Санс! Моё любимое! «Рондо-капричиозо!» Не помню, стояла или сидела, но слезу пустила, ждала продолжения, но... И опять тишина. Может быть, у кого-то было такое же состояние и мы совпали. И тогда и сейчас говорю: «Спасибо, друг!». Такое блаженное воспоминание! А вот на Змиевской ГРЭС - зрительное: зима, над окном гостиницы сильный фонарь, идет снег, ветра нет. Тихое равномерное опадание снежинок под фонарем - лучше всяких успокоительных. Тоже - запомнилось. И запомнилось еще – ежевечернее поедание консервов «Камбала в томате» с запиванием томатным же соком. Что-то там не складывалось с вечерней едой. Там же свелось знакомство с главным инженером станции, жившим рядом в гостинице и так же страдавшим по вечерам от голодухи. Впоследствии он стал начальником Главтехуправления Минэнерго и стал вызывать меня на работу туда.

А вот командировка на Новочеркасскую ГРЭС нам всем далась непросто: работа была тяжелой, дикая жара на улице, жара на котле. Гостиница и телефон далеко, пока днем дойдешь - обгоришь, спрятаться в тень негде, голая степь. В лесополосу не зайдешь - заср...но и дух жуткий от жары. Вдобавок и жрать нечего, в столовке либо гороховый суп, либо щи на сала и шедевр поварского искусства - бифштексы из хлеба и сала, которые разваливаются, не дойдя до тарелки. А вечером пустой кипяток и хлеб, обмакиваемый в сахарный песок. Вот хлеб был вкусный, замечательный! После смены ходили длинной дорогой вдоль водоотводного канала, ведь по пути можно было залезть в теплую воду и хоть немного отсидеться и охладиться. В Москву приехали черные, обгорелые, некоторые с волдырями даже на ногах. Вот, скажете, всё она о жратве и о жратве. А у меня до сих пор недоумение: ну почему, даже в таких благословенных богом местах жрать было нечего? Я ещё бы поняла - голодающее Поволжье (Тольятти!), где люди бегут с сеанса кино, если в магазине «выкинули» какое-то пропитание, но тут-то? Местные как-то выживали за счет своих огородиков, а вот нам, неместным, приходилось туго. Не забуду, как после Тольяттинского сидения, в Куйбышеве на вокзале купила в коммерческом киоске полудохлого жареного цыпленка по цене золота. И, стыдно сказать, моментально сжевала его втихомолку на второй полке, даже косточек не осталось. На Мироновскую ГРЭС в Донбассе меня занесло из-за остановки моих котлов на Черепети. Приехала с надеждой поскорей наладить режимы и уехать. Представилась директору, и ночью вышла на блок. Директор дал карт-бланш, предупредил смену и ребята мне не мешали, стояли за спиной. И тут раздался вопрос: А что это вы тут делаете? Ответила, что кручу ручки. В ответ получила, что здесь мне разрешается крутить только шарики. И тогда меня понесло, как Паниковского – заорала – А ты-то кто такой? Ну, не до него было, честное слово! Оказался – главный инженер. И чего его ночью-то принесло! Потом отношения как-то наладились, приехали ребята из ЦКТИ, немного его укротили и работу свою я выполнила нормально.

И ещё о жратве: в Мироновке на базаре покупали огромные помидоры, в большом тазу делали салат с душистым маслом, хлеб там продавался большими караваемы, такой

пушистый. Говорили, что такой хлеб когда-то пекли в Саратове, круглые большие караваи, на него можно было сесть, а он все равно распрямлялся. Представляете, четверо человек вокруг большого бельевого таза с салатом, хлеб обмакивали в масле, ложками работают, и это все в молчании. Самое вкусное - сок от салата - разыгрывали на спичках - кому? В Мироновке довелось мне в небольшой компании поездить по злачным виноградным и винным местам. Вот там я попробовала много всяких донских вин и лучшее, что я когда-нибудь пила – Шато Икем. Не французское, того – не довелось.

А вот Вологда - это был пироговый рай! Тогда существовал магазинчик, маленький, на прилавках - лотки с пирожками, маленькими, аккуратными. И все с разными начинками, самыми разнообразными. Цена - копеечная, набирали по сотням, хранили на морозе, а разогревали в духовке. Впечатление - только-только испеченные. А на базаре можно было купить пироги с рыбой. Хранились они у торговцев в огромных ларях, предлагали на выбор - какая рыба, какой размер и т.д. Скажешь, какой пирог тебе нужен, продавщица нырнет с головой в этот ларь, а перед тобой полная картина с роскошной задницей на первом плане. Но пироги были великолепны. И еще – когда возвращалась, в поезде попутчик подарил копченого сига, вкуснотель необычайная! А ещё там продавалась рыбка - трещочка, небольшая специфическая треска, душистая и сладкая. Вот такие воспоминания « о пожрать» пришли в мою бессонную голову. Воркута осталась в памяти сильными морозами с ветром, дует тебе в корму и несет тебя от автобуса как пушинку без направления. Ноги, руки заколеют, пока ключи всунешь в замок - намучаешься. Жила я там в каком-то помещении, рядом с шахтой «Комсомольская». Когда Кузнецов посылал меня туда, читал нотации: Смотри! Там зеки! А первые впечатления были в автобусе, когда мне уступили место, как я только вошла, со словами «Садитесь, пожалуйста!» Меня это сильно удивило и тронуло, я же была далеко не старуха. Люди там какие-то другие, не такие как в Москве. Ну, наверное, и в остальных местах так же. В какой-то поездке на автобусе, на ж-д переезде, увидела надпись, звучащую как «Вытчись поездысь! « написано русскими буквами. Поняла, что это значит «Берегись поезда», но само звучание! Плохо было мне, ой как плохо! от хохота! Сделала я там все, что надо и уехала. А следом телеграмма с просьбой прислать инженера Ярцеву для проведения каких-то там очередных работ. Тут Кузнецов не выдержал, выволочка была изрядная, а мне доложили – Инка, да он тебя просто рвнует! Ну, тогда – понятно.

Одна командировка далась мне большими нервами – в Могилеве на ТЭЦ Лавсанстроя. Работа была обычная – ругачка с монтажниками, умение слезть с высоты, куда забралась в порыве рабочего ража и т.д. Все началось с невинного вопроса на аэродроме – почему так много вокруг песка? Объяснили спокойно и просто: аэродром построен на месте бывшего концлагеря для советских военнопленных. Так было спокойно и свободно сказано. А мне стало тихо нехорошо, ведь кто-то т.Зине сказал, что Юру видели именно в этом лагере. Потом я как-то не доезжала до этих мест и только уже перед отъездом мне показали братские могилы. Вот представьте себе – длинная широкая дорожка, по бокам братские могилы без всяких надписей. И так – на протяжении взгляда. Ушла я, села под какое-то дерево и нарыдалась всласть. Больно до сих пор. Ну, и хватит о работе. А она, как поет Окуджава, - «работа есть всегда. Хватило б только пота на все мои года! «, пота хватило, мозгов - не очень.

Работа в Болгарии. ТЭЦ «Марица – Исток».

В 1978 году я «удостоилась чести» работать на болгарской ТЭЦ «Марица-Исток-3»: пускала и налаживала блоки 150 МВт на болгарском лигните, проработала там 4 года.

Первое впечатление от Софии: встретили, привезли к советнику в посольство, чего-то

оформляли, выдали болгарские леи и поместили в квартиру для сов.специалистов. Я была не одна, с дамой из ОРГРЭСа. Бросили вещи и отправились на экскурсию по Софии. Дело было в конце мая, теплынь, все зелено и необычно. Первое, что бросилось в глаза – чистота и ухоженность, необычная для нас архитектура домов. А второе – вывески, конечно, и витрины. На втором же перекрестке наткнулись на палаточку с надписью «Тъплы пуканки», сначала - хохот, потом разобрались – кукуруза! Добила нас вывеска на большом магазине – «Завеси - Пердеты». После осмотра главной улицы Витоши купили по большому пакету свежей клубники и где-то в сквере уединились и полакомились. Это был первый день в Болгарии.

ТЭЦ находится недалеко от Старой Загоры, на автобусе больше часа езды. Специалисты жили там и в Гълъбово, где жило большинство эксплуатационников, намного ближе к ТЭЦ. Сама станция расположена в долине, как бы посреди огромной сковородки, бортами которой служат горы. В этой долине климат совершенно отличен от остальной местности - всегда намного жарче. Нам с той дамой дали двухкомнатную квартиру на 15 этаже в Ст.Загоре. Лифт работал, вода была. Полная цивилизация. Но через некоторое время землю решило потрясти, ощущение далеко не из самых приятных, мы же не привыкли, когда ездят столы и стулья, ощущение неприятное да с 15 этаже в миг не выскочишь. Вдобавок график моей работы не совпадал с графиком всей бригады, что решило мой переезд в Гълъбово.

В советской бригаде было много монтажников, пускатей и наладчиков. Встретили нас достаточно благожелательно – как же, дамы приехали! По своей привычке я пошла обнюхивать оборудование, дали мне вполне приличную робу и каску. Помню, что целый день лазила, все для меня оказалось новым. Для меня и котел был новым и топливо непривычное. На следующее утро меня вызвал начальник бригады. Разговор был такой: «И.В, я вас попрошу к котлу не подходить! Не женское это дело». Рухнуть от смеха – я

не рухнула, но челюсть повесила, просто такого я не ожидала! Наш котельщик из ОРГРЭСа, к которому я приехала, тоже не успел открыть рот. Выручил главный инженер станции, болгарин, который меня хорошо знал по Черепети. Он моему начальству всё и просто объяснил на хорошем русском языке. После ко мне начальство относилось с небольшой опаской, не очень гнобило и надзидало. Мне повезло в том, что меня знало эксплуатационное начальство, они проходили стажировку на блоках в Черепети и были знакомы с моими методами работы.

Проверка записей с начальником смены. Машзал

Работала с энергетиками из Софии и Старой Загоры, с кем-то ладила, с кем-то – не очень. Было довольно трудно объяснить болгарским мужикам, что женщина – тоже человек. Вот такой у них менталитет. Иногда со сменным персоналом дело доходило до крутых разборок с держанием за галстук или бороду (образно), дипломатическое поведение окончилось довольно быстро. Мирились, спорили, ругались, но работали. Пустили четыре блока, показатели – средние, топливо плохое, а мазута мало. Но 600 МВт дали и получили ордена от товарища Живкова. Меня единственную в бригаде удостоили Золотым орденом труда, считай - почти готовая Гертруда. Житье в Гъльбово отличалось почти полным отсутствием воды в домах, если на первых двух этажах она ночью ещё капает, то выше – её нет совсем. В магазинах - вечером пустота, столовая - уже закрыта. Еда – только в столовой на станции. Такое житье мне надоело очень скоро, и все запреты начальства сидеть по домам послала по известным адресам, по выходным садилась в автобус или поезд и уезжала в другие города за продуктами. Нам не разрешалось отлучаться с места жительства, начальство считало по головам, ходили по квартирам, проверяли. Кто-то боялся, кто-то посылал ко всем чертям. Через пару лет, когда работа стала более штатной, я переехала в Ст.Загору.

На работу нас возил прикрепленный автобус, вставали рано, в пять часов, до восьми часов надо было позавтракать в станционной столовой. Уставала, особенно в жару. Казалось, что на котле прохладнее, чем снаружи. Вначале, после первого же жаркого лета, я собралась рвануть оттуда, уже собрала чемодан. Советник в Софии отговорил, мол, притерпеться можно и не отпустил. Притерпелась, но пила всякие травки и «сиропы», помогали.

Мне жизнь там понравилась тем, что эмоции все открыты, все достаточно просто, люди общительны, доброжелательны. Квартиру можно было не запирать, воровства не было. Бывало даже так: в выходной идешь в Hale (рынок), по пути купишь сумку, поставишь её на скамейку в скверике, при возвращении – заберешь. Для меня такое – чудеса и не менее. Соседи по дому – болгары часто угощали всякой всячиной, я – тоже старалась отдариваться: борщом, своим Наполеоном, своей кислой капустой и прочими русскими чудесами. Дом, в котором я жила, стоял на склоне горы, рядом, с высоты был проложен водопровод, раньше это был ручей, потом его укрыли в трубу. Вода в нем была всегда ледяная, ломало зубы. По этому ручью район назывался «Три чучуры». Летом около домов организовывался маленький базарчик с овощами и фруктами.

Борьба за правильное горение! Задник котла

Самым вкусным лакомством была смоква, это спелый инжир, такой нежный и сочный,

что перевозить его было нельзя. А про виноград и прочие вкусности – что говорить, болгары на них очень богаты. Рядом располагалась сладкарница, это нечто среднее между магазинчиком и кафе. Там иногда по утрам покупали айран и банницу, ели уже в автобусе. Интересно, что торговля начиналась ещё до света, но и заканчивали рано, в 5 или 6 часов, так что, когда с приезжаешь с работы, в магазин уже не попадаешь.

У меня было много поездок в Софию в институт, с которым мы работали. Там культура была уже столичная, много больших магазинов. Фирменные магазины напоминали мне рассказы т.Зины: в мясном висит туша, мясник спрашивает – откуда отрезать, как у нас до революции. Колбасные магазины тогда превосходили по ассортименту наши нынешние, для меня такая роскошь была в диковинку, ведь в Москве разблюдовочка была крайне ограничена – вареная и полукопченая, да и та не всегда.

Несколько раз нам предоставляли на 2-3 дня базу отдыха в Ахтополе, маленьком городке на море. Возили на пограничную заставу к турецкой границе, на Шипку, были экскурсии по монастырям, в Габрово, Пловдив, Казанлык и ещё много куда. Давали автобус для поездки за шмотками, ездили семьями с детьми. Интересная особенность: никаких грибов, кроме покупных шампиньонов, в пищу мои знакомые болгары не употребляли. А когда мы собирали и жарили лесные грибы, качали головами и твердили: Отрова! Но, когда бригада принималась за еду, садились и ели вместе с нами, хвалили. Со мной сделали какую-то передачу, где я на фоне ГРЭС что рассказывала, почему-то при этом сильно размахивая руками. Соседи с воплем прибежали за мной и кусок того ужаса я увидела. Выглядела я более чем просто душой! Ужасно!!! После этого я убежала от всех журналистов и фотографов. Много раз нас приглашали на всякие торжественные мероприятия, и даже практиковалось приглашение на выходные в семьи. Принимали ото всей души, но все такое не наше, непривычное, даже еда, особенно где-нибудь в селе. А ездить с жильем и ночевками приходилось, это была обязателька.

Всякое-разное о командировках, знакомствах и всяческие приключения, с ними связанные.

Командировок у меня было много, моталась по разным местам Союза, от севера до юга и обратно. Когда – с бригадой, когда – одна. Транспорт был разный, если далеко – то самолет, если на юг – поезд, если близко – то электричка с пересадками в автобусы всех калибров. Вспоминаются в основном, встречи в поездах, все-таки дорога располагает ко всяким разговорам и встречам, крайне необычным и запоминающимся. И всякие случаи, приятные и не очень.

Из не самых неприятных: ехали три котельщицы на речку Днепр, в самое хорошее время года - начало лета - с надеждами покататься в ещё неотравленных водах гоголевской реки и позагорать на чистом песочке. В купе стоял треск и щебет очень довольных командировкой дам. Четвертым в купе был довольно необщительный субъект, которому мы действовали на нервы. Но наши дамы на чужие нервы крепкие, в разговорах не очень стеснительные. В текст пошли события и служебные и семейные, все дамы немного глуховатые от специфики работы, поэтому разговор получился довольно громкий, да и стук колес мешал. И наш сосед слышал все наши секреты: и куда едем, и наши имена запомнил. На том бы все и кончилось. Но через какое-то время, придя на почту за письмами, я получила серьезную выволочку от заведующей: Как же так! Вы знакомитесь, а адреса не даете! И вас надо с собаками разыскивать по всей Украине! И дает мне письмо с таким адресом Днепропетровск Интерне. В первый момент я возмутилась – это не мне! А мне ответили: у нас другой Интерны нету! Во как работала советская почта! Прочитала я письмо и прослезилась: пишет мне не кто-нибудь, а наш

сосед по купе, да и звать его не как-нибудь, а АТЕЛЛА! Куда там Вильяму Шекспиру! Да еще в письме слезное признание в горячей любви! И я кончилась там же, в почтовом отделении. Все, кранты, слезай – приехали. Дамы же мои от хохота заходились до истерики, потом признались, что такого бы случая не упустили и довели бы дело до свидания и прочего. А вот настоящего Вильяма (но не Шекспира!!!) я тоже повстречала на каком-то симпозиуме в Академгородке в Новосибирске. Но это был наш, сибирский Вильям в широких разношенных валенках и каких-то необъятных портках. Сидели рядом, жили в соседних номерах и надоел он мне разговорами и запахом до икотки. Но пару дней деваться было некуда и терпела. Ну почему герои с такими экзотическими именами оказываются такими горячими мужчинами, что через час знакомства (приставания) их тянет на горячие признания? До сих пор не понимаю.

Из довольно неприятных: направили меня в местечко Сольцы, это недалеко от Новгорода, где установили маленький котелок, пробыла там очень недолго. Дело было в апреле, погода стояла теплая и оделась я согласно прогнозам, довольно легко: в куртке на рыбьем меху и какой-то легкой обуви. Все было ничего, но в день отъезда резко похолодало. В автобусе до Новгорода было тепло, сидела в этом ЛИАЗе на заднем теплом сиденье, а вот в городе стало мне совсем худо. Вокзал помнится большой и страшно промерзлый какой-то, и скрыться от холода некуда. Дело было поздно вечером, буфета не было, даже чаем не согреться. Пошла по привокзальным окрестностям, очень хотелось есть и согреться. Но все уже было закрыто. Даже мечталось о бутылке бормотухи, но и та оказалась недостижима. Короче, к подаче состава я уже настолько замерзла, что стучала зубами. Вагон был купейный, но...промерзший хуже каменного вокзала, а проводница сразу заявила: Чая не будет! Выданное белье не только холодное, но и мокрое. Села я на голый матрац, закрылась одеялом и опять стала стучать зубами. В купе расположились ещё двое мужиков, сразу пооткрывали бутылки и принялись ужинать. Через пару часов зубовного стука я решила попросить у них глоток водки или чего они там пили. Оказалось, пили они чистый спирт, а запивали пивом. Сжалились они надо мной, налили на доньшко, а вот запивать пивом я не решила и пошла к титану за водой. Но там мне дали отлуп с припевом насчет интеллигентности и прочего, что пришлось все-таки запивать пивом. До туалета дойти не сообразила. Ну, многие знают, как пить такой спирт, а я, элемент непьющий, не знала. Похватила ртом воздух, выпила глотка четыре пива. Успокоилась, тихо как-то согрелась и заснула в своей полной амуниции. Ночью проснулась и поняла – а я ведь пьяна вдребезги! Пить хотелось страшно, сообразила – в туалете-то вода есть наверняка, напилась. Обратю в купе шла как в той песне – левая, правая, где сторона? Кто бы объяснил, что нельзя разбавлять в желудке эту адову смесь? Короче, домой я заявила в самом непотребном виде, а начальник цеха ждал меня с утра. Матушка моя хитрить не умела, позвонила и все доложила как есть и сказала, пока не выспится – никуда не пойдет. А меня трясло еще несколько дней, так промерзла, что вопли Кузнеца насчет моего поведения, до меня не доходили.

Я прирожденный трезвенник, но жизнь приучила относиться к алконавтам по-божески, ведь приходилось работать со всякими людьми и сильнопьющими и не очень. Но несколько случаев, когда я оказывалась совсем «в дугу» все-таки были и этот был не первым. Знаете ли вы, как сибиряки лечат простуду? Да просто: трут черную редьку, отжимают сок, добавляют мед и водку – сколько пожелает организм. Смесь – та ещё! В Назарове, когда температура у меня зашкалила, напоили меня ребята вот такой смесью. Ночь я не помню, знаю, что была пьяна до ужаса, но утром температура была нормальная, а встать на ноги не могла от слабости. Вот такая лечёба! Ну, это бутылочную тему можно закрыть и вспомнить что-нибудь повеселее. А что ещё делать старой старухе в бессонную ночь, как не вспоминать?

Например, командировку в славную столицу Белоруссии город Минск на Минскую ТЭЦ (№ то ли два, то ли три, не помню). Хочу всех известить, что я человек интернациональный, соответственно имени. Мне все равно, какая национальность у человека, был бы этот человек человеком, а не подонком. В друзьях у меня были все: и русские и татары и евреи и украинцы (хотя тогда они тоже были русскими) и немцы и болгары и греки и югославы, всех – не перечислишь. Но после одного прискорбного случая с попутчиком-грузином, я перестала уважать таких горячих южан, особенно в возрасте, когда сильно играют гормоны (а у них они, кажется, играют лет до 80-ти).

А случай был такой: поезд Москва – куда-то на юг, проходит через Таганрог. А гнало меня на котельный завод на какое-то совещание. В купе – трое: старый грузин и молодой на нижних полках, я – молодая и красивая – на верхней. Ночью молодой решил наведаться ко мне на полку. Я сначала шипела и тихо материлась, но его отвага не ослабевала. Тогда я усилила голос, но старый спал (или притворялся?), не шелохнулся. А молодой, как та обезьяна, лезет на мою законную верхнюю полку. В конце концов молодого пришлось хорошенько пнуть и сбросить вниз. При этом он грохнулся на старого и что тут поднялось!!! Вой, стон, ругательства по-грузински и по-русски. И я же оказалась шлюхой! Схватила свои вещи и выкинулась в коридор, где простояла до Таганрога на глазах изумленных пассажиров. С проводником ругалась чисто по-русски. А вот на выходе из вагона меня схватил за рукав молодой попутчик с криком: Дай адрес! Ну, я и дала – получил хорошую оплеуху на виду у милиционера. Тот подошел и «обожатель» быстро убрался в вагон. А я была, как та рассвирепевшая помойная кошка, у которой из-под носа утащили лакомый кусок! И вид соответствовал. Такая я прибыла на завод со своей сногшибательной речью, которую и произнесла с трибуны в соответствующем тоне. И были и фураж и фурор и фужер, все – в одном флаконе, как теперь говорят. И как сказал классик, слух обо мне прошел по всей России: ну и стерва!

Но вернусь я к поездке в Минск. Билет был по брони, в шибко хорошем вагоне. Поезд тронулся, купе было пустое. Обрадовалась я, хоть выплусь. Но минут через 20-30 дверь открылась и я про себя охнула: вплыл какой-то южный в шляпе и весь в габардине. Вот тебе на – радость-то какая великая! Шипы я сразу выпустила и показала. Тут тебе не было верхней полки и не было старого, которого можно было травмировать молодым. И деваться-то было некуда. Поезд ночной, утром надо явиться в Белэнерго и сразу на ТЭЦ. Надо спать. А неприятно – тип какой-то уж больно южный и, главное, важный. Улеглась носом к двери, открыла её и сказала – не закрывать! Среди ночи проснулась, смотрю: у него горит ночник, а он полулежит и меня разглядывает. Обозлилась, высказала ему, что у меня на душе и решила – пошел к черту! Буду спать, уже ученая, знаю, чем это для меня кончается – избыточным адреналином - удила порву! А утром был очень вежливый разговор: куда, зачем, почему и т.д. Мне скрывать нечего, ответила что могла. На вопрос «забронирована ли мне гостиница» ответила, что меня устроят. А когда Кузнецов меня отправлял, сказал, что гостиница находится близко к вокзалу и, если что, то можно устроиться там. Так что, я примерно представляла диспозицию. Разговор завязался с попутчиком интересный, он представился (имени его называть не буду). На столике появилась довольно занимательная книжечка о дореволюционном прошлом Сталина. Ну, а мне эта тема, что красная тряпка для быка на кориде.

Подъезжая к Минску, попутчик обратил моё внимание домик за окном поезда: оказалось, что там проходил какой-то съезд РСДРП. Потом мне довольно твердым голосом было сказано: Вы от меня не скрывайтесь, я обеспечу Вам гостиницу. Вагон я не могла покинуть, так как дверь он прочно заткнул своей фигурой. Когда все пассажиры вышли, он двинулся вперед с моим лаковым чемоданчиком, в котором были все мои слу-

жебные бумаги. В башке мелькнуло – ну и вяпалась же ты! Из тамбура я наблюдала торжественную встречу моего попутчика толпой мужчин в велюровых шляпах и опять же в габардине. Чемоданчик мой поплыл в руках одного из них, а я растерялась до ужаса. Кто-то подхватил меня под ручку и повел. Я же струхнула не на шутку. У вокзала посадили в машину и повезли. Куда?- я его спросила. В гостиницу. Так она же здесь рядом! Привыкайте. В фойе гостиницы, сидя в кресле, я поняла: да, пустили Дуньку в Европу! Приятного было мало. Но подошел какой-то молодой и очень вежливо спросил: а у Вас паспорт есть? Дала паспорт. Через несколько минут принес пропуск и еще какие-то бумажки. Гостиница интуристского плана, шикарное оформление холла и прочие радости.

Номер оказался на каком-то зашифрованном этаже с милиционером при входе. Когда я разглядела бумажки, оказалось, что я из ЦК КПСС!!! Немного удивилась, но времени не было: надо было срочно ехать в Белэнерго и на ТЭЦ. Оделась по-рабочему, в сапоги и рабочую куртку (довольно страшенькую) и умотала. Был апрель и на стройке была грязь непролазная. Возвратилась к вечеру вся в грязи и в коридорчике увидела попутчика. Он удивился моему виду и спросил: а Вы откуда? Оттуда. И там такие условия? Оказалось, он ждал меня давно, у него была просьба: И.В. я Вас прошу быть хозяйкой на приеме у меня в номере. Будут важные гости, все заказано в ресторане, но мне хотелось бы там видеть и Вас. Я, конечно, удивилась, но просьба была настоятельная. Результатом моего присутствия было знакомство со всем партийным начальством Минска и придание моей особе персональной машины для отвоза и привоза. Это вам не хухры – мухры! Потом началась трудная работа, и времени общаться с этим товарищем у меня не было. Вскоре он уехал, но вежливо попрощался запиской.

Неприятности начались с приездом моего начальника. Приехал вечером, селить его не хотели – не тот кадр. Пришлось вступиться мне через свою дежурную, поселили его куда-то под небеса. А вот утром... Вышли из гостиницы вместе, а шофер дверцу открывает с приветствием. Моего начальничка хватил удар, аж зашипел. С таким же шипом прошло все время его пребывания в Минске. Это было только предисловие. Работа прошла отлично, все сделала и даже больше положенного. Вернувшись, за все свои грехи получила от начальства по полной программе. Но это уже неинтересно. А командировка осталась в памяти как самая приятная: несколько раз приносили из горкома билеты в театр, сидела как английская королева в царской ложе; на выходные отвозили на Свислочь в какой-то дом отдыха. А самое главное – это то, что в Минске было отличное снабжение, а в Москве продуктов почти не было, и я оттуда гнала посылки домой. По приезде в Москву опять имела большие неприятности от Кузнецца: мой попутчик где-то раздобыл телефон начальства и позвонил, а начальничек в ответ рявкнул. Но услышав, что звонят из ЦК, прибежал за мной с перекошенной физией. И опять я наполучала по шее. И за что, спрашивается? После следующих командировок первым вопросом Кузнецца было: кого опять обаяла? И это помимо всех экзаменов по оборудованию. Вот так и работала инженер Интерна в котельном цехе. Боялась я его до одури, свирепый был начальник. Но ему можно было возражать и доказывать свою правоту, и если была права, соглашался и не качал права начальника. А это дорогого стоит.

От этого знакомства с представителем высокого органа у меня осталось еще два воспоминания: очень приятное – знакомство с Булатом Окуджавой, мною почитаемого до сих пор и как человека и как поэта. Произошло это в кафе «Аэлита» в здании тогда уже закрытого, но не снесенного кинотеатра «Экран». Мой знакомец числил себя в друзьях у поэта и барда (как на самом деле – не уверена, товарищ был мастер на преувеличения). Вечер был замечательный, мужчины были в легком подпитии, Окуджава пел мои любимые песни, и я была на седьмом небе от тихого восторга. А второе воспоминание

оставило черный след: приватная вечеринка с друзьями моего знакомого в какой-то огромной квартире перешла в тривиальную пьянку с уходом пар в отдаленные апартаменты. Кто-то схлопотал от меня по роже, после чего я тихо по-английски смылась, и перестала отвечать на телефонные звонки.

Вот также в поезде нанесло меня на поклонника – пожилого дядьку аж по фамилии Куйбышев. Оказался он каким-то кавалерийским начальником, ехал с секретарем в Новочеркасск на конный завод. Когда я удивилась его фамилии, с гордостью оповестил, что он – племянник того самого Куйбышева. На ГРЭС меня подвезли с почетом на машине, попросил телефон – я дала домашний. Когда раздался звонок, дома меня не было и разговаривала мама. Спросила, кто спрашивает, ответил – Куйбышев. Мамуля бодро отрапортовала – а почему не Сталин? - и повесила трубку. Звонков больше не было.

«Боевые крещения».

Первое мое «боевое» крещение по части всяких травм я получила при пуске второго блока 300МВт на той несчастной Черепети. Розжиг котла на мазуте прошел нормально, перешли на пыль. Все, казалось, было в норме. Я уже переоделась в нормальную одежду и собралась двинуться в гостиницу. И при последнем осмотре лючков в топке мне показалось не очень нормальным горение, что-то не складывалось в топке. Никому ничего не сказав, помчалась проверять дозаторы пыли, но там все, на первый взгляд, было спокойно, ничего не барахлило. И полезла на верхотуру (на головку котла – 65-70 метров) проверить сепараторы пыли. К ним надо было идти через зал угольных транспортеров, длинный и очень неудобный.

Первый блок был остановлен на ремонт, свет погашен и только вдали было освещено. Помещение темное, от угольной пыли все вообще было черным. И черт меня понес вблизи транспортера. Какой ч(м)удак не закрыл крышку люка в угольный бункер, я так никогда и не узнала. А если бы узнала, засунула бы его и подержала за одно место, чтобы повисел и проникся чувствами. Поясню: бункер этот – огромная емкость, высотой метров 10-12. Провалишься туда – никто не достанет, и вообще затянет в уголь, задохнешься. А после мельницы, как говорили знающие люди, остаются неперемолотыми только ботинки. Меня спасла только светлая доска, положенная на отверстие. Конечно, я ухнула в люк, но сумела зависнуть на этой доске на локтях. Помогла спортивная подготовка, подтянулась и выбралась, закрыла решетку и крышку люка. Все проделала довольно спокойно, но идти к сепараторам охота пропала начисто. Пошла к лестнице спускаться на свою отметку. И тут меня прихватило: ослабели ноги, затряслась челюсть – сообразила, откуда спаслась. Села на ступени и сидела в полном ступоре, руками держала челюсть, чтобы не сломать зубы. Било меня крепко, но помогло то, что было очень холодно. Отсидевшись, явилась на блочный щит. Видок у меня был ошеломляющий: красный свитер - весь в угольной пыли, морда лица – синяя, также в пыли. Ко мне кинулись – что случилось? Рассказала. Начальство все было на блочном щите, сразу же навели порядок. Кто-то проводил меня до гостиницы.

А утром я поняла, что не могу не только говорить, но и проглотить ничего нельзя, даже воду. Ком в горле, как кляп. Жутко было неприятно. А куда идти просить помощи, не знала, лежала носом к стене и переживала. Ребята мои ничего не знали, я смолчала, было стыдно признаться, какого дурака сваяла и нарушила ПТБ. Ведь могли и с работы вышибить. Потом кто-то что-то узнал, пришли ко мне в полном составе и поняли – я в полном отлупе: ни разговаривать, ни пить, ни есть. Кто им подсказал – не знаю. Где-то (а в гостинице было негде) сварили очередную адскую смесь и с ложки в меня вталкивали очень горячую и вкусную. Чтобы глотала – нос зажимали (как собаке!!!!). И держали, чтобы не дергалась. Это было утром, к вечеру я уже могла говорить, этот ис-

терический ком как-то разошелся, но есть было еще больно. Чтобы не лежала и не трепала свои нервы, вечером ребята повели меня в наш блок. Там по поводу выходного были очередные танцы-шманцы. Ну и, естественно, выпивон с закусками. Мне выпивона много не надо, после рюмки я нашла у девочек свободную кровать и уснула. Кто ездил по командировкам, тот помнит эти кошмарные койки с продавленными до пола панцирными сетками: небольшого человека да еще укрытого просто можно не увидеть. Вот так и на мне посидели. Но я ничего не слышала, ведь не спала две ночи плюс рюмка.

Проснулась очень поздно вечером, настроение исправилось и, в общем, жизнь показалась другой. Все девчонки спали, а на кухне слышался разговор. Я туда и отправилась, очень хотелось пить. А там две пары за столом, одну-то пару я знала, а вторая была для меня полной неожиданностью. В качестве кавалера у незнакомой девицы сидел мой постоянный поклонник еще по Назарову. Да и я ему крайне симпатизировала. К тому же я не знала, что он приехал в Черепеть. Обрадовалась я ему, так давно не виделись! Поцеловала, обняла, села на коленочки (стула-то мне не предложили!). Мне было море по колено! Настроение совсем поднялось! Да и Славка обрадовался. Но увидев физию его протеже, поняла, что пора сматываться, пока космы не полетели и ушла. Больше этой девицы я не видела, а в бригаде говорили: «Ну дала! Отшила эту!». Бывает. Результат этого первого крещения – закурила и тяжело. Курю до сих пор с небольшими перерывами «на завязку», но почему-то обязательно после стрессов возвращаюсь.

В каком-то 60 лохматом году я возвращалась из Новосибирска, вернее из Академгородка. Летела самолетом, езда на поезде, по мнению начальства, слишком шикарный отдых. Какой самолет был – не помню, какой-то ТУ. Я как села в кресло, так сразу и заснула. Сколько спала – не знаю, но когда открыла глаза, поняла: что-то не в порядке. И стюардессы на взводе и пассажиры какие-то прибитые. Все молчат, только стюардесс носит по самолету в кабину и обратно. Спрашивать ничего не хотелось, но на душе кошки заскребли. Через какое-то время объявили: садимся в Курумоче (под Куйбышевым).

Этот аэропорт давно оставил у меня очень болезненное воспоминание: из Тольятти ехали поздно вечером в аэропорт. Дорога темная, времени мало и шли на хорошей скорости. Как шофер-татарин увидел брошенный прицеп без огней (стоял практически на правой стороне шоссе), одному Богу известно. Врезаться не врезались, бампер Волги был где-то в метре от прицепа, но изуродовались здорово. Я сидела рядом с шофером, когда он тормознул, меня снесло вниз под приборную доску, но лицом я врезалась крепко. Тогда я заполучила горбину на своем носу и синяки в поллица. Задние – не помню, но тоже были побитые. А шофер – как лег на руль головой, так и лежал минут 15, его колотило как лошадь. К самолету успели, но в каком виде!

При посадке в Курумоче, когда садились, несколько раз брякнулись о землю, пристегнутые ремни чуть не сломали ребра. В самолете никто, кажется, не орал. Но побило лицо не только у меня одной. И опять – лицо! Встреча была впечатляющая, с машинами скорой помощи и пожарными. Они стояли по обеим сторонам посадочной полосы. А иллюминация! – видимо, на нас было направлено все, что можно. Очень быстро нас высадили и отвезли в здание. И началось: самолет не полетит. Кто поехал в Куйбышев на поезд, кто остался ждать другой рейс. А у меня, как всегда, денег в кармане, только чтобы добраться домой из аэропорта. И лететь мне уже не хотелось – неприятно и страшно. Помогло мое счастье – увидела одного начальника смены с ТЭЦ, он выручил деньгами и подвез до вокзала. Домой приехала с расквашенной физиономией и синяками под глазами. Мама только руками всплеснула – Опять!

Наше жить-бытье. 1982 и дальше. О Джине.

В Москву из Болгарии я возвратилась в 1982 году. Работала в техотделе ОРГРЭСа, По приказу начальства меня отправили работать в Главтехуправление Минэнерго, где занималась всякой технологической текучкой, связанной с энергооборудованием. И на пенсию «выбегла» с огромным удовольствием, так как заездили меня как хорошую лошадь породы «битюг». Надоели вызовы по выходным, сиденье до поздней ночи в высоких кабинетах с блокнотом на коленке и прочие чиновничьи радости. И началась у меня «сладкая пенсионерская жизнь»!

Теперь о Джине.

Началось все темной и душной июльской ночью. Матушка жила в Марьиной Роще, я – при ней. Рядовая кооперативная пятиэтажка, знаменитая только тем, что в ней жил знаменитый Игорь Кио, Алек Левенбук и мой брат. В этой квартире мы оказались в силу idiotских советских правил: из Якутии возвращался с семьей мой сын и хотел купить в Москве квартиру. Но... в квартире на Студеном проезде (окна смотрят прямо на Мытищи и далее везде), оказалось на полметра на человека больше, чем было положено для покупки квартиры. Меняться в таком случае можно было только на кооператив.

Образовалась очень сложная многоходовка, но вроде все остались довольны обменами. В результате смогли купить кооператив и сыну. Дом был расположен позади театра «Сатирикон» (а тогда там был к/т Таджикистан). Рядом располагалась восьмиэтажка, знаменитая проживанием в ней Аллы Ларионовой и Рыбникова. А в трех пятиэтажках жило много всякого и знаменитого и не очень народа. Район тихий, зеленый, не шумный. Под окнами много зелени, от Шереметевской шума не слышно.

Так вот: ночь была душная, темная, все окна и балкон открыты нараспашку. Где-то, примерно в три часа ночи, я проснулась от ощущения, что бегут по квартире. Вскочила и – на балкон. Матушка тоже высунулась в окно. А под окнами очень специфический диалог: «Руки! Тебе говорят – руки!» «Начальник, что делаешь? Начальник!» «Стоять, тебе говорят!!!». Наутро матушка, которая всегда была против всякой живности в квартире, заявила «Хочу собаку!!!». Начались поиски породы, роста, размера пасти и прочего. На свет выволоклись все энциклопедии и собачьи справочники от всех соседей. Требования были высокие: шерсть должна быть короткой, ноги высокие (чтобы не мыть каждый раз пузо), собака не должна быть мелкой породы, а главное – пасть должна быть большой с хорошими большими зубами. После недельного разглядывания справочных пособий единолично было решено – нам нужен доберман!!! Подходит по всем параметрам.

Да-а-а. Матушкина боязнь воров и грабителей оказалась сильнее всех предостережений: что Вы! Доберман! Ведь это такая непредсказуемая собака! Нервная! И так далее. А далее по Куприну: «Хочу собаку!!!». Начались поиски по клубам, знакомым и незнакомым с собаками на выгуле. Нашли. Дозвонились. Ехали черт знает куда на электричке, долго блукали в поисках дома. Нашли. Вместе с хозяйкой нас встречала стая щенков во главе с мамашей – красавицей. Нам приглянулась девочка, она сразу подошла ко мне и позволила себя погладить. Вот ее и взяли. Из разговора с хозяйкой поняли, что мамаша с отличной родословной с Запада (Нидерланды и Бельгия), а вот отец – собственность председателя клуба. Причем, после рождения этого и еще одного выводка, оказалось, что кобель болен какой-то передающейся щенкам заразой – какой-то железницей. Был скорый суд, постановил, усыпить бабку и кобеля, во избежание передачи заразы. А ведь для вязки председатель требовал лучших сук породы! Ну, матушка

моя, женщина решительная сказала – отлечим! Щенулю привезли, вымыли, накормили. Место ей устроили королевское: лежанка из старого кресла, подстилка, подушка и одеяло. Кто приходил в гости – тихо улыбались, но пальцем у виска никто не покрутил – боялись Нины Тихоновны. Отлучит от дома, тогда нигде не поднесут таких жареных пирожков. По красоте и стати щенку дали имя Нор - Джина Лолабриджида (именно так, как написано), хотя хозяйка настаивала на букве Н, но переупрямить Н.Т. удавалось очень редко. А попросту – Джина.

Щенуля была на редкость спокойная и ласковая, никакой нервной доbermanности в ней не проглядывалось. А вот болезнь стала проявляться, пришлось связываться с ветеринарией. Самая лучшая собачья лечебница тогда была на Цветном бульваре, рядом с цирком. Кто направил туда к доктору Нинель Викторовне, не помню, но она оказалась действительно волшебницей. Лечение было долгим, но очень эффективным. Заразу эту из организма выгнали, за щенков можно было не бояться.

На юниорских выставках Джина брала всякие призы, ее фотографировали и давали всякие медальки. Я прошла с ней курсы обучения. Они располагались где-то в закоулках Сущевки, за каланчой. Ходили туда пешком, дыхательная остановка была на лавочке около пруда с обязательным поеданием мороженого. Брался пломбир с палочкой, я садилась на лавочку, Джина – рядом. И начинался спектакль для детей – вежливое взятие порции с палочки. Собака оказалась послушной, спокойной и тихой, голос подавала только после команды. И красавицей. Когда мы с ней шли по улице, люди любовались, останавливались машины, сыпались вопросы о щенках и т.п. Интересно, что ее сестра, с хозяйкой которой Н.Т. перезванивалась, по характеру оказалась совершенно другой. Хозяйка ее говорила «стервь!!!», обучению не поддавалась и была совершенной доbermanшей. Мои внуки уже подросли к этому времени и, когда бывали в М.Р., дома творилось что-то невообразимое: на разложенном диване-аэродроме куча мала, писк-визг-рычание. Где чья попа, где чья голова - не поймешь.

Гулять мы с ней ходили или к кинотеатру «Гаджикистан» (там было большое незастроенное поле) или на Олимпийский проспект (позади ГИБДД) на Трифоновской, а то и к студии Грекова около парка ЦДСА (или как он теперь называется). Делали прогулки и до Пушкинской площади, я тогда работала в магазине «Маска» в Доме актера (еще не сгоревшем). Я – за прилавком, Джина – около кассы – сторож. Как говорила Н.Т. «Что воспитаешь – то и получишь!». А получилась красавица с выдержанным характером. Её очень любил Алек Левенбук, при встречах всегда говорил: Джиночка! Ну какое у тебя интеллигентное лицо!» А когда обнимал её, она скромно отворачивала морду – целуй, мол, в щеку!

На выставки я как-то перестала ездить, Подольский клуб захирел, да и ездить было далековато. Когда наши лодка и палатка сдохли совсем, отдыхать стали ездить на машине брата - мельнице на колесах - ушастом «Запорожце» и стали брать с собой Джину. У брата в Спасске (Рязанском) были знакомые Валя и Толя Егоровы, у которых мы останавливались на 2-3 дня и оставляли машину. В первый приезд братец мой умудрился заблудиться в этом городке и остановил телегу, чтобы спросить у возчика, как ему проехать. Голова лошади оказалась вровень с нашим задним сиденьем и когда Джина (городское животное!) увидела впервые близко лошадиную морду, впечатление было - не могу словами это описать. Раздался то ли выдох, то ли тихий вой «У-у-у-у», глаза стали огромными, удивление было такое, что я хохотала до икотки.

Когда приехали первый раз к Егоровым, глаза у них были как большие блюдца: не ожидали такой большой и грозной собаки. Поселили меня с ней в деревянную баньку,

сухую и теплую. Но это было на пару дней, постепенно все привыкли к Джине, она же была очень благовоспитанная собака. Гулять уходили на заброшенный луг, не отпускала – немного я боялась деревенских собак. Мужчины наши объявляли себе расслабуху, благо всегда мы приезжали в выходные, а женщины как всегда готовили и таскали тарелки на стол и обратно. На Оке нашли хорошее местечко, оборудовали и стол и скамьи и кострище. Перевозили нас на моторке, я боялась, что собака испугается, но она сидела как Елизавета Вторая на троне: спокойная, величественная, только что без короны на голове.

В первое лето нам повезло – погода стояла теплая без дождей, рыба ловилась хорошо, место было отличное. Берег был невысокий, небольшая поляночка с нашими приспособлениями и палаткой. Потом шла заросшая низинка с очень густыми зарослями, а затем начинались луга. Так как собака благородных кровей, делать свои дела на берегу ей не позволял этикет, я пробила в зарослях небольшую тропочку на луга. При этом наткнулась на чью-то лежку, но мне, городской незнакомке, ничего и в голову не пришло. А вот у Джини вся шерсть дыбом стояла. На всякий случай я взяла за правило: при входе в заросли стучала хорошей дубиной по стволам, пугала сорок (как же они орал!). Джина же предусмотрительно всегда шла сзади, но когда видела выход на луг, вырывалась и убегала.

Но однажды вечером кто-то меня здорово полоснул по ногам сзади, я шарахнула своей дубиной. Задела кого или нет, не знаю и не знаю, что это было. На этом месте не было ни грибов, ни ягод. Мне было скучно, уходила с собакой далеко в луга. Но у брата очень хорошая была рыбалка и не хотелось портить ему отдых. В то лето мы наблюдали феерическую картину: темной ночью сидели у костра, а по реке шел буксир с баржой. Река извилистая, прожектор виден издали, освещал поля и лес и реку. Напротив нашей стоянки берег был крутой и обрывистый, весь в глиняных изломах. Днем его вид не вызывал положительных эмоций, но той ночью при движущемся луче прожектора этот обрыв так заиграл – фантастическая картина!

А второе лето выдалось достаточно прохладным и ветреным. Стояли мы на том же месте, но... ни столика, ни скамьи, ни кострища уже не было. Уж кому они подействовали на нервы – неизвестно. Тропинка наша не заросла, палатку установили на прежнем месте. Джина приехала как к себе домой, местечко было присмотрено. По утрам стояли туманы, было сыро от реки. Ещё в Москве, предвидя холода, соорудили Джине ночную одежду: наверх сшили красную шерстяную кофту, на пузо и ноги – из старых рыжих рейтуз соорудили запорожские шаровары. Н.Т. настояла ещё и на шапочке с козырьком. В таком виде она не прижималась ко мне и давала спать Спали, как и прежде, в нашей маленькой палатке. Когда было холодно, Джина вытягивалась вдоль меня, прижималась ко мне пузом и храпела мне в лицо. А за спиной храпел братец. Не надо было никакой консерватории! Палатку на ночь мы не застегивали, с Джиной бояться было некого. Вот в один серый туманный рассвет я услышала сильный плеск воды и какой-то полузадушенный голос: Хозяйка! А хозяйка! Убери собаку! Ну, пожалуйста!!! Выскочила в туман, спустилась к воде и увидела картину – несколько мужиков по горло в воде, Джина в полном боевом наряде и готовности № 1 на берегу. Видок – не опишешь! Я бы и рада была не ржать, но не удалось. Отвела собаку, вытащились мужики на берег, развели костер для обсушки и начали выкладывать мне свои переживания. Они тянули сети, а Джина выперла на них из тумана в полной тишине. Её наряд их добил и они ринулись в воду. Потом, конечно, смеялись, но смех-то был не очень веселый.

Но потом почти каждый день ребята предлагали отменную рыбку – стерлядку или хорошего леща. И в Спасске прозвенел рассказ о собаке. Чего только не предлагали: и

деньги и полдома и ещё чего-то, только продай! А ещё на этой стоянке было уловлено 2 угря!!! Первый раз угорь попал на спиннинг нашему соседу-старика из г. Видное. Я была в лугах и оттуда слышала совершенно дикие крики с реки. Кинулась обратно в испуге, увидела как два здоровых мужика (брат и старик) мечутся по берегу, машут руками и орут во всю глотку. Оказывается, старик вытянул здорового угря и перепугался, стал кричать братца. Угорь бился на песке, а они старались оттащить его подальше от воды. А старик и не знал ничего про угрей. Да и кто мог сказать, что в Оке можно выловить такое чудо? Так что, первый угорь пошел на очень вкусный суп и жарену, угощали даже незадачливых рыбаков. А второй попался поменьше, его отвезли в Спасск, там уже готовили по всем канонам.

Второе лето нам показалось уже не таким привлекательным и в дальнейшем мы уже поехали на речку Пра. Про нее рассказывать не буду, так как жили в заповеднике под строжайшим присмотром и всего одну неделю, больше я не выдержала. Никто нам не сказал, что собак с собой брать категорически нельзя. Переехали мы в старый домик какого-то зрителя, подальше от церберов. Сам хозяин (нестарый алкаш) жил в новом, только что построенном доме. Колодец - старый, полон какой-то грязи, избу я отмывала дня три от всякой пакости после попок. Но место было замечательное. Ока находилась примерно в километре, недалеко от дома был какой-то водный отросток, не знаю даже как его и обозвать. Но воду для технических дел можно было брать. Километрах в трех было большое село Ижевское, туда ездили в магазин и за водой. Надо отдать должное замечательной

Из лихих девяностых – только по такой карточке можно было что-то купить в магазине. На обороте - иждивенец Ярцева Н.Т. 1909 года и печать!

машине «Запорожец» - где только его не гоняли, по каким полям и целине невспаханной, везде проезжал, кряхтел, но ехал. Лето опять выдалось не очень

хорошее, вернее мы попали не в самую хорошую погоду. Купались, загорали, собирали ягоды, короче яркого ничего не было. Да и жили мы там всего ничего. На следующее лето поехали прямо туда, нас там ждал новый зритель, семейный, с детьми и всякой скотиной. И началась совсем другая - веселая жизнь! Стайка (сарай) для коров находилась напротив нашего крылечка. Кроме коров было много птицы: и кур и гусей и уток. Хозяйка каждое день давала нам молоко и яйца, колодец был вычищен и была нормальная вода. В огороде было все и все предлагалось. Даже дом был приведен в нормальное состояние. Короче – рай рязанский!

Но – началось противостояние между скотиной и Джиной. Коровы выгонялись из стайки и разгуливали вокруг дома совершенно свободно, а машина стояла также около дома в тенистой стороне. Джина не могла вынести, когда эти две туши подходили, чтобы тоже побыть в тени около машины. Что творилось! Джина гавкает со всей свирепостью – не подходи, моё! Коровы отбегают, хозяйская собачонка заливается. И почему-то начинали орать гуси! Так могло быть целый день.

К вечеру все затихало. И начиналось ожидание банки с молоком. Джина сидела на крыльце, вся - внимание звукам из стайки, только уши ходили, а сама - как изваяние. Вообще, собака была не избалована едой, но... кашу, например, надо было давать на ложке, ела как заправский гурман с облизыванием ложки, хлеб с маслом пролетал

мгновенно, а молоко парное пилось с таким упоением, что любо дорого было это видеть. Да что молоко! Коровячьи свежие лепешки, если не уследишь, лизались не с меньшим удовольствием. Очень ей не нравилось, когда я размачивала зацветший хлеб и давала гусям. Отгоняла, рычала – моё – и всячески протестовала. Её ненависть к гусям выразилась однажды очень ярко: вместе с ней пошла на этот затон помыть посуду. Дорожка шла в гору, я гусей не видела, а Джина увидела, погнала по спуску и загнала в воду и сама туда же. Когда я увидела, Джина была далеко в воде, гуси с гоготом рвались от неё, а крылья-то были подрезаны, взлететь не могли. Она ещё и гавкает, гуси орут и машут в панике крыльями. Я её позвала, она оглянулась и тут я поняла, что она запаниковала – ведь никогда она так далеко в воду не заплывала. Ну, кончилось все более или менее благополучно, вечером гуси пришлепали домой, целые и невредимые.

Но противостояние продолжалось. Овцы – Джина никак не могла понять, что это такое? Они от неё шарахаются, а она очень любопытная, ей же надо понюхать под хвостом! Если не уследишь, начиналась гонка, естественно, хозяева проявляли сильное недовольство. Самое интересное проявление джиного любопытства мне удалось подсмотреть в очень жаркое время, когда куры спали в пыли. Вообще, на кур было наложено вето и пару раз Джине крепко попало за любопытство. Что я делала на крыльчке, не помню, было тихо, жарко и не хотелось шевелиться. И я даже не услышала, как с крыльца ушла Джина. Только увидела, что она очень тихо подошла к спящему в куче теплой пыли петуху и так аккуратненько подняла ему хвост! ПОНЮХАТЬ! Надо сказать, что петух был отменной раскраски, чисто рязанский красавец и довольно большой и грозный для кур. Все куры же были белые, видимо, для Джины интереса не представляли. О господи! Бедный петух, продрал глаза и, увидев морду собаки, подлетел на полметра вверх, заорал и бросился улепетывать. Ну, она, конечно, за ним, а за ними и я! Метров через пять силы петуха оставили и он свалился на бок. СТРЕСС! Я подскочила, Джина – в сильном недоумении, получила от меня хорошего стукача. Я подхватила бедного петуха и отнесла на пыль к курам, а там – спокойствие, никто ничего не понял. Стояла над ним, пока он не оклемался. Очень я боялась скандала от хозяйки, но пронесло. Ситуация была для хорошего сюжета, но у меня не было даже фотика. Осталось только в памяти.

Больше отдыхать мы не ездили – у Володи начались неполадки с сетчаткой глаза, мама прибалывала, да и я, видимо, устарела для экстрима. Жили себе потихоньку в Машкиной Роще, я работала, сделала которую по счету – не знаю – карьеру, теперь уже в магазине «Маска», от кассира доросла до заведующей, благополучно сбежала оттуда. Я устроилась работать рядом с домом в кооперативной пекарне, где распорядителем была Элен Павловна Рубо, внучка создателя севастопольской панорамы. Матушка моя сдавала здоровьем очень быстро, сказались все неприятности с болезнью Кати, и за ней требовался непрерывный присмотр.

Зимой 94 года в нашем подъезде оказался доберман с раненой лапой, домашний, с ошейником. Накормила ее, мама вышла и осмотрела, и велела взять домой и лечить. Повесили объявления, но никто не откликнулся, видимо, убежала издалека. Так и осталась она – и стала у нас пара «гнедых», черная и коричневая. Лапа зажила, назвали прихожанку Дейзи, оказалась ласковая и послушная. Надо было видеть, какая она была гордая, когда выходили все гулять. Джина немного ревновала, но драк или свары между ними не было. Картина впечатляющая: две большие серьезные собаки, обе красивые и ухоженные, и я болтаюсь между ними. Но все было чинно, благородно – никого не облаивали, не показывали зубы и слушались даже шепота. Кончилась вся наша идиллия в мае: маме стало плохо, через пару дней её не стало. Прихожанку Дейзи взяли соседи по дому на дачу. А Джина, когда поняла, что мамы нет, отказалась есть. Два с

лишним месяца вместе с врачом с Цветного мы бились, испробовали все, но собака тихо угадала у меня на руках. Ирония: мама ревновала Джину ко мне, говорила – вот ты приходишь и на меня ноль внимания! А в результате оказалось, что любовь к матушке моей была сильнее жизни. Простите за печальный конец, но что тут поделаешь? Жизнь - она ведь всякая, разная.

Дырявая байдара, два весла, капитан и «прислуга за всё».

Поговорим о вещах более веселых и интересных. Хочется мне рассказать о наших походах на байдарке и «Запорожце», оно того стоит. В первый раз Володя мне предложил поехать с ним на байдаре в 1974 году. Год у меня был тяжелый, на работе не всё ладилось, да и сама устала до предела. Я согласилась, мы собрали лодку, палатку, продукты и прочее необходимое. Маршрут выбирал Володя, решил, что пойдем по реке Песь. По карте она впадает в Чагодошу и затем в Мологу. Сели в пятьсот веселый поезд на Савеловском вокзале, вагон общий, сразу образовалась компания. Володя с ними, конечно, выпил. Вставать надо было на рассвете, стоянка - 1 минута. Братца я еле-еле подняла и выволокла, вещи выкинула. Вывалились на травку, перрона там нет и никогда не было, станция называется – Хвойная. Сели на вещи и давай дышать.

Такого воздуха даже в любимом Копанове не было, по сравнению с Москвой – духи, настой трав и воды. Окрестности – пустыня, в километре – мост через реку. А река – ручей. И где плыть-то, воды – по щиколотку и дно все в камешках. Ладно. Лодку собрали, вещи разместили, сели и... встали. Потаскивали лодку, как бурлаки. Сколько тащили – не помню, но медленно вода все-таки прибавилась. Опять сели, веслами грести было нечего, работали руками, отталкиваясь от камней. Естественно, аккомпанемент с заднего (капитанского) сиденья был очень громкий и выразительный. И так – несколько часов, пока не выдохлись. Начало было изумительное! Переночевали среди комарья, пошли дальше. Было уже легче, воды прибавило, появилось течение. В то время появилась песня Шаинского «На дальней станции сойду...», а мы вопили «На хвойной станции...». Езда крепко поношенной байдары по камням даром не прошла, клеили её раз десять. Но я, никогда не бывавшая в таких походах, не представляла, что нас ждет впереди. Пока воды было мало, для меня была прогулка с физразгрузкой. Там можно было дойти до берега, не замочив коленок. А то, что плаваю я как чугунный утюг, этого Володя не знал, потом говорил, что никогда бы со мной не связался!

Прошли Песь, прошли Чагодошу. Впечатлений особенных не было, так – речки и речки. Руками намахались, загорели, обкусили нас до костей местные комарики. К концу Чагодоша стала намного шире и глубже, а вот Молога – это уже река! Самое то, что лодка наша - не для такой воды и ветра не годилась, мало, что она течет снизу, так её захлестывало и сверху. На Мологе сильные ветра, она переходит в Рыбинское море, а море – оно и есть море.

В последний день похода думали что и не дойдем, опрокинемся. Ветер сносил нас, хоть вытаскивайся на берег, а он далеко, кое-как дотянулись до первой пристани «Модно», пришли в себя. Катер до Весьегонска ходил один раз в сутки, ждали, сидя на берегу. Оттуда поездом добрались до Москвы, загорелые, голодные и злые. Долго вспоминали, хохотали, когда представляли себе картину, как два взрослых балбеса руками гребут и переворачивают камни и орут при этом всякие слова. Эта дикая прогулка не рассорила нас, наоборот, всю зиму Володя мечтал, как опять пойдем в поход. Конечно, понятно было: готовлю, посуду мою, воды не боюсь, не храплю, иногда даю выпить. Что ругаюсь и ору на него – пережить можно.

На следующее лето выбор пал на реку Кабожа, ехать по этой же дороге, этим же поездом. Она также впадает в Чагодошу. И дальше маршрут известен. Эта Кабожа оказалась намного гаже, чем Песь. Она была более обжита и такая же мелкая. На ней оказалось много останков мельниц и плотин, причем всё это под водой, а вода в ней темная с примесью ила. Несколько раз «сидели» на сваях, хорошо не пропоролись. Я только выглядывала, за что удасться зацепиться, когда пойдем ко дну. Но места на Кабоже более приглядные, чем на Песи: было много ягод, грибов. А змей и мышей – навалом, а я их очень «люблю», особенно змей.

Дальше маршрут был уже освоен, шли хорошо, Володя сделал парус. Перед последним переходом до Модно у нас было уже присмотрено отличное местечко для стоянки. Картина Дубовского «После грозы», практически повторяет вид, что открывался с того обрыва на Мологе. Лето было жаркое и домой я приехала черная, обветренная и распухая от солнца: ветер на воде сжигает сильнее, чем на юге, но очень довольная походом.

А следующий поход по реке Ветлуге оказался сплошной сказкой с невероятными приключениями, с буреломными лесами, волками, ещё какой-то шалой живностью, разодранной палаткой и прочими чудесами. Русалок, правда, на ветвях не было. Понесло нас туда 1 августа, лето на исходе, но поехали. У Володи был съезд нейрохирургов, он там был организатором и был в докладчиках, раньше отпуска не получилось. Поход наш начался в г. Шарье, памятном для меня. Выкинулись из поезда, там - небольшой вокзальчик, площадь перед ним. В остальном – старый провинциальный городок среднего пошиба. Река оказалась далеко, нашли шофера с грузовиком, подбросил нас к реке. То ли Володя ему не объяснил, что нам надо, то ли поиздевался, довез нас до лесной биржи и сгрузил. На этот раз Володя взял с собой тележку, так как лодка и палатка плюс продукты и прочая чепушня - тяжело для двоих.

Пока тыркались среди штабелей леса, пока вышли к самой реке, пока нашли бонны, чтобы переправиться на другой берег, устали и озверели. По боннам был ещё тот переход, я вообще шла, закрыв глаза, хотя высоты не боюсь, а тут под ногами доски ходят ходунком и еле держатся, а под тобой вода. А ещё на тебе килограммы в рюкзаке и в руках. На берегу отсиделись, руки кончили трястись, попили чаю, собрали лодку, двинулись. На ночь остановились, отоспались и самого ранья двинулись. Река широкая, но... сплавная, то плоты, то заторы из бревен. И полно топляка, что крайне неприятно при хорошем течении. Володя сидел за капитана сзади, я – впереди. Уже к вечеру первого дня моя луженая глотка охрипла, работала я как впередсмотрящий: «на час», «на одиннадцать» - это где топляки, чтобы не напороться. А лодка была наша - старая, вся переклеенная, а на этой реке уже не побежишь по камушкам до берега. Река быстрая, в узком русле, берега высокие и отвесные, как в каньоне, много поворотов. Лодку несет, течение сильное, сзади от Володьки сплошь матюги, от топляка только уворачиваемся, а места пристать не находится. В первом же более или менее нормальном месте пригнулись, переночевали. У меня мысли черные: ну и начало, и что же будет дальше?

Ярцев, ткнув с устатку, сразу дал храпака, а у меня сна ни в одном глазу. Ночь темная, август на дворе, холодно, а Ветлуга совсем не южный край. Все складывалось несурово: пошли незнамо куда и лодка трепанная-перетрепанная, про штопанную палатку и речи нет. Наш заслуженный бензиновый примус один день работает, а два – не желает. Деревень по берегам не видели, места неприветливые.

Приключения наши начались на третий день. Шли тяжело и к середине дня нашли хорошее местечко для стоянки. Пишу все подробно, так как все события крепко врезались в память. Берег – песчаный и крутой, метра два с половиной в высоту, потом хорошая полянка и за ней начинался лес. Эта полянка в половодье, видимо, заливалась водой, на ней был песок в траве. Поставили палатку, устроили место для костра поближе к берегу. Я пошла запасать топливо, натаскала, собирала по краешку леса. Что меня понесло спуститься к воде, не знаю, но на песке увидела много следов, решила, что здесь бегали собаки. Сказала Ярцеву, в ответ от «знатока» получила, что тут километров на двадцать в округе нет деревень. А я-то – городская серость, мне все одно – чьи это следы. Ну и замолчала. Денек был теплый, но солнце закрыло марево. Меня понесло в лес, нашла много перезрелой земляники. Пока лазила через бурелом, ориентацию потеряла, начала звать Володю. На мои крики получила в ответ твяканье и какое-то не совсем собачье. Когда вылезла из леса, опять сказала братцу. Но получила в ответ, что «много есть всяких сумасшедших на белом свете, и ты среди передовых». На этом дискуссия и окончилась. Что-то сготовила на обед, отдохнули. Володя хотел с самого ранья уехать на рыбалку, на противоположный берег по течению. Он встал до солнца, а я под себя подложила его поролон и решила поспать подольше.

И так мне хорошо спалось! Проснулась от ощущения, что меня кто-то нюхает, так же обнюхивал меня наш пес Тимка, такие же звуки. Аккуратно подняла голову и увидела, что ткань палатки натянута чьим-то носом и трахнула кулаком по нему. Сколько было времени – не знаю, оделась и вылезла из палатки. Костер далеко, топор – около костра, а я, не буду врать, испугалась. Разожгла костер, села лицом к лесу, топор подмышкой. Стала ждать Володю. Потом осмелела и пошла посмотреть то место за палаткой, где меня нюхали. Увидела следы – большие и хорошие отпечатки на песке. Опять села к костру, решила попить чаю с земляникой, напилась. Через несколько минут начался мой цирк: никогда в жизни у меня не было аллергии, а тут – хоть вой, чесалась вся, от макушки до пяток. И плюс ещё – страх. Вспоминать мне теперь, сидя в

квартире, конечно, весело, но тогда... Чесалась и топором и хворостом и бегала по песку, чесала подошвы. Когда приехал Володя, морда лица у меня была цвета «спелый помидор», остальное – в полном раздрае, а настроение – на 100% гнусное. Он тоже был какой-то встрепанный, но я сразу не поняла, почему. Повела его смотреть следы, т.к. не хотела получить в ответ свой диагноз. Посмотрел, даже измерил эти следочки. И ска-

зал: «А знаешь, на нашем берегу, дальше по течению два больших волка задавили зайца! Я видел их на плесе за поворотом. Заяц так кричал!». С меня было уже достаточно всяких стрессов, поставила условие, что одни больше не становимся, пусть, хоть недалеко, но будет чья-то палатка. Вроде не возражал, но решил постоять здесь ещё пару дней, тут хорошая рыбалка. На другой день по реке шла лодка с егерем, Володя с ним разговорился и узнал, что, да, волков тут много, в лесу недалеко их логово, много щенят (вот их-то я и слышала), волков не отстреливают.

Два дня прошло спокойно, никто не нюхал и не посещал, в лес больше не ходила, моталась за Володей по реке с удочкой. Когда поплыли дальше, начался дождь, надо приставать к берегу, а мест нет, берега – круче, чем стена. На реке стало совсем паршиво: то плот тянут, то какой-то буксир прет, от него волны в 2 метра высотой, лепишься к круче, хватаешься за что придется, чтобы не перевернуло, то полно топляка – не знаешь, как увернуться. Река узкая, течение бешеное, как в каньоне. Были какие-то места, когда казалось, что вода течет вверх, грести было очень тяжело. Впечатлений – куча и все сплошной негатив. Часов в десять вечера в полной темноте где-то вывалились на берег, нашли кусочек ровного берега. Я успокоилась – метрах в ста от нас стояла палатка. Пока Володя ставил палатку, я чего-то сварила из еды, поели, посуду я не убирала, оставила её и недоеденное около входа в палатку, завернула в полиэтилен. А открытую банку сгущенки поставила у себя в ногах, в палатке, у меня там хранились важные запасы еды. Сгущенку сэкономила, т.к. было всего три банки, берегла на чай и каши. И вот за этой несчастной банкой и полезла в палатку какая-то зверюга.

Мы сильно устали за долгий переход, Ярцев коснулся подушки и захрапел, только ёлки вокруг качались, а я заснуть не могла под такой аккомпанемент. Услышала в тишине, как мне показалось, шаги, как в больших резиновых сапогах шлепают по земле. Удивилась. Потом зашуршал полиэтилен с едой. А потом наша палатка заходила ходуном, раздался треск и в дыру всунулась морда! Конечно, я заорала как сирена, братец подскочил с поролон, успел включить фонарь и врезал кулаком по морде, заорал «Пошел отсюда!», палатка чудом не рухнула, я держала стойку насмерть и орала. Это было явление первое – ровно в 12 часов ночи. Сразу же в дыру полезло комарьё, пока заделала дыру, пока приходила в себя уже было часа три ночи. Вокруг дыры наложила всё, что могла: котлы, сапоги, поролон, наложила целую гору. Ярцев опять спокойно захрапел, а я, пытаюсь успокоиться, лежала и слушала. И дождалась! Началось явление второе. Полетела моя наложенная гора, опять я заорала, и ещё колотила металлическими банками с рыбачьими прибайбасами. Братца подбросило: «Что орешь? Он давно уже в лесу обоср...от твоего ора». И т.д. в своем репертуаре, и опять захрапел. А я наконец поняла, что зверюга лез за сгущенкой! Я боялась, что палатка рухнет на нас, а что-то по нам потопчется. От пережитого меня разобрало – надо по маленькому, больше терпеть сил не было. Господи, такого со мной еще не было, хоть в спальник лей! Потом плюнула на все, вылезла из палатки и такая меня злость разобрала, что вот ведь, гад, спать не даст, очень хочется ему сгущенки! Эту банку и задурила с силой в лес, а утром нашла смятую и вылизанную! И куда нас занесло, в какую нелегкую! Наутро пришли из соседней палатки, охали, ахали, удивлялись. Они скоро ушли, мы остались одни, больше никто не лез, но по всей реке знали про наше приключение, дальше было много стоянок и места были вполне приличные.

В дальнейшем, недалеко от того места, какой-то зверюга растащил и пожрал продукты у других байдарочников. Они выкинули белый флаг и просили продуктов у проходящих. На реке было много рыбы, ловилась даже крупная. На одной стоянке опять было приключение, но уже из-за лени Ярцева: он не хотел втащить лодку на крутой откос, мол, обойдется. Я спорить не стала, не хотелось мне ора, уж больно погода была хорошая и место какое-то замечательное, и ушла собирать хворост на костер. Брат возился с палаткой, потом куда-то ушел. А мне попало много очень крупной и сладкой черемухи, сидела обдирала, берег мне не был виден. И вдруг услышала истошный крик: «Ин-ка!», выглянула – а лодка на середине реки и уже далеко, Ярцев плывет за ней и орет диким голосом. Прошел пароход и волной лодку унесло, хорошо он заметил и догнал, а то неизвестно так бы добрались до жилья. Дальше все шло у нас по нормальной схеме, шли без приключений.

Окончание похода у нас было в Ветлужском. Последний переход шли под проливным

дождем, встретили местную лодку, они прокричали, что дальше слева лесок, там просто грибокос. Мы остановились, и, хоть я и видала грибные места, но такого – нет. Я даже в лес не заходила, так - по краешку набрала одних белых, причем брала только шляпки и только маленькие

грибочки. Когда отварила их в собственном соку, получился бидон на три литра, два котла и большой полиэтиленовый мешок. Это было удовольствие – так собирать грибы! Нам кто-то сказал, что к самому городку надо ехать на автобусе, ходит он от реки два раза в сутки, надо на него успеть. Рассказали – где надо пристать и объяснили, где остановка. Когда подошли к тому месту, увидели, что остановка на горе, а гора – Олимп, крутая и вся в мелкой траве пополам с глиной. То ли не там пристали, то ли не так поняли, но дороги на этой горе не было. И такая милая картина: дождь как из ведра, пока собрали лодку, промокли до нитки, вещи мокрые, тяжелые. Тележка сама тяжелая, нагрузили её, Володя её тащит в гору, а она его - с горы. Я сзади подпираю, он орет, у меня в руках емкости с грибами. И сама чуть ли не качусь вниз по мокрой траве. А автобус уже стоит, его видно. Но кто-то нас заметил и автобус добрые люди задержали, нас дождались.

На вокзале немного обсохли в помещении, пришли в себя, даже привели себя в порядок. Я, по своей командировочной привычке, воткнулась в билетную кассу, стояла долго до вечера, караулила очередь и хорошо сделала, т.к. билетов на Москву не было, а кассир вдруг предложила два билета в вагон СВ, я их и схватила. Уже была ночь и, когда мы ввалились в вагон со своим скарбом, проводница обалдела: видок у нас был еще тот! На вокзале таксисты нас сажать отказывались, но какого-то уговорили. Ярцев поднялся домой один (я осталась с вещами внизу), дверь открыла мама и, увидев его, в

ужасе спросила: «А где Ина?», и вправду можно было подумать чёрт знает что - грязный, взъерошенный, непохож на себя. Но потом и этот поход вспоминали с удовольствием! Это был самый памятный поход. Потом ходили на двух и трех лодках, опять по Песи и по Сухоне. Поход по Песи был скучный и неудачный, подобрались несбитая компания, начались нелады между двумя дамами, да и погода не радовала. Так же молотили руками по камням, также кляли и реку и братца. Сидели в дожди по палаткам, слушали дождь и пили. Тогда в моде был арабский бальзам «Абу-Симбел», вот и запасли его на весь путь, соревновались: из какой палатки будет храп громче. После этого похода осталось: насимбелился!

На Сухоне было всё нормально, шли двумя лодками, было нас четверо. Как-то ни хороших грибов, ни рыбы вначале не было. Но плотвичка была необычайно сладкой. Там мы пережили сильный ураган и грозу. День был очень жаркий и какой-то необычно яркий. Шли спокойно, искали место для стоянки, уже где-то часа в 4. Что заставило меня оглянуться - не знаю, за спиной стояла черная стена, высокая до самого космоса. Я, конечно, сказала ребятам, но они посмотрели и остались очень спокойны. Ну и черт с вами!

Мне поперек глотки уже стояли советы и замечания, что их жены не так варят суп или режут картошку. Делайте что хотите. Так и шли, спиной к этой стене, пока совсем не потемнело. Стоянку уже не выбирали, а выкинулись, где пришлось. Да, большего количества корвячьих блинов я нигде не видела, да и место было как стол, голым, грязным

и ободранным каким-то. Лес метров за двести. Мне же было заявлено, что паникерша и вообще - баба. А такая настала тишина! Поставили палатки, брату я пригрозила, что если не уберут лодки между палатками, я не знаю что сделаю. Набрали дровишек, на костре сварила обед, все котлы были вылизаны и вымыты недовольными клиентами, и все разошлись по палаткам.

Палатка у ребят была новенькая, типа армейской, очень крепкая, а наша в последнюю стоянку приобрела хорошую дыру в полу. Да и вообще-то была она из какой-то легкой ткани. А у меня так защемило сердце, что пришлось выпить корвалол. Сходила за водой, и опять легла носом к выходу, лежала и смотрела на реку. Река ленивая, течение очень не быстрое, над костром вьется дымок и тишина. На глазах вода в реке вдруг пошла валами против течения, дрова из поленницы у костра тихо стали подниматься в воздух и это все в тишине. А дальше было всего навалом: грома, молний, дождя и дикого ветра. Володька носится вокруг палаток с топором, забивает колья, мне орет «Ложись!». Молнии лупят то в этот «луг», то в воду. Интересно, идет стена дождя, очень плотная, за ней сухо и здесь-то и лупят молнии. Потом опять стена дождя и опять молнии. Как не унесло палатки - не знаю. Нас спасла от наводнения дыра и моя лень - не зашила дыру в полу. А ребята сидели в воде и только держали стержень палатки, чтобы не унесло, все у них намокло. Кончился этот ад около часа ночи. Дров не осталось, все

разметало. Николай пошел, но долго было слышно, как он что-то говорил не совсем прилично. В конце концов, он на размокшем г. не сделал шпагат, обозлился и дров не принес. Вытащила антикварный примус, напоила чаем и еще более крепким напитком, вроде отошли душой и телом. А вот одежда - то мокрая и холодно стало. Веселая была ночь! А дальше было много грибов и ягод, особенно много черники. Берега низкие, сырые, комаров – уйма, и какие-то большие и очень падкие на человека. Объедены мы были основательно, не помогала никакая мазилка. Запомнились туземные названия малосеньких притоков, одно вообще изумительное – речушка Ёмба. Отсюда и пошло у нас: приёмбились, отъёмбились, в смысле – пришли или ушли. Звучит, правда? В дальнейшем наша лодка совсем сдохла, изнасилась, палатка тоже пришла в полную негодность. У Володи появилась машина, ушастый «Запорожец», и ездили на ней. К этому времени подросла наша Джина, очень красивая доберманша, брали её с собой. Ездили на Оку в Спасск-Рязанский, останавливались у знакомых, там же оставляли машину. На моторке нас отвозили на присмотренное местечко, жили по две-три недели. Было много рыбы, ягод. Отдыхали спокойно, без адреналина, как и положено людям солидного возраста. Ну, об этом я уже писала.

О двух замечательных людях, которым мы обязаны и жизнью и Судьбой.

Теперь мне хочется подробно рассказать о людях, сыгравших огромную роль в нашей жизни. О людях, которые помогли выжить нашей семье, и не только выжить, но и не дали нам, детям, пойти по тем дорожкам, что предлагала нам жизнь. О людях, которым благодарны мы все, Ярцевы.

О сестре мамы - Зинаиде Тихоновне Шахиной и ее муже Григории Андреевиче Брунштейне. Что кончала т.Зина из школ, не знаю. Но дальше она училась и окончила Коммерческое училище. Как она говорила, оно находилось в Старопанском переулке на Маросейке. Работала в «Центропечати» и страховом обществе «Россия». О дяде Грише – (из автобиографии, написанной им самим 22.07.52г.). «Родился в Москве в декабре (по старому стилю). 1883 г. Родители были трудящимися: отец работал фармацевтом по найму, мать – домашняя хозяйка.Учился в реальном училище, окончил в 1904 году. С 1905 года работаю по найму. С 1909 года по 1911 год находился по призыву на действительной военной службе, где прошел школу медицинских фельдшеров. До войны 1913-14 года работал в разных учреждениях. С осени 1914 года был в армии до окончания первой империалистической войны. Демобилизован был в конце 1917 года. С 1918 года находился постоянно в Москве на работе в разных учреждениях. В гражданскую войну работал в «Центропечати» ВЦИКа по снабжению литературой фронтов Красной армии и прифронтовых районов. В разное время работал фото-корреспондентом в «Союзфото», в газетах и издательствах. Семь лет с 1937 по 1943 год работал в Главном управлении Геодезии и Картографии при Совете Министров СССР инспектором. Не работал с 1943 по 1946 год после операции желудка. Последнее время работал в нескольких учреждениях по трудовым соглашениям и заведывал фотолабораторией треста «Теплоэнергопроект»».

Вот такие истории, бог знает какой давности. И пишу все это, а меня точит мысль - какая же я старая, что в 21 веке вспоминаю людей 19 века, которых знала и любила. Пожились они в 1920 году. Летом того же года поехали в Мелитополь, что-то наподобие свадебного путешествия. Судя по пропуску на поездку, ехали три человека: сам Г.А., тетушка моя и ее мать. Но, когда я выспрашивала, о бабушке ничего не говорилось. Случилось же вот что: из Мелитополя Г.А. отозвали в Москву, жена осталась одна. А на город налетела какая-то банда. Тетку мою увезли, молодая, красавица и никого нет знакомых. Как она убежала, как добралась обратно в Мелитополь, т.З. отказывалась рассказать.

Вскоре появился муж и увез ее в Москву. Такое вот начало семейной жизни. В 1921 году родился сын Юра. Детей больше не было. О Юре я писала раньше, пропал без вести в первые же дни войны. Прожили они вместе 37 лет и не надоели друг другу, как говорила т.З.

Григорий Андреевич... О нем много не скажешь. Человек ничем не выдающийся, обычный совслужащий. Хороший семьянин, хороший отец, любящий муж. Интеллигентный человек с хорошим русским языком, отлично знал русскую литературу, исто-

Т.Зина и Юра. Примерно 1930

рию. Любимым делом была фотография. Был очень скромный и неприхотливый. Внешностью очень напоминает врача - певца Розенбаума, такой же лысый смолоду, высокий и очень «мужнистый». Все в нем - не выше нормы обыкновенности. Но - от него шла волна любви. И дети это чувствовали. И еще - он был верным дру-

гом нашего отца, не предал, когда все отвернулись от нас, не побоялся. А это очень дорого стоило, особенно в то гнусное время.

Может, я слишком высокопарно все это выложила, но, поверьте мне, что мы, уже покинутые бывшие дети, всегда помнили его день рождения, поминали.

Г.А. и его сестра задолго до революции выкрестились в православие и при этом им поменяли отчество - вместо Адольфовичей стали Андреевичами. А брат их так и остался Александром Адольфовичем, сына старшего назвал Адольфом (дома звали Доля) в честь отца. Каково было этому парню во время войны? Сестра Г.А. Елена Андреевна была врачом, долгое время работала в Монголии, после войны вернулась в Москву. Сын ее, Володя Веревкин, поэт, был арестован в тридцатых годах. Не знаю, то ли расстреляли, то ли погиб в лагерях, не говорили у нас об этом. Когда бывала в Доме литераторов, всегда носила цветы к списку погибших в то поганое время, он там тоже числится.

Вот Зинаида Тихоновна - она была другая. Она тоже была негромкой женщиной, но -

совсем другой характер, властный, все свои чувства держала под замком, многое скрывала, казалась всегда ровной, но когда ее допекало, тогда уж держись и получи, что положено - или убегай. Внешностью она резко отличалась от всех остальных Шахиных, все они были русые и нос с пупочкой унаследовали от бабушки, а она была горбоносенькая в отца, волосы очень темные с бронзовым отливом. Толстая коса - ниже пояса, всегда носила пучок со многими шпильками. К старости жаловалась, что болит голова от этой тяжести, потом остригла и стала какой-то совсем другой. Шутила, что пошла в какую-то прабабку – турчанку, говорили, что такая особа присутствовала в роду. У тетки был хороший голос и, пока был рояль, пела и себе аккомпанировала. Любила романсы Рахманинова и старинные. Федора Ивановича Шаляпина обожала с молодости, когда-то бывала на его концертах и пронесла это обожание до старости. От нее в детстве я услышала романс о чайке, помню только первый куплет: «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды. Над озером белая чайка летит. В ней столько покоя, в ней столько свободы, луч солнца у чайки крыло серебрит». Романс забытый, не он ли был толчком к чеховской чайке, подстреленной душе? Природа или воспитание, но осанка была идеальная до старости. Лет в 60 она говорила: Ага, сзади – пионер, спереди – пенсионер. Ничего не покупала из платьев, всегда шила сама, и всегда это на ней сидело идеально. Нога была маленькая и вся обувь, даже самая дурацкая, на ней смотрелась вполне прилично. Никогда не торопилась и ходила степенно. Написала про походку и вспомнила, как я уезжала с друзьями в Сухуми, а мама и она решили меня проводить. Картина была впечатляющая: они шли под ручку, обе невысокие, полноватые, грудью, как два корабля, резали толпу, спокойно и с большим достоинством.

В доме было очень уютно, чистота была идеальная, пол блестит, самовар блестит, занавески всегда белоснежные и хрустящие. Как она протирала трюмо, не знаю, ведь зеркало было почти до потолка! И была кулинарка от бога, из ничего могла сделать еду. Я уже писала про суп из воблы и пшена, про рыбий жир и прочие «прелести», а из ее рук получалась вполне сносная пища. На наши дни рождения готовился пирог «Наполеон», в голодные годы это было просто ее изобретение: копилась манка на коржи, хранился сахар или сахарин, добывалось молоко или суфле на заварной крем. Манку надо было помолоть на ручной кофейной мельнице. Она говорила: голь на выдумки хитра! Если в доме только яйца и черный хлеб – делалась яичница с черным хлебом! Если сделать с любовью – то очень вкусно! А если был белый, поджаривала «бедные дворянчики», хлеб обмакивали в молоко с яйцом и поджаривали на постном масле. И всегда чем-нибудь да накормит «голодающую губернию». А тот военный «Наполеон» меня часто просили сделать мои поседевшие младшие, сильна детская память! Сделаю, думаю, что отвернутся и есть не будут, а они лопают и причмокивают! Конечно, на нашу прожорливую ораву требовалось огромное терпение, но и оно у тетки кончалось, когда такие гости запускали носы в ее сервант. Даже мой сын вспоминает, как там замечательно пахло! А уж для нас это был просто рай. Все вкусности всегда лежали глубоко в самом низу серванта. Катерина, уже здоровая дылда, как-то нырнула туда, когда т.Зины не было в комнате, и пропустила момент ее прихода, чем-то увлеклась. Тетка так расширепела,хватила сестру по заднему месту и потом трахнула чашкой по затылку. В результате рыдали обе : одна вопила – «Я только понюхать!», а тетка держала в руке остатки от чашки из дорогого ей сервиза, крича: нахалка! Все тебе мало! Меня же коре-

Юра перед призывом в армию

жило от смеха, но, конечно, мне-то и досталось за этот смех. Выгнали нас двоих, Катерина долго не могла этого простить, ведь там было что-то вкусное, а теперь не досталось! А пожрать она любила всю жизнь! Про таких гостей т.Зина говорила: «Знаем мы вас не первый раз. После вас пропал самовар у нас!» Но этим мы не отличались никогда. Никогда без спроса ничего не брали, а дома всегда надо было спросить разрешение, даже на кусок хлеба. Даже в старости проявлялся ее характер: как-то покупала мясо в магазине, мясник ей подложил кусок бычьего х..., а она всегда развешивала и смотрела покупку. В результате был веселый скандалчик и этот кусок полетел тому в морду с остальным мясом. Выскочил заведующий, не поверил, что такая интеллигентная дама могла позволить себе подобное обращение с трудящимся. Откуда у тетки было знание великого и могучего, где нахваталась - не знаю, но пользовалась она им очень виртуозно, не повышая голоса и очень редко.

Любила остроумные шутки, хорошие анекдоты. Долго с хохотом вспоминала, как я ехала в трамвае. Дело было очень жарким днем, 47 или 48 года. Меня прижали к сиденью с дядькой, который читал развернутую газету. Я вытасила платочек, чтобы вытереть пот, а он упал на колени дядьке. Ну, а мне было как-то неудобно взять его, глубоко он лежал меж колен. Стояла и думала, и вдруг мой изумительный платочек стал уползать под газету. И уполз совсем. Выскочила я из трамвая, так было обидно! Ведь он остался у нас один на двоих с мамой! А платочки эти я сделала из последнего куса батиста, мало того, что с филигранной вышивкой, но и с кружевом, сделанным иголкой!

Мама их продала на работе, оставили один. Пришла на Басманную с зареванной мордой, рассказала. Господи, как же хохотали тетка с дядькой! А я ничего не поняла, заревела опять, так было жалко. Тут мне и объяснили, что будет дома с этим дядькой, если жена обнаружит у него в ширинке этот самый платочек. На Катеринины выходы она только качала головой и приговаривала: «Боже мой! Боже мой!». А маленькая принимала это как одобрение и, стоя перед зеркалом, по часу лепетала: Бози мой! Бози мой! И любовалась собой. А была она ярко рыжая, на мордочку страшноватенькая, и так было смешно это наблюдать!

Д.Гриша и т.Зина. 1955-56 год

После смерти д.Гриши мы обменяли комнаты и съехались с т.Зиной. Пенсия у нее была микроскопическая – 41 руб. с копейками, как на нее прожить? А вместе как-то выкручивались. Она немного не дожила до 80 лет, уходила медленно, атеросклероз – болезнь коварная. Володя устроил ее в больницу, таких больных просто не брали. Мы посещали ее каждый день. Условия там для подобных старух были кошмарные, в палате 8 таких лежачих, но ведь они этого просто не понимали. Лежали и доходили. Кого-то посещали, кого-то - нет. Вечером прибежишь и давай перестилать грязные постели, подмывать и кормить почти всех подряд. Орала я там на санитарок, а им только надо было

рубли совать в карман. Некоторые помогали мне, а другие облают и все – показала спину и отчалила. Я не одна была такая, приходило еще две женщины. Но выдержать такую палату было трудно: запахи. Рядом с т.Зиной лежала молодая, лет сорока, красивая женщина. Подобрали на улице, ни документов, ничего. Говорить не могла, только ля-ля-ля, руки парализованы. Вот так вот бывает, запомнилось. Тетя Зина жила в каком-то своем призрачном мире: принесешь ей что-то вкусенького, а на следующий день говорит – посмотри, какое вкусное варенье принесла мне Клара Ефимовна (ее бывшая соседка по Басманной), а той уже и на свете нет давно. Или просит: сходи к Филиппову, купи мне слоечку от него. А до Филиппова плыть и плыть от больницы-то. А она мне: ну, тут же рядом, на углу Лукова переулка у него маленькая булочная с тремя ступеньками. А там уже давным-давно что-то морское, военное. Я сумела неудачно сломать ногу и дня три не могла к ней пойти, а пришла на костылях к пустой кровати! Как я не убила палатного врача – идиота, не знаю, позвонить не мог, сволочь! До сих пор меня переворачивает от злости. Когда хоронили, т.Зину привезли на Басманную, с ней простилась не только ее квартира, но и многие старики из дома.

Что мне еще добавить? В 1920 или 1921 г. Г.А. получил комнату в доме № 16 по Ново-Басманной улице. Дом до революции был доходным домом Прове, старинный снимок его выложу потом, находится рядом с садом им. Баумана; раньше, даже на моей памяти, разделяющего забора не было, потом воздвигли высоченный. Стоит дом во дворе, ближе к улице до войны был построен еще один дом. Рядом по улице располагалась Московская военная комендатура, вход в нее выходил во двор и там всегда стоял часовой. Когда ее оттуда убрали - не знаю. Комнату им дали в квартире № 24. Как говорили, в этой квартире жил молочный фабрикант Чичкин. Она находится во втором подъезде, в бельэтаже. В детстве и юности меня не трогала вся красота подъезда и самой квартиры, все принималось как должное. А сейчас вспоминаю и думаю, как же умели хорошо строить и с большим вкусом отделявать. Начну с подъезда: двери из дуба, высокие и тяжеленные, ручки – бронзовые вычурные. Стекло в дверях очень толстое с узорными гранями. Лестница в подъезде, о котором пишу, до бельэтажа – как во дворце – белого мрамора, мраморные широкие перила и их основание – резное. На площадке между пролетами лестниц из мрамора же углубление для вазона (его я уже не застала). На лестнице когда-то лежал ковер, сохранялись кольца для него. Впечатление роскоши не производило, но все солидно и очень красиво. Выше бельэтажа лестница была отделана гранитом. Большие окна на площадках. Двери в квартиры высокие и также тяжелые, фигурные. В доме работал лифт, кабина была с зеркалом и скамейкой. Это только то, что видела, когда входила в подъезд. В другом подъезде было попроще, но также красиво и добротно. Пару лет назад меня занесло в те края, зашла во двор, хотела войти в подъезд, но... Открыла дверь и наткнулась на охранника, и дальше входной двери не прошла. Так посмотрела со двора на их два окна, постояла и ушла. Кате моей повезло больше, в 110-ую годовщину т.Зины, ее тоже не пустили, но она попросила вахтера отнести розы и поставить их на окно. Это было сделано, она их увидела

Почему я пишу про эту квартиру? Просто помню ее с той поры, как стала видеть мир. Всех соседей до сих пор считаю родными или почти родными людьми. Народ в этой квартире был самый разный: от «богатых» до нищего пролетариата, русские, евреи, украинцы, немцы (или латыши?), был даже татарин. В квартире было 6 больших и 3 маленьких комнаты. Прежним владельцем была оставлена вся мебель, видимо при вселении ее поделили между жильцами. Комната моих родных была кабинетом хозяина, с двумя высокими окнами, шпингалеты бронзовые узорные, (эти шпингалеты надо было чистить мелом или зубным порошком, моя работа), подоконники белого мрамора с прожилками. В ней стояло из старой мебели: рояль, книжный шкаф, диван, стол большой обеденный, огромное трюмо до потолка, ломберный столик и знаменитый сервант.

Но, как говорила Клара Ефимовна, соседка, сервант стоял у нее, а это был подсервант-ник, очень вместительное сооружение.

Отделка, пол и потолок – все в стиле модерн. Пол – дубовый паркет, в каждой комнате был свой, потолок – с богатой лепниной. Первый ремонт после въезда в эту комнату делался только через 35 лет после вселения, да и вообще, можно было его и не делать, только побелить потолок. Обои совсем не выцвели, просто постарели. Сколько не искали похожие, ничего не нашли. А старые были оригинальные: от потолка густая виноградная листва, затем появлялись виноградные кисти, затем вились усики и дальше шло поле с вкраплениями мелких листочков, выдержаны в негромких серозеленых приглушенных тонах. Диванная обивка повторяла узор обоев, на круглых валиках крепились бронзовые львиные головы с кольцами в зубах. Спинка дивана также дубовая, резная, с виноградными листьями.

Семья Каспиных жила в бывшей гостиной, также очень большого метража, с большим окном-эркером. У них стоял «настоящий» сервант, большой круглый стол, рояль, большая софа. На столе постелена реликтовая бархатная скатерть с рисунком модерн, хранилась как зеница ока и жила очень долго. Над столом – люстра, греза моих снов, бронзовое сооружение, одетое в красивый расписной шелк. Потолок в этой комнате – с выпуклыми ламбрекенами, делящими потолок на квадраты, в квадратах – роспись. Вот и досталось при ремонте: долго искали художника, чтобы расписать все по-новому. Клара Ефимовна числилась старшей по квартире. Была очень активной, работала в женсовете дома, вела какие-то кружки для детей. Исаак Моисеевич был каким-то большим чином в МПС. Старшая дочь Лена окончила консерваторию, в друзьях дома был Нейгауз, Станислав Рихтер, Гольденвейзер – короче, почти все фортепьянные идолы того времени. Лену мать сумела выдать замуж после нескольких попыток за тихого Додика, вовсе не причастного к музыке. А Муся Каспина работала воспитательницей в детском саду и учительницей начальной школы. Хохотушка, оптимистка и просто хорошая женщина, так и осталась одинокой после многолетней горячей любви.

Еще в одной комнате, у Евгении Ильиничны Барановской, осталась мебель из будуара хозяйки, туалетный столик, пюф, кресла и пуфики. Сын ее Юра был другом и покровителем Юры Шахина. А сама Евгения Ильинична была долголетним другом тети Зины.

Рядом с ней жила очень интересная семья Майхиных, у них было три комнаты с небольшим коридорчиком (видимо, как-то выгороженным). Главой семьи была высокая и нелюдимая немка – Эмма Карловна. С ней жила ее дочь с внуком – Ксения Ульяновна или, правильной, Вильямовна с сыном Эдиком. Ксения была очень красивая и стильная женщина, муж был арестован, квартира отобрана. А в маленькой комнатке жила семья неудачного сына Эммы Карловны – Пашки (так его звали до самой смерти) простого рабочего и алкоголика с женой Клавкой и сыновьями Павликом и Вальдиком (Освальдом!). После убийства Джона Кеннеди мне не раз приходило в голову – не этот ли Освальд был героем той истории? Клавка была дурным сном той квартиры, а сыночки – грозой двора и окрестностей. Если на кухне разгорался скандал, ищите Клавку! На место свары выплывала Эмма Карловна, брала Клавку за космы и утаскивала в свои комнаты. Я никогда не бывала у них, и в моих снах эти комнаты мне всегда представлялись какими-то царскими покоями с невиданной мебелью и антуражем.

Рядом с входной дверью жила семья женщин: старуха с дочерью Фаней и внуком Юзиком. Бедная еврейская семья, Фаня – брошенная мужем, сухорукая и неуклюжая, старуха – согнутая с клюкой. У Юзика был несомненный талант – писал хорошие сти-

хи, его печатали, учился в университете. После смерти женщин остался один и заболел – перестали действовать руки, их просто вывернуло. Из универа погнали, жить было не на что, работал почтальоном, потом не смог и этого. Евгения Ильинична и тетя Зина помогали чем могли. Кончилось все плохо: выпил уксусной эссенции, не спасли. Хорошили две старухи и мы с мамой.

В маленькой 10-метровой комнатке при кухне жили Карасевы - мать и трое детей. Тетя Паша работала стрелочницей – ломом передвигала стрелки на трамвайных путях нужному номеру трамвая. Была громогласная мощноругательная особа, поединки с Клавкой можно было услышать за закрытыми окнами. Детей лупила нещадно, порола почти каждый день. Потом я слышала, что все получили хорошее образование и выбились в люди.

Это все – по моей детской памяти.

О брате, его дочке Витьке и коте Тоське.

Когда-то, давным-давно, в один прекрасный день мой молодой брат встретил девушку, красивую, стройную и очень молодую. Его создатель тоже не обделил и умом и внешностью. Но что-то в нем не пришлось девушке по душе, ей хотелось веселья, ресторанов с вином и танцами, шикарного ухаживания. А братец мой смолоду не был привержен к компаниям с гульбой, и его влюбленность девушке показалась скучной и не стоящей внимания. Так они и расстались.

Но спустя года два их дорожки где-то пересеклись, и девушка, уже повзрослевшая, решила не отвергать молодого врача. Да и мамаша её, женщина разумная и правительница в семье, привчала брата. Она же и настояла, чтобы девушка вышла замуж именно за брата. Ну, из всяких романов знаем к чему приводит подобное давление: любовь с одной стороны, с другой – обида на мать и вообще на жизнь. Отсюда и пошло: муж – на дежурство, жена – на гулянку. А когда родилась дочь, молодая мамаша, следуя тогдашней моде и доктору Споку, решила, что грудью кормить не будет. Фигуру терять не следует и «вообще - ребенка она не хотела». Девочку взяла теща, а так как она работала, то с ребенком сидел старик-тесть (а он немного попивал и вообще к воспитанию детей относился с бооольшой прохладой). Ребенок оказался брошенным. Мамуля гулять начала с усиленным рвением, папаша пропадал на работе. Мои старшие переживали и писали мне тоскливые письма, а у меня не было возможности бросить работу в командировке и приехать даже на несколько дней – очень далеко я была. Ждали моего приезда. Да, приехала я в Москву, дело было зимой. Стоял мороз и шел сильный снег. Дома – слезы и «ЧТО делать??». Набрала с собой шерстяных платков, какое-то одеяло, поймала такси и на Арбат. Картину застала, как в ночлежке у Горького «На дне»: два братца золовушка в дребадан пьяные вповалку на диване, дедуленька – на кровати, лежит с краешку в таком же состоянии. Бабуленька – в отсутствии. А внученька 6-и месячная лежит у дедуленьки за спиной и сосет сардельку. Ну как тут мне было не взорваться?! Конечно, взорвалась. Деду наподдала и наорала, а ему – хрен хоп по деревне, продолжал дрыхнуть. Завернула ребенка в принесенное и рванула к такси. Дома отмывали это несчастное дитя, худое и шелудивое.

Так и осталась девочка Витенька (Виктория или Витька) у двух бабушек. Откормили, привели дитя в божеский вид. Мамуля её не появлялась (боялась ли старух или просто не хотела видеть ребенка – не знаю), брат уехал от тещи и снимал комнату. Вскоре он купил кооперативную квартиру в Алешкине. С женой - то мирились, то расходились. Молодая мамаша без ребенка не скучала, развлекалась как могла, брат рвался на части и ничего не мог сделать с женой, а та как с цепи сорвалась. Кончилось все также в один прекрасный день: собрал свои манатки молодой муж и ушел. А квартира постепенно превратилась в пьяный притон. Короче, жизнь была ключом. А девуленька росла красивым и умным ребенком. Бабушки отдавали ей столько ласки и тепла, сколько никогда не доставалось собственным детям.

Когда Витьке было года 3, квартире появился кот. Пришествие его было как торжественный выход короля: на мяуканье открыли дверь и ОН вошел! Грязный, шерсть свалывшаяся, было такое впечатление, что кот долго валялся в угольной яме у котельной. Но глаза! Огромные, зеленые и очень умные. Шел по прихожей спокойно, почти торжественно, походка вальяжная и голова поднята. Так и стоит до сих пор в глазах это явление кота народу, слегка обалдевшему. Спокойно обошел прихожую, ничего не обнюхивая, а глядя на собравшихся людей. И направился в комнату матушки моей. Как она любила кошачью породу, нам было известно, и не знали мы, что последует за этим вторжением. НО... мама спокойно взяла кота на руки и понесла мыть. После хорошего отмытия и сушки кот оказался светлосерым с длинной шерстью и шикарным хвостом в виде плюмажа на рыцарском шлеме. Очень вежливо поел из блюдечка и улегся около постели мамы на коврик – так это и осталось его местом. Вот такой вполне самостоятельный кот. А дальше жизни Витьки и кота, которого назвали Антоном (попросту Тоськой), очень крепко переплелись и на долго.

После мамы самым любимым человеком для кота стала моя маленькая племянка. Витька в себе соединила гены старших Шахиных и много взяла от своей матери. Глаза – с разрезом как у кошки, только голубые, носик – курносый и фигурный, а волосы – цвета спелой пшеницы, тяжелые, как будто масляные и слегка выющиеся. Наверно, это было результатом труда старших дам, которые каждый божий день в обязательном порядке сто раз проводили головной щеткой по её волосам. В 4 года волосы доставали до лопаток. Витьку устроили в детский сад, а там воспитательницы выговаривали матушке: Зачем вы мучаете ребенка и накручиваете ей каждый день волосы? Никто из них не верил, что все это натуральное. Характер у малышки был крайне независимым и упрямым: вспоминаю, как она осваивала велосипед! Сначала в прихожей был освоен трехколесный, с травмами и тихими ругательствами типа «Чволичь!», «Гад!» после очередного неудачного поворота и приземления. Но вскоре прихожая превратилась в велосипедный трек, гонялось по-страшному - с воплями восторга. Затем появился маленький двухколесный, немного подержанный, и его освоение уже происходило во дворе. Там освоение прошло под наблюдением остальной детворы, и тут уже было делом чести не падать, а если и слетела, то не орать и не распускать сопли.

Витька маленькая

А в прихожей освоение и последующая гоньба по периметру сопровождалась котом, который в конце концов приладилась вскакивать на спину к Витьке и изображать храб-

рого наездника. Сопровождалось это не только индейскими криками, но и торжественным воплем кота. Для этого номера одевался комбинезон, которого было не жалко под когтями кота. А ещё была игра в догонялки, и опять же в комбинезоне, когда догоняющий (кот) запрыгивал на шею и обнимал. А уж если была коса наружу, то тут веселью не было конца. Упаривались оба и валились на диван без дыхания. До сих пор терзает мысль - до чего же мы были не сообразительны, не увековечили все это хотя на фото! Ничего же не осталось!!! Ещё отличительной чертой Витьки был нюх, практически идеальный и сильный, почти собачий. Ну, это, видимо, передалось с ярцевскими генами. Поражало, как мгновенно она определяла запахи. В Бердянске, идя по улице с пляжа, малышка говорила: вот здесь они сварили кислые щи. А вот там жарят курицу. А тут жарят котлеты - и многое тому подобное. И так на протяжении всей улицы. А дома от улицы отстоят достаточно далеко и за заборами. Не помню, где отдыхала матушка с детьми, только комната была сдана с условием – готовить только завтрак и ужин. На обед ходили в какой-то дешевый ресторан, где столовались семьи с детьми. После первых двух посещений для Витьки был выделен отдельный столик, за который подсаживали плохо евших детей. Для всех приносили одинаковую еду. Глядя на Витьку, нельзя было не начать лопать. Аппетит у неё всегда был отличный, а уж в такой компании... Дети ели, а родители радовались и присоединялись на пляже и на гулянье со всякими лакомствами. А Витька никогда и не жеманилась, все принимала как должное.

Дома готовили бабушки, а это значит, что тарелка будет вылизана. И потом – в доме всегда, во все времена, действовал закон: не нравится еда или есть не желаешь – уходи из-за стола, не портить аппетит другим. Но такое с нами всеми случалось крайне редко!

Несмотря на всякое разнообразие пищи для ребенка, у Витьки любимым лакомством оставался кусок черного хлеба (с маслом или без), посыпанный сахаром. А вместе с ней этим куском лакомился и кот. Лягут вместе на диване, нос к носу, сама откусит кусок и жуёт, второй кусочек – коту. Зрелище! До сих пор я не понимаю, как у этого кота хватало терпения. Ведь существование его в паре с Викторией было бы для другого животного мукой: его и пеленали как младенца и часами возили в кукольной коляске, таскали, прижав ему ребра, а у него лапы и хвост болтались. Ведь не вырывался, а охотно шел Витьке в руки и терпел.

Она же взрослая

И ещё один эпизод: достала матушка где-то цыплят (величиной немного больше ладони, синеньких таких), поджарила на обед. Обедали всегда в комнате на большом круглом столе, как полагается в приличном доме, со скатертью и отличной посудой (каюсь, что у меня такое бывает только при гостях!). Для Тоськи приставлялся высокий детский стул и он питался с блюдечка за общим столом. Пахло так вкусно! Все сели за стол, едят. А у меня осталось шитье на несколько минут. Моя порция цыплага передо мной, рядом Виктория уплетает своё со вкусом. Дошить я не успела, как увидела: ручка моей племянки взялась за мою порцию. Бабули вскинулись – как это можно? Это не твоё! А в ответ: Это как это? она будет есть, а мы – смотреть? Имелся в виду и кот, который уплел свою еду. Хорошо, что матушка имела запас и выдала «объединенному голодающему Поволжью» добавку.

Никогда бы я не могла представить, что с генами может переходить и выговор: предки мамы её были из Белоруссии, дед и бабушка говорили по-русски чисто, но с очень жестким выговором. А ведь и деда и бабушки девочка, практически, и не видела, нахвататься было неоткуда. Но белоруссизмы у племянки присутствовали и очень долго. А, вообще, язык Виктории отличался своеобразием: она долго говорила «лАндо» (ладно), «в онко ничего не виндо» (в окно ничего не видно) и многое другое. Пересказывая рассказ Л. Толстого, у нас вдруг появилось слово «насапырь», оказалось, что в рассказе девочка полезла на насыпь.

И, конечно, из детского сада принесено было столько, что дамы хватались за голову. Детский слух всегда вещь очень любознательная, а с Витькой и подавно можно было со смеху подавиться. Например, песня В.Ободзинского «Эти глаза напротив» пелась так - «Эти глаза на фронте». В семье осталось надолго выражение «офцальные лица». Это – на гулянье, глядя на праздничные портреты нашего Политбюро, громко и отчетливо у меня было спрошено: Что такое офцальные лица? Несмотря на стержность характера, девочка была очень нежная не только наружностью. Дамы мои сюсюкать не привыкли и не облизывали ребенка, а ей, видимо, очень хотелось этого – хоть маленькая, но женщина! Ну, а я могла и посюсюкать и облизать и голову её подмышку сунуть и зацеловать до щекотки. Когда меня не было, её кровать стояла около кровати матушки моей, когда же приезжала я, следовала перестановка декораций и её кровать перемещалась к моему дивану. По вечерам в обязательном порядке надо было или читать книжку или рассказывать сказки. На сказки у меня хватало сюжетов, но требовалось «травить эти байки» без повторений, если имелись повторения, следовало ехидное замечание: чего ты мне рассказываешь? Я это уже знаю, расскажи лучше это Бази (так она звала З.Т.). Но каждый вечер при засыпании задавался неперемный вопрос: Ты меня лубяшь? И если я спросонья отвечала – люблю, люблю! – то следовало: Нееет, ты скажи - обожаю!

Теперь немного о Тоське. Кот от хорошей жизни подрос, заматерел, гляделся важным-важным. И очень красивым. Что в нем было особенного, это то, что он очень любил воду. Купать его и мыть было удовольствием для него и приглашенных смотреть это действие. Когда Витька пошла в детский сад, ему стало скучно, не с кем было побегать и похулиганить. А к спокойной жизни у него не было привычки. Но в квартире

было много интересного, например теткин сервант со стоящими вазами с цветами или балкон, на котором обосновалась воробьиная стая или ванна. Сервант и тетка пострадали в первую же очередь: после первого же прохода по верху серванта были разбиты две (!) вазы и порвана совсем древняя, но высокоценимая вязаная салфетка. На какое-то время доступ через дверь в эту комнату был запрещен. Но кто это запретит коту проникнуть через окно с балкона? Тетка уйдет по делам, приходит, а кот опять либо что-то натворил, либо отлеживается на филейной накидушке на подушках. Но ведь все ему прощалось!

Я уже писала, что матушка моя очень боялась воров и прочих подобных людей, всегда, оставаясь одна дома, запиралась на все имеющиеся замки и задвижки. И вот однажды, когда никого не было дома, мама услышала какой-то звук, крайне непонятный. А звук шел из ванной. Как она говорила, её протрясло немного, потом отпустило. Вооружилась скалкой и пошла проверять. Скалка – не пригодилась: в ванной сидел Тоська и развлекался – лапой ударял по шлангу, надетому на кран от газовой колонки, тот со скрипом поворачивался, затем следовал удар другой лапой и кран скрипел в другую сторону. Но это развлечение было довольно безобидным, обошлось валидолом и рассказом вечером. А вот если не закрыть на задвижку туалет, то можно было придти к куче всего вынутого из унитаза, не унесенного водой, при плохом водоснабжении и спешке сидящих на унитазе, причем куче, иногда разнесенной по квартире. Все бывало.

Однажды, возвратившись из командировки и привезя с собой кучу грязной одежды, я хотела принять ванну, напустила горячей воды, разделась и решила до ванны постирать всякую мелочевку. Дверь закрыта, мои все дома, ко мне никто не пристаёт, знают, что с дороги я злая, усталая и грязная. Стою, стираю, стирала что-то кружевное, взбила много пены. И тут мне по ногам ширкнуло что-то. Я, естественно подскочила и взвyla с перепуга. Таз вместе с табуреткой - на полу, пол весь в пене. Как не грохнулась на кафельный пол на этом мыле – не знаю. А кот от моего воя залетел в горячую ванну и также воет дурным мявом. Правда, выскочил он оттуда достаточно быстро и кинулся к двери. А у этой двери была особенность: она внизу имела прорезь неровную. Так с перепугу кот – дурак и застрял в узкой части прорези в виде цыпленка табака: голова и передние лапы – наружу, а остальное – в ванной. А когда я поддала ему мыльной тряпкой, с диким воем вылетел наружу, перепугав всех. Но и это не отучило его прыгать в наполненную ванну. Все стирки, вернее полоскание белья, происходило под его неусыпным контролем: сидел на доске поперек ванны и как же было интересно! А уж когда спускалась вода из ванной – это был апофеоз, тут надо обязательно спрыгнуть в воду и поправлять лапой, чтобы лучше уходило!

С балконными приключениями дела обстояли намного трагичнее: пару раз удалось его вытащить, когда висел и орал из последних сил. А всё виноваты воробьи – не давали покоя Тоське, дразнили. Это я пишу без шуток: что они вытворяли, трудно описать. Ведь на балконе было много зелени и они резвились, как хотели, а тут кот как хозяин. Вот, кстати: в командировке, где у меня была квартира с балконом, наблюдала я весьма запоминающееся событие – в первый раз видела как сочувствуют птицы друг другу. Меня ранним утром разбудил птичий гомон, а занавески на окне балкона были задернуты. Гомон шел с балкона. Осторожно посмотрела и увидела, что перила балкона усыпаны воробьями. А между рамами бьется синичка. Пока я её не сумела выпустить, воробьи не улетали и громко соболезовали. Как выпустила – все разом вспорхнули и всё.

А Тоська скучал без Витьки и его хулиганство на балконе кончилось падением с 4-го этажа. Как матушка доставала его из-под машины, куда он забился – не знаю. Носили в ветеринарку, но падение оказалось крайне неудачным, отшиб себе все внутренности, было внутреннее кровотечение и пришлось его усыпить. Плача было много, и больше котов и кошек в нашем семействе не было. Да и у Виктории появились новые привязанности и занятия.

Витуська жила с бабушками до 8-ми лет. А затем её затребовала мамаша, причина банальная – брат хорошо оперировал, стал зарабатывать, а тут на бутылку не хватало. Потребовались алименты. Сколько брат не бился и не судился, приговор был один: дочь должна жить с матерью. Выносить всю грязь и помои на люди брат не захотел, хотя со-

седи были готовы идти в свидетели. Ну и получил за свою интеллигентность и жалость к «падшим». На выходные и каникулы бабушки брали ребенка к себе, отмывали, приводили в порядок, покупали одежду и обувь. Училась в школе неплохо, хулиганила в меру способностей. Мать свою со временем полюбила и жалела, не давала её ругать. А та слабая женщина, не могла совладать с этим пристрастием, постоянные компании с пьянкой и весельем с окружной пьянью, и многим другим, чего не должен видеть ребенок. Сожители менялись, как перчатки у барыни.

И Витька, окончив школу, выскочила замуж и переехала к мужу. Но очень скоро мальчика – мажора загребли в армию. Отец его считал, что молодому балбесу необходима строгая школа. Молодой парень был красив, семья обеспеченная, парень был избалован и семьей и девушками. И хорошо попивал. С тем и отправился на службу, в место, которое устроил отец. А там оказалось много свободного времени и окружение таких же, как он сам. Тем временем у Витьки родился сын, но свекровь не пожелала возиться с ребенком и молодая мама опять оказалась у своей матери. А муж недолго считал себя связанным обязательствами и нашел новую пассию. Так и закончилась семейная жизнь. Посещения опухшей и беззубой тещей семейства молодого мужа привели к полному отчуждению и внука и всей этой семьи. Образования Виктория так никакого и не получила, работала в яслях и детском саду. Лет через 5 познакомилась с хорошим парнем, собирались пожениться, подали заявление в ЗАГС.

Всё кончилось в одночасье: вечером упала и только успела крикнуть: Больно, больно! Скорая приехала уже к мертвой, было ей 26 лет. Когда брат узнал результаты вскрытия, хотел покончить с собой, но не удалось, т.к. следили за ним очень внимательно. А причина – у девочки сильно болела шея под затылком. Поставили диагноз – миозит и назначили прогревания. А оказалось, что была аневризма аорты (если я правильно назвала диагноз) и брат мог ей помочь, ведь она ему жаловалась. А у него то совещание, то операция, а то и просто выпивка с друзьями или без. Сын остался у бабушки. Первое время она продолжала вести прежний образ жизни, но постепенно осознала ситуацию и сумела отойти от своих компаний. Пить не перестала, пила потихоньку от внука. Оформила опеку, потребовала алименты с мужа и помощь от той семьи. Были какие-то гроши, брат помогал и деньгами и чем мог. А бабушка, наступив себе на горло (ведь же смогла, когда приперло!) совершила подвиг - вырастила внука, сумела пристроить его в институт, окончил он с красным дипломом. А ещё дала совет, как откосить от армии, что он и претворил в жизнь. Сейчас её уже нет, внук работает. Вот такая заковыристая штука – эта жизнь.

Хождения по кругам НКВД-КГБ и прочим «прелестным» местам.

С 1944 года мы пытались что-то узнать об отце. Сделать это можно было в приемной НКВД на Кузнецком мосту, 24. Во дворе надо было отстоять очередь к заветному окошку, в которое говорили ФИО, когда арестован и статью. Через сколько-то дней – опять очередь в это окошко. Ответ много лет был один: «Жив, здоров, находится в лагерях» и окошко захлопывается. Стоять в это окошко надо было с ночи, очередь не пугала, привыкли. Но сама очередь страшная, все молчат, отворачиваются друг от друга, а если говорят, то шепотом. Двор маленький и полный народа. И так тихо, тихо. У Анны Ахматовой, у Льва Разгона и множества других написано лучше об этой очереди. Я тогда ещё верила, что отец жив, мама – не знаю, тогда она молчала.

После смерти Сталина и XX съезда КПСС всю стали реабилитировать всех «шпионов, участников заговоров и прочих троцкистов», посаженных, расстрелянных, вы-

живших и мертвых. Мы написали Хрущеву, ответа долго не было, но потом пришло письмо с вызовом на Старую площадь в Комитет партийного контроля, к его председателю. Мама ходила туда одна, пришла убитая, ей сказали, что отца давно уже нет. Однако этот партийный босс долго разговаривал с ней, сочувствовал, говорил, что таких честных людей, как отец, мало, что погиб из-за того, что многое знал, что его оговорил Ежов. Утешал. Назавтра ей было предложено посетить Министерство связи и ЗАГС, потом и прокуратуру. В Минсвязи её принял очень быстро какой-то замминистра, пригласил каких-то людей, говорили, чем-то угощали. В кабинете же вручили двухмесячную зарплату отца. А в ЗАГСе дали справку о смерти, причина – разрыв сердца (!!!). Мама пришла домой плачущая и в тоже время её так обрадовали отношением и в КПК и в Минсвязи. Деньги для нас были огромные, а то, что отца нет в живых, она предполагала уже давно. Приехала З.Т., о чем-то долго говорили – нас всех выгнали, не знаю, но деньги спрятали и велели всем молчать. А посещение прокурора было шоком, с порога он выдал - что вы ходите, что требуете, какая реабилитация, эта тройка – Ежов, Фриновский, Ярцев – там клейма негде ставить и много-много в подобном духе. Оскорблял ее, кричал и всячески негодовал. Домой пришла очень тихая и бледная, и легла, опять был семейный совет, отпивали и отхаживали. Деньги, что дали, мама долго боялась тратить, а вдруг потребуют обратно? Но потом решилась, и накупила всем одежды и обуви. Больше мама никуда не писала, писала Катя и я. Но все это были вопли в пустыне, на все запросы отвечали, что или дело в Военном суде или проще - «реабилитации не подлежит».

Так было до 1986 года, когда я вышла на пенсию и могла заняться этим вплотную. Я прорвалась на аудиенцию к какому-то большому военному прокурору, тогда это заведение было на Кировской. Взяла с собой бумаги, нужные для разговора. Катерина моя очень просилась со мной, но я знала, что разговор тогда получится с соплями-воплями и даже истерикой. А себе дала слово, что сама голоса не повышу, разговор будет без дамских штучек. Меня ждали в отдельной комнате со многими столами, но славу богу, никого больше не было. Атаку начал он, что вы хотите и прочее и прочее, но тон был не очень агрессивный. Чего хочу? Реабилитации. А вы знаете....Услышала, что отец такой-то и такой-то, виноват во многом, что он замешан в расследовании дел Рудзудака и Карахана, что ему недаром дали 58 статью и так далее.

Я молчала, сидела и слушала, потом просто потребовала дело отца. Принесли, но мне в руки его не дал, а начал цитировать. У меня с собой были всякие бумаги, что хранились у мамы. Он мне цитирует, я ему цитирую в ответ. Поймала его на каких-то делах 1938 года, когда отца уже не было в органах. Вот тут и началось: да, вы жили как бары, вам давали шикарные казенные квартиры и прочие кухонные бабские причитания. Ну, нервишки тогда у меня были крепкие, сунула ему под нос опись вещей, изъятых при аресте. А там: гимнастерка шерстяная, галифе шерстяные, форма х/б, сапоги хромовые, сапоги парусиновые, португеза кожаная и прочая мелочевка, вплоть до подтяжек. Это, что ли, роскошь? А потом стала задавать вопросы (к этому времени я уже встречалась с некоторыми людьми, которые знали отца по работе и сумели выжить и дожить до старости, а также начиталась всего). Спросила его, знает ли он, что такое парусиновые сапоги, не видел ли он у коллег из бывшего НКВД золотых часов - такой большой золотой луковицы на брелке, или старинной книги о А.В.Суворове, изданной к его столетию? И многое другое. И о книгах, редких, на которые отец убивал зарплату, у кого они оказались? Мебель наша, 1935 года покупки, описчиков не вдохновила – фанерная кустарщина, никого бы ни соблазнила, но ведь он мне и не поверил! Он же считал – советские бары! А ещё спросила, очень доверительно – есть ли у его жены шубка? Да. А у моей матери – барыни никогда не было даже крашеного кролика под котик. И опять – не поверил. Как я сдерживалась, не знаю, но говорила тихо и с улыбочкой, гадости по-

лучались вполне корректные.

К этому времени многое стало известно, что творилось на Лубянке в 1954-56 гг., как вычищались архивы, как старались эти кадры – пусть выгонят из партии, но оставят жить. Как мне говорили знающие люди, многие дела перекидывались на уже мертвых и расстрелянных чекистов, на мертвых ведь можно было повесить все и не отвечать головой за свои дела. О делах отца я знала к этому времени достаточно, поэтому и просила показать дело отца. Но получала только цитаты, даже глаз запустить туда не дали. Минут через тридцать поняла, что разговор бесполезный и решила его кончать, какие-то кухонные перекидушки. А вот, когда я получила упрек, что я так хорошо одетая дама при хорошей шубе и так грубо разговариваю, терпение мое кончилось: посоветовала ему не очень-то доверять коллегам из бывшего НКВД, их мундиры до сих пор воняют блевотиной, не мешало бы почистить и мундиры и кадры, чтобы хоть на площади не воняло. Кстати, и прокуратуру почистить заодно. Самое печальное в этой истории – перевод разговора на кухонные рельсы, и не я тому виновница. Но сдвинуть этого товарища не смогла. Дело отца категорически не дал в руки, препираться с кухонными мужиками – не в моем стиле. На прощанье он получил порцию определений на великом и могучем, но! Я при этом была на «высоте» – рот до ушей от улыбочки и вся такая красивая. С этим я закрыла дверь. А на улице забилась в какую-то подворотню с помойкой, трясло меня сильно, то ли от злости, то ли от нервов, и поехала домой. В тот вечер я была пьяная, сидела и пела песни отца и плакала на глазах моих бедных женщин. Они все поняли. Плакали и пили вместе со мной.

Прошло 20 лет, я опять писала в Военную прокуратуру, меня очень культурно вызвали. Все прошло страшно вежливо, приветливо, но как-то настораживающе, может быть, это мне так казалось, но посещение подобных мест не очень приятное дело. Задали такой вопрос: а зачем вам эта реабилитация, что вы хотите? Сказала: ничего, кроме реабилитации. Но не поверили, видимо, много ходит таких, которым нужно вернуть квартиру, имущество и проч. Объяснила, что от нашего милого государства мне ничего не надо, выжила без его помощи и сейчас не нуждаюсь, а реабилитация нужна для нас, оставшихся в живых. Через пару месяцев мне вручили бумагу, что реабилитация невозможна по изложенным причинам. На мой вопрос, где в этих причинах статья 58 с самыми страшными пунктами (это шпионаж, заговор и прочие страшные обвинения), по которой получил пулю в затылок, ответили – это все снято, он в этом не виновен. На вопрос – так за что же он был расстрелян – ответа я так и не получила. Было превышения полномочий на Сахалине. И это было последнее, больше и я никуда не писала и запретила Кате и Володе.

Знаю, что у наших органов обратного хода, как у крокодила, нет. Но знаю, что орден отец получил в связи с заговором генералов, мама говорила, что «это было, было», и тех поспешно реабилитировали сразу после XX съезда, а значит, есть и виноватые, вот, видимо, и разгадка. Ну и кончаю на этом о таких страшных и грязных делах, не мне судить своего отца, пусть рассудит время. На этом свои воспоминания, размышления и всякие описания кончаю.

Еще немного фотографий:

1996 год

2005 год

Андрей

Послесловие.

Жизнь обычна и обыденна, пока не начинаешь о ней задумываться. Изо дня в день ходишь на работу, чистишь, моешь, стираешь, готовишь, бегаешь за автобусом, и тебе кажется, что все это в порядке вещей – она именно такова, твоя жизнь, она подчинена странному распорядку, который диктует работа и дом. Теперь, когда видна последняя черта, за которой неизвестно что, начинаешь понимать, что все в жизни было неправильным. Что жила не так и жила не там. Но, оказывается, поздно сожалеть. Жизнь прожита именно так, как прожита, и обратно не переиграешь. К сожалению, не переиграешь.

Вот и закончила я свою повесть, грустную или не очень.

Если прочитали – то большое спасибо.

Если нет – то все равно спасибо, хоть в руках подержали.

Писано мною в 2009-2011 гг. в полном сознании и еще неотключившейся памяти. В чем я вас заверяю и подписуюсь,

И.Ярцева

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	2
РОДОСЛОВНАЯ НАШИХ СЕМЕЙ.....	2
ЯРЦЕВЫ.....	2
ШАХИНЫ.....	4
О НАС.....	6
Детство, Маросейка. 1935-36гг.....	6
1937 год, ул. Мархлевского.....	12
1938 – 39 годы. Арест отца.....	13
Дачи в Одинцово и Пушкино.....	14
1940-41 год. Каляевская, д.5.....	17
Война, эвакуация в Саратов, 1942 год.....	20
Возвращение в Москву, совхоз «1 Мая», 1943 год.....	24
1943-46 годы.....	27
День Победы.....	31
1947-51 годы. Техникум.....	39
1953 – 57 г.г. Опять Москва. Рождение Андрея.....	47
1957-63гг. Институт.....	51
Наше житье-бытье в эти годы.....	53
ОБ ОРГРЭСЕ, КОТОРЫЙ ПОБЫВАЛ В ЗВАНИИ СОЮЗТЕХЭНЕРГО, ОПЯТЬ СТАЛ ФИРМОЙ ОРГРЭС И МОЕЙ РАБОТЕ В ЭТОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ФИРМЕ.....	57
РАБОТА В БОЛГАРИИ. ТЭЦ «МАРИЦА – ИСТОК».....	65
«БОЕВЫЕ КРЕЩЕНИЯ».....	72
НАШЕ ЖИТЬ-БЫТЬЕ. 1982 И ДАЛЬШЕ. О ДЖИНЕ.....	74
Теперь о Джине.....	74
ДЫРЯВАЯ БАЙДАРА, ДВА ВЕСЛА, КАПИТАН И «ПРИСЛУГА ЗА ВСЁ».....	79
О ДВУХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЯХ, КОТОРЫМ МЫ ОБЯЗАНЫ И ЖИЗНЬЮ И СУДЬБОЙ.....	85
О БРАТЕ, ЕГО ДОЧКЕ ВИТЬКЕ И КОТЕ ТОСЬКЕ.....	91
ХОЖДЕНИЯ ПО КРУГАМ НКВД-КГБ И ПРОЧИМ «ПРЕЛЕСТНЫМ» МЕСТАМ.....	96
ЕЩЕ НЕМНОГО ФОТОГРАФИЙ:.....	99
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	100